

Евреи и мавры в Испании

Джозеф Краускопф

THE
JEWES AND MOORS

IN
SPAIN

BY
RABBI JOSEPH KRAUSKOPF

KANSAS CITY:
M. Berkowitz & Co.,
Publishers and Printers.
1887

Электронная книга проекта Гутенберга о евреях и маврах в Испании

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Евреи и мавры в Испании

Author: Джозеф Краускопф

Дата выхода: 7 ноября 2015 г. [Электронная книга № 50408]

Последнее обновление: 22 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Карлосом Колоном, Университет Торонто, и командой онлайн-корректоров, распространяющих корректуру на <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом / Канадскими библиотеками)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЕВРЕИ И МАВРЫ В ИСПАНИИ" ***

Примечания переписчика:

Пустые страницы удалены.

Варианты написания и расстановки переносов оставлены как в оригинале.

Исправлено несколько типографских ошибок.

Титульный лист был создан автором текста и может считаться общественным достоянием.

ЕВРЕИ И МАВРЫ В ИСПАНИИ.

АВТОР: РАВВИН ДЖОС. KRAUSKOPF.

КАНЗАС-СИТИ:
М. Берковиц и Компания, издатели и типографии.
1887.

Авторское право, 1886,

Джозеф Краускопф.

Все права защищены.

Членам Конгрегации Бнай Иегуда Из Канзас-Сити, штат Миссури,

В знак глубокой признательности за их Доброту и Поддержку Я с уважением посвящаю Этот Том.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Этот том представляет собой перепечатку газетных отчетов о серии лекций, прочитанных автором с кафедры конгрегации Бнай Иегуда, Канзас-Сити, Миссури, осенью и зимой 1885-1886 годов.

Лекции были подготовлены в соответствии с требованиями популярных дискурсов и призваны донести информацию об очень важной эпохе мировой истории, которой почти пренебрегают в английской литературе.

Мысль об издании этих лекций в виде книги была совершенно чужда автору на протяжении всей их подготовки, пока настоятельная просьба очень многих людей, как евреев, так и неевреев, во всех частях этой страны, чей интерес к этим лекциям был вызван их широко распространенным переизданием в прессе, не сделала это его обязанностью.

Канзас-Сити, Миссури, январь 1887 года.

Ниже приведены два из многочисленных писем, адресованных автору с просьбой опубликовать его лекции на тему "Евреи и мавры в Испании" в виде книги.

Письмо почтенного Т. Т. Криттендена,

Бывший губернатор штата Миссури.

Канзас-Сити, Миссури, 29 марта 1886г.

Rabbi Joseph Krauskopf.

Уважаемый сэр, Прочитав с удовольствием и назидательностью цикл лекций, прочитанных в синагоге Канзас—Сити, штат Миссури, под названием "Евреи и мавры в Испании", в которых вы рассказываете о социальной, политической, религиозной и интеллектуальной жизни этих восточных народов, могу я поинтересоваться, является ли вашей целью опубликовать их в виде книги?

Я думаю, что лекции слишком ценны, слишком полны длительных исторических исследований и мыслей, чтобы прожить всего один день в колонках ежедневной газеты. Даже если они были задуманы как "украшение истории или указание на мораль" великой расы, к которой вы принадлежите, история которой началась с Авраама и закончится историей рода человеческого, все равно история этой расы была (и остается) настолько тесно переплетена с историей других рас за прошедшие столетия, что лекции частично, в такой степени являются историей других рас, что их могут читать и изучать все люди без предубеждения или враждебности. Одно можно сказать наверняка: на лекциях вы избавили историю от большей части ее сухих и бесполезных деталей и превратили ее в захватывающий роман из фактов, представленных на самом простом и чистом англосаксонском языке.

Я не знаю, как другие относятся к лекциям, скажу только за себя — ни одна библиотека не будет полной без истории еврейской расы, и никакая история этой расы за рассматриваемый период не является более всеобъемлющей, правдивой и беспристрастной, чем та, что представлена в этих лекциях. Я думаю, что книга нашла бы широкую продажу во всех думающих и читающих сообществах.

Искренне Ваш,

Им. Т. Криттендена.

Письмо от Арнольда Крекеля,

Судья Суда США, Западный округ штата Миссури.

Канзас-Сити, Миссури, 2 апреля 1886 года.

Rabbi Joseph Krauskopf.

Мой дорогой сэр, посетив ряд ваших лекций на тему "История евреев и мавров в Испании" и прочитав то, чего я не слышал, позвольте мне высказать свое мнение относительно того же самого. Помимо интереса, который изучающий историю всегда должен испытывать к той части истории, о которой говорится в ваших лекциях, меня особенно заинтересовала манера изложения. Изложение исторических фактов слишком часто становится сухим и утомительным, и требуется нечто большее, чем обычное мастерство изложения, чтобы сделать предмет интересным и привлекательным. В этом вы полностью преуспели, вплетая в факты те моменты, которые оживляют картину. Знание социального положения народа и отношения, в котором он находится к своей эпохе, позволяет нам судить об их ценности и влиянии, которое они

оказывали. Ваши лекции в целом представили живую социальную картину того времени и людей, и поскольку цивилизация Европы была в значительной степени сформирована евреями и маврами, их история в значительной степени охватывает историю цивилизации и, таким образом, вызывает интерес не только к людям и странам, о которых ваши лекции дают столь интересное представление. Публикация ваших лекций в постоянной форме расширила бы наши знания о той части истории, к которой мы всегда обращались за наставлениями и руководством, и я надеюсь, что вы сможете найти способ достичь этой цели.

С большим уважением,

А. Крекель.

Редакционная статья в воскресном "Канзас-Сити Джорнэл", 24 апреля 1886г.

Вчера утром журнал опубликовал восемнадцатую и последнюю лекцию из цикла лекций раввина Краускопфа на тему "Еврей и мавр в Испании". С начала и до конца эти лекции вызвали всепоглощающий интерес. Синагога была переполнена по случаю их выступления, и слушатели раввина с сожалением узнали, что лекция в пятницу вечером была последней из серии.

Целью раввина Краускопфа является издание его лекций в виде книги. Из них получится привлекательный том, который, без сомнения, будет широко читаться. Раввин Краускопф - художник-график, и его лекции на тему "Еврей и мавр в Испании" представляют собой серию исторических событий, связанных таким образом, который привлекает внимание читателя — сцены старого света описаны точно и живо. Читатель проходит через всю борьбу, поражения и триумфы евреев. Их искусство, трудолюбие, честные поступки и непоколебимая приверженность своей религии, несмотря на испытания и гонения, связаны с гордой верой в то, что они были избранным Богом народом, вершащим свою судьбу в соответствии с Его волей. Лектор начал с евреев, какими он их нашел, - процветающей общины на юго-западе Европы, усердно занимающейся превращением Испании в зернохранилище и садовый уголок Европы, уважаемый своими соседями-язычниками, счастливый и довольный. Он перешел к периоду гонений в шестом веке, когда христианство несколько насильственного характера пыталось обратить евреев путем преследований; когда многие были убиты, а другие отправлены в изгнание. Затем последовало арабское вторжение, и в период господства Мохаммеда еврейская жизнь снова была позволено жить в мире и совершать свои собственные религиозные обряды. В течение восьми столетий евреи и мавры работали бок о бок, и некогда угнетенный народ достиг богатства и высокого положения.

С упадком мусульманского могущества и изгнанием мавров испанцами евреи снова были доведены до жалкого состояния. Испания достигла огромного могущества, но и оно пошло на убыль, и население в 30 000 000 человек сократилось примерно до половины этого числа. Мануфактуры, торговля и сельское хозяйство, всеобщее процветание, созданное евреями, исчезли, и слава Испании угасла так же быстро, как и была приобретена. Только изгнанию евреев и мавров раввин Краускопф приписывает гибель Испании.

Лекции читаются как роман. Это исторический роман, рассказанный в очаровательной манере, полный точных, правдивых описаний. Когда они будут составлены, объем, несомненно, получит

большую распродажу. В первоначальное намерение раввина не входило выпускать свои лекции в виде книги, но многие люди, как евреи, так и христиане, просили его устно и в письмах сделать это, и он решил удовлетворить их просьбы.

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ.

ГЛАВА I.

День в Кордове. 3-11

ГЛАВА II.

Европа в темные века. 12-21

ГЛАВА III.

Европа в темные века, *Продолжение.* 21-33

ГЛАВА IV.

Возвращение в Кордову. 34-45

ГЛАВА V.

Арабо-мавры. 46-57

ГЛАВА VI.

Канун субботы в Кордове. 58-68

ГЛАВА VII.

Канун субботы в Кордове, *Продолжение.* 69-81

ГЛАВА VIII.

Въезд евреев в Европу. 82-89

ГЛАВА IX.

Въезд евреев в Испанию. 90-101

ГЛАВА X.

Их положение в медицинской науке. 102-111

ГЛАВА XI.

В науках. 112-122

ГЛАВА XII.

В литературе. 123-147

ГЛАВА XIII.

В философии.	148-158
ГЛАВА XIV.	
В промышленности.	159-170
ГЛАВА XV.	
Инквизиция.	171-188
ГЛАВА XVI.	
Изгнание евреев.	189-205
ГЛАВА XVII.	
Рассеяние евреев.	206-224
ГЛАВА XVIII.	
Последствия изгнания.	225-240
Указатель.	241

Содержание.

ГЛАВА I.

День в Кордове. 3-11

Шесть, восемь и десять веков назад в мировой истории.—Наш въезд в Испанию. — Чудо.—Прекрасный Гвадалаквивир.—Наш бронзоволицый гребец.—Прекрасная Кордова.—Город искусств и наук.—Ночь.—Серенада.—Наш отъезд.

ГЛАВА II.

Европа в Темные века. 12-21

Над океаном.—Опустошенная Европа.—Тоска по Кордове.—Южная Испания контрастировала с остальной Европой.—Отвратительная нечистоплотность..Монахи—аскеты утверждают веру в то, что чистота тела ведет к загрязнению Души.—Интеллект скован по рукам и ногам.—Духовенство тормозит прогресс.—Светские знания отвергнуты.

ГЛАВА III.

Европа в темные века, *Продолжение.* 21-33

Грубые суеверия.—Распятие, проливающее кровавые слезы.—Дом Богородицы, который Ангелы несут по воздуху.—Сатана в образе Красивой женщины.—Сцены в аду.—Сожжение ведьм.—Король, который не может написать свое имя.—Феодалы как грабители с большой дороги.—Крепостное право крестьян.—Возвращение в Кордову.

ГЛАВА IV.

Возвращение в Кордову. 34-45

Кордова на дневном перерыве.—Мусульманский шаббат.—Молодежь Кордовы резвится

на воде.—Песня.—Состязание гребцов.—Призыв муэдзина.—Великая мечеть.—
Проповедь.—Хасдай Ибн Шапрут, еврейский посланник халифа. Дунаш Ибн Лабрат. — На
пути к Абдаллаху Ибн Хамри, мавританскому поэту.

ГЛАВА V.

Арабо-мавры.

46-
57

Абдаллах рассказывает раннюю историю арабов.—Чудеса при рождении Мухаммеда.—
Ангел Гавриил пишет Коран на пальмовых листьях.—Десять решающих лет в истории
религии.—Прекрасная Зелика.—Арабо-мавры остановили свое Завоевание.—Ссора
между королем Родериком и графом Джулианом, отцом оскорбленной Флоринды.—
Евреи вступили в союз с Обиженным Отцом. Завоеванная Андалусия.

ГЛАВА VI.

Канун субботы в Кордове.

58-
68

Кордовская синагога.—Дочери Израиля готовятся к субботе.—Трон "Наси".—Раввин
Моисей Бен Чанох.—Красноречие молчания.—Слезливая сцена.—Трое раввинов взяты в
плен пиратами.—Злые замыслы против молодой и красивой жены Чаноха.—Продан в
рабство в Кордову.—Его чудесное возвышение.

ГЛАВА VII.

Канун субботы в Кордове, *Продолжение*.

69-
81

Вечернее богослужение.—Прекрасный обычай в Израиле.—Удостоен приглашения в
Дом Хасдая.—Освещенные улицы.—Два ангела.—Идеальная суббота в идеальном
доме.—Похвала добродетельной женщине.—Отцовское благословение.—Преподнесено
дамам.—Вечерняя трапеза.—Еврейское царство Хозар.

ГЛАВА VIII.

Въезд евреев в Европу.

82-
89

Библиотека Хасдая.—Его рассказ о проникновении евреев в Европу.—Разрушение
Иерусалима.—Ужасная резня.—Израиль перестает быть нацией.—Диаспора. Дочерние
Религии Процвитают за счет страданий, которые они причиняют Религии-Матери.—
Нерушимость Израиля.—Униженный, но не покинутый.

ГЛАВА IX.

Въезд евреев в Испанию.

90-
101

Евреи поселились в Испании во времена правления царя Соломона.—Еврейское
сельскохозяйственное мастерство превращает Андалусию в садовый уголок Европы.—
Процветание - великое преступление евреев.—Начало еврейских преследований в
Европе.—Жестокие законы.—Мсть. Евреи вступают в заговор с графом Джулианом и
маврами против Испании.—Победа.—Мавританская оценка заслуг евреев.

ГЛАВА X.

Их положение в медицинской науке.

102-

Пятнадцатый век. — Перемена в судьбе евреев и мавров. — Изучение их великих достижений. — Их Мастерство в медицинской науке. — Чудесное исцеление христианским духовенством. — Еврейские телесные врачи Высоко ценятся и пользуются большим спросом. — Известные медицинские школы и выдающиеся врачи. — Раши. — Ибн Эзра. — Ибн Тиббон. — Маймонид. — Авензоар Авиценна.

ГЛАВА XI.

В науках.

112-
122

Поразительное интеллектуальное превосходство мавров и евреев. — Мавры превосходят евреев в науках. — Они знакомят с математическими науками. Их Прогресс в астрономии. — Абсурдные опровержения христианского духовенства. — Исследования в области химии, зоологии и геологии. — Они предвосхищают современные открытия. Неблагодарность Европы.

ГЛАВА XII.

В литературе.

123-
147

Процветание Испании стимулирует литературу. — Щедрые ассигнования на образование. — Халифы, покровители образования. — Обширные библиотеки, воплощающие знания того времени. — Особое внимание уделялось поэзии. — Рассказывание историй. — Противопоставление еврейской и мавританской поэзии. — Иегуда Ха Леви. — Харизи. — Габироль. — Моисей Бен Эзра.

ГЛАВА XIII.

В философии.

148-
158

Александрия, интеллектуальная столица мира. — Огромный стимул к обучению. — Септуагинта. — Развитие греческой философии в аристотелизм. — Это укоренилось в еврейской теологии. — Противопоставление христианства аристотелизму. — Аверроэс. — Моисей Маймонид. Противодействие безуспешное.

ГЛАВА XIV.

В промышленности.

159-
170

Интеллектуальное величие мавров и евреев, вызванное их материальным процветанием. — Замечательное развитие сельского хозяйства. — Новые открытия в каждой отрасли. — Горное дело - специальность. — Магнит, механический прибор морского компаса. — Распространение торговли приводит к общему пробуждению Европы, которое завершает средние века.

ГЛАВА XV.

Инквизиция.

171-
188

Интеллектуальный прогресс евреев и мавров сменился физическим упадком. — Этот упадок и стал причиной их падения. — Испанец снова правит Испанией. — Учреждена

инквизиция.—Чтобы избежать ее, евреи становятся "Новыми христианами".—
Христианство евреям не поможет. —Томас де Торквемада.—Пытки инквизиции.—
Публичное сожжение.

ГЛАВА XVI.

Изгнание евреев.

189-
205

Торквемада принимает решение о немедленном изгнании всех необращенных евреев.—
Роковой эдикт.—Испанцы прониклись жалостью.—Дон Исаак Абарбанель умоляет
королеву.—Королева колеблется.—Торквемада, Дьявол, снова побеждает.—Несчастные
евреи ищут Среди мертвых жалости, в которой отказывают Живые.—Отъезд.

ГЛАВА XVII.

Рассеяние евреев.

206-
224

Изгнанников перевозят на кораблях.—Душераздирающие сцены на борту корабля. -
Высажен на берег на Необитаемых островах, чтобы умереть с голоду.—Умирающим от
голода евреям предоставлен выбор между смертью и христианством.—Милосердная
Италия.—Коварная Португалия.—Отменен эдикт Торквемады.—Изгнание евреев из
Португалии.—Условие.—Брак короля.—Контракт.—Окончательное изгнание.

ГЛАВА XVIII.

Последствия высылки.

225-
240

Краткий обзор.—Проклятие Божье посетило Испанию.—Церковь - лжепророк.—С
изгнанием евреев и мавров процветание Испании прекращается.—Испанцы
испытывают некоторые из страданий, которые пережили евреи и мавры.—Испания
возмещает ущерб.—Мавры проиграли.—Евреи живут.

Евреи и мавры в Испании.

ГЛАВА I. ДЕНЬ В КОРДОВЕ.

ШЕСТЬ, И ВОСЕМЬ, И ДЕСЯТЬ ВЕКОВ НАЗАД В МИРОВОЙ ИСТОРИИ.—НАШЕ ВСТУПЛЕНИЕ В
ИСПАНИЮ.—ЧУДО.—ПРЕКРАСНЫЙ ГВАДАЛКВИВИР.—НАШ БРОНЗОВОЛИЦЫЙ ГРЕБЕЦ.—
ПРЕКРАСНАЯ КОРДОВА.—ГОРОД ИСКУССТВ И НАУК.—НОЧЬ.—СЕРЕНАДА.—НАШ ОТЪЕЗД.

Именно с прошлым мы будем общаться на этих страницах. События и сцены, прекрасные и
отвратительные, радостные и слезливые, облагораживающие и унижающие достоинство, будут
следовать друг за другом в быстрой последовательности. Будет много такого, что, несмотря на
самые лучшие исторические источники и самые надежные и беспристрастные авторитеты,
будет принято как сказочное или будет отвергнуто как невероятное или невозможное. Будут
описаны достижения, которые поразят нас своим несравненным великолепием и заставят нас
предположить, что мы имеем дело не с фактами, а с воображением какой-то богатой фантазии

или с вымышленными расцветками ума, увлеченного созданием идеального общества; и будут изображены невзгоды и страдания, которые вселят ужас всаду душу и заставят наше сердце взбунтоваться против разума, когда нас попросят поверить в них как в реальные события, а не как в какое-то удручающее, отвратительное и запятнанное кровью художественное произведение, написанное каким-нибудь адским исчадием ада для создания идеального общества. развлечение или для воспитания порочных обитателей бездонной пропасти Тофет. И все же это будет история, и настоящая история, какой бы странной и невероятной, чудесной и аномальной она ни казалась. С тех пор прошло шесть, и восемь, и десять столетий, и это были самые замечательные из всех столетий, столетия, которые повествуют о рождении и поразительном росте наук и изобретений, создании и успешном продолжении республиканского и конституционного правления, разрушении каст и барьеров между людьми, подавлении политического и религиозного терроризма, и эти благословенные результаты настолько пощекотали наше тщеславие, настолько подняли наш моральный уровень, что для нас почти невозможно должным образом представить — либо во всем его величии, либо во всей его низости — ту эпоху прошлого, которую мы собираемся пережить. траверс.

Но знать мы должны, и поэтому то, во что разум отказывается верить, и то, во что сердце отказывается верить, пусть видят глаза. Давайте перенесемся на шесть, и восемь, и десять веков назад. Давайте отправимся в далекое путешествие. Мы мчимся. Далеко-далеко через бурную Атлантику. Мы достигли солнечной земли Испании. Здесь давайте остановимся для краткого осмотра. Это не займет у нас много времени, поскольку эта страна, которая сегодня является одной из беднейших из всех европейских стран, чья вонючая грязь недавно превратила ее в арену разгула свирепствующей чумы, чье колоссальное невежество и ужасающие суеверия сделали ее притчей во языцех среди цивилизованных людей земли, эта страна, такая отсталая сейчас, безусловно, не будет иметь привлекательности для нас, десять веков назад в своей истории.

Lo! Чудо! Волшебная палочка какой-нибудь резвящейся феи, должно быть, внезапно превратила страну ожидаемой грязи и убожества в прекрасную сказочную страну. Среди восторженного созерцания неописуемых красот, которые повсюду встречаются нашему взору, мы скользим по безмятежной глади Гвадалквивира, в которой отражается удивительно чистое голубое небо и великолепные дворцы и великолепные парки. Мы въехали в прекрасную Андалусию. Мы скользим по южному склону Сьерра-Морены. Внезапно нашему взору открывается картина красоты, которая не поддается никакому описанию. Мы спрашиваем у нашего черноглазого, бронзовокожего гребца с гордыми чертами лица название этого великолепного города, раскинувшегося на многие мили вдоль правого берега. Он нас не понимает. Мы обращаемся к нему по-французски, по-немецки, по-гречески, по-латыни. Ответа нет. Мы в растерянности. Мы должны знать, и поэтому мы прибегаем, как к последнему средству, к нашему родному языку, языку евреев, и его лицо просветляется, а язык развязывается, и с таким мелодичным и чистым акцентом, каким, должно быть, произносил сам Давид, когда пел на своей арфе слова своих собственных псалмов, вдохновленных небесами, он отвечает: "То, что вы видите, вы, чужеземцы, это город Кордова, правительственная резиденция доблестного и рыцарского, ученого, либерального и любящего искусство халифа". Абдеррахман ТРЕТИЙ".

Мы сгораем от желания увидеть этот город, простые очертания которого демонстрируют такую ошеломляющую элегантность. С нашим вежливым гребцом в качестве проводника мы

продвигаемся по улице, ведущей от берега реки. Мы смотрим и смотрим в благоговейном молчании. Изумление выражается на каждом лице. Наши глаза ослеплены чарующим великолепием, которое окружает. Мы достигли дворца халифа. Спим ли мы? Неужели мы находимся во власти каких-то волшебных чар? Это прихоть какой-то спортивной, озорной феечки? Разве мы не мысленно перенеслись на десять веков назад? Находимся ли мы посреди Темных веков; в европейских странах и среди людей десятого века, о чьем поразительном невежестве и отвратительной грязи историкам было так много сказано? Обманывала ли нас история, уча, что народы Европы шесть и восемь веков назад едва вышли из состояния дикости, что они населяли хижины без пола, без труб, без окон, хижины принцев и монархов, отличавшиеся только тем, что пол у них был застелен тростником, а стены - соломенными циновками, что они питались кореньями, викой и корой деревьев, носили одежду из незадубленной кожи, которая оставалась на теле, пока не сваливалась кусками, что почти не существовало городов, повсюду были непроходимые леса и воюющие пустоши?

Это не сон. История также не обманула нас. Мы находимся на европейских землях, но среди восточных народов. Мы находимся в разгар расцвета средневековья, но мы находимся в южной части Испании, в Андалусии, в городе Кордова, городе с 200 000 домов и 1 000 000 жителей, сотнями парков и скверов, зверинцами с заморскими животными, вольерами с редкими птицами, фабриками, на которых квалифицированные рабочие демонстрируют свое искусство в текстурах шелка, хлопка, льна и всех чудесах ткацкого станка, в ювелирных изделиях и филигрании, в произведениях искусства и в научных инструментах и аппаратуре. Мы находимся в городе, который уже тогда мог похвастаться музыкальным колледжем, библиотеками, государственными школами, университетами, в которых преподавались науки, философия, языки, литература и искусство. Мы находимся в городе искусства, культуры и познания, городе, прославленном и прекрасном благодаря литературным и образованным маврам и евреям, чье процветание продолжалось до тех пор, пока последователям Мухаммеда и последователям Моисея было позволено жить в мире бок о бок, но слава которого исчезла, как только христианство изгнало евреев и мавров из Испании. Но сейчас мы не должны предаваться никаким размышлениям. Наш запертый в вороново крыло проводник, чья прекрасная фигура, обаятельное выражение лица и мелодичный голос невольно напоминают нам прекрасного возлюбленного воспламененной любовью Шуламиты из "Песни Соломона", манит, и мы должны следовать за ним. Мы идем дальше, и с каждым шагом перед нами раскрываются все новые и несравненные красавицы. Мы знаем не то, что мы должны восхищаться во-первых, и самое, может ли полированными мраморными балконами, которые свисают сочные апельсиновые сады, или дворы с каскадами воды, под тенью кипарисов, ни искусственного озера, вода гидросооружениями, изобилует рыбой; есть ли тенистые отступает с инкрустацией полов и стен изысканный мозаика, сводчатые с витражами и испещрена золото, над которым потоки воды постоянно хлещет, или фонтаны ртуть, что стреляйте в сверкающие шарики и падают с тихим звуком, как фея колокола; то ли квартиры, в которой холодный воздух втягивается от цветочных садов, в летнее время с помощью вентиляционных башен и зимой через глиняные трубы или *caleducts* вмурованы в стены—гипокауст, в склепах или стены украшали арабески и картин сельскохозяйственных сцен и представлений о рае, или потолки карнизами с лепниной золото, другие большие люстры с сотнями и сотнями огней; ли колоннах греческих, Итальянский, испанский и Африканский мрамор, покрытый Верд-антиквариат и инкрустированы лазуритом, или мебель из сандала и цитрусовых дерева, с инкрустацией из перламутра, слоновой кости,

серебра или облегчение с золотом и драгоценными малахит, или костюм дамы из шелка и золота, и украшены драгоценными камнями из хризолитов, гиацинты, изумруды и сапфиры; ли вазы из горного хрусталя, китайский фарфор, вышитые персидских ковров, с которыми полы покрыты, богатый гобелен, которые висят по стенам, или красивые сады, обильное, с редкими и экзотическими цветами, извилистые пешеходные дорожки, беседки из роз, сидений, высеченный в скале, склеп-как гроты, высеченные в камне; может ли ванны из мрамора, с горячей и холодной водой, возили туда-сюда по трубам из металла или ниши, их капаят *alcazazas*, или шепчущей галереи для увеселения женщин, и лабиринты, и мраморный плей-корта для детей.

Мы проходим мимо все дальше и дальше, а новые красавицы все появляются. Мы проходим мимо мечетей и синагог, архитектурное убранство которых до сих пор вызывает восхищение и является образцом мира, и наш любезный гид сообщает нам, что к каждой из них пристроены государственные школы, в которых детей бедняков учат читать и писать. Мы проезжаем мимо академий и университетов, и наш гид уверяет нас, что многие евреи руководят мавританскими учебными заведениями. Он читает удивление на наших лицах, поскольку мы думаем о разительном контрасте между его мусульманской щедростью и нетерпимостью других европейских стран, от которой они еще едва ли отвыкли, и он скромно сообщает нам, что мусульманская максима гласит: "настоящая образованность человека важнее, чем какие-либо особые религиозные убеждения, которых он может придерживаться". И когда знаменитые ученые входят и выходят, наш гид называет их по именам и говорит об их блестящих достижениях, о профессорах арабской классической литературы, о профессорах математики и астрономии, о составителях словарей, похожих на те, что используются сейчас, но большего объема, один из них охватывает шестьдесят томов, он указывает на лексикографов греческого, латинского, иврита и арабского языков, и энциклопедистов "Исторического словаря наук", поэтов сатир, од и элегий, и изобретателей рифмы, писателей истории, историков философии. хронологии, нумизматики, математики, астрономии, ораторского искусства с кафедры, сельского хозяйства, топографии, статистики, физики, философии, медицины, стоматологии, хирургии, зоологии, ботаники, фармации и множества других отраслей знания.

Наступила ночь. Люди собираются у вечерних костров, чтобы послушать странствующих литераторов, которые проявляют свои удивительные способности к рассказыванию историй и поучают нетерпеливых слушателей такими повествованиями, какие дошли до нас в "Развлечениях Тысячи и одной ночи". Нежные звуки мечтательной и пробуждающей любви мандолины, сопровождающие восторженную песню о любви какого-нибудь благородного рыцаря к своей прекрасной даме, доносятся до наших ушей. Вскоре все стихает. Мы бы с радостью остались, но наш проводник устал от своей дневной работы. Возможно, сладостные звуки серенады пробудили в его груди нежную тоску по его прекрасной Шуламите, "чья глаза подобны голубке, и чьи губы подобны алой нити, и чья речь приятна" (Песнь Соломона, глава iv), к которой он с нетерпением поспешил бы. И вот мы возвращаемся по своим следам. Многие мили мы идем по прямой, при свете общественных фонарей; семьсот лет спустя в Лондоне не было ни одного общественного фонаря. Многие мили мы проходим по мощеным улицам. Столетия спустя в Париже любой, кто переступал его порог в дождливый день, оказывался по щиколотку в грязи. Мы достигли берега Гвадалквивира и расстались с нашим проводником.

За один день мы увидели больше, чем когда-либо смели мечтать; достаточно, чтобы побудить нас посещать его снова и снова, и не только Кордову, но и Гренаду, Толедо, Барселону,

Сарагосу, Севилью и другие города, чтобы лучше познакомиться с их учеными и институтами, а также с удивительным прогрессом их цивилизации. Однако, прежде чем мы вернемся, мы посетим Францию, Германию, Англию и Северную Испанию в ту же эпоху мировой истории, около десяти веков назад, и сцены, которые мы там увидим, позволят нам лучше оценить те блага, которые мавры и евреи расточали Европе, и мы еще острее осознаем чудовищное преступление, совершенное Испанией в изгнании мавров из Европы и унижении евреев на протяжении веков до уровня отбросов человечества.

ГЛАВА II. ЕВРОПА В ТЕМНЫЕ ВЕКА.

НА БЕРЕГУ ОКЕАНА.—ПУСТЫННАЯ ЕВРОПА.—ТОСКА ПО КОРДОВЕ.—ЮЖНАЯ ИСПАНИЯ КОНТРАСТИРУЕТ С ОСТАЛЬНОЙ ЕВРОПОЙ.—ОТВРАТИТЕЛЬНАЯ НЕЧИСТОТА.—МОНАХИ—АСКЕТЫ УБЕЖДЕНЫ, ЧТО ЧИСТОТА ТЕЛА ВЕДЕТ К ОСКВЕРНЕНИЮ ДУШИ.—ИНТЕЛЛЕКТ СКОВАН ПО РУКАМ И НОГАМ.—ДУХОВЕНСТВО ТОРМОЗИТ ПРОГРЕСС.—СВЕТСКИЕ ЗНАНИЯ ОТВЕРГАЮТСЯ.

Все дальше и дальше мы скользим по гладкому, широкому лону величественного Гвадалквивира, вдоль изящных рощ, парков и дворцов, через леса и луга, холмы и долины, тени и солнце. Последний взгляд, и прекрасная Кордова скрывает свою гордую голову за залитым солнцем горизонтом.

Прекрасная Кордова, прекрасная Андалусия, прекрасные Южные земли Испании, прощайтесь, пока мы не навестим вас снова.

Дальше, дальше, мы плывем, теперь мы мчимся к Атлантике.

Мы достигли берегов бесконечного океана. Его дикие волны яростно разбиваются об усеянные камнями берега, словно с нетерпением ожидая нашего возвращения. Наш славный корабль, стойкий и сильный, поднимает и опускает свой украшенный гирляндами нос на вздымающихся волнах бескрайних вод, и его подвеска играет на ветру, и его паруса от фок-мачты до бизань-мачты и до самой вершины грот-мачты полностью распушены в знак сердечного приветствия нашему возвращению. Мы садимся на корабль и...

"Дальше, дальше летит судно, земля исчезла.

Четыре дня пролетают незаметно, но скоро наступит пятый,

Открылись новые берега, наполняющие радостью каждую душу",

Ибо нам предстоит посетить прекрасную Францию, и ученую Германию, и деловитую Англию, и Италию с классической славой.

Мы снова на континенте. Еще раз наши наблюдения должны быть применены к поставленной задаче. И снова мы мысленно возвращаемся на шесть, и восемь, и десять веков назад в мировую историю. И снова нужно заставить глаза увидеть то, в что разум отказывался верить.

Мрачны, ледящи и ужасны сцены, которые предстают сейчас нашему взору. С тоской мы думаем о тебе, прекрасная Кордова, о гордости прекрасной Андалусии. Мы думаем о твоих мраморных мостовых, о твоих фонтанах из яшмы, о твоём чудесном художественном мастерстве, о твоих изысканных садах, о твоих знаменитых поэтах и музыкантах, художниках и писателях, философах и ученых, о твоих благородных рыцарях и очаровательных дамах. С тоской мы думаем о твоей чудесной красоте, которая действительно показалась бы сказочной в нашем нынешнем окружении, если бы мы не видели ее собственными глазами. Если бы нас внезапно перенесли из гущи цветущего и созревающего лета, радостного из-за его благоухающего дыхания и мелодичного пения птиц, и благоухающего дыхания цветов, и радующего вида созревающих плодов, в гущу бесплодной зимы, где природа замерзла намертво, и шторм бушует неистово, и земля голая, и воздух холодный и унылый, и солнце мрачно светит сквозь унылые и пасмурные небеса, эта внезапная перемена не могла бы ощущаться более остро и болезненно, чем когда-либо. то, что ознаменовало контраст между южными землями Испании и странами Франции, Германии, Англии и Италии в тот же период мировой истории. Почти нигде нет городов, за исключением тех немногих, что были возведены римлянами вдоль Рейна и Дуная. Ничего такого, что можно было бы, даже с большой натяжкой, назвать сельскохозяйственным. Повсюду непроходимые леса, воюющие пустоши, зловещие дикие места, источающие смерть болота, зловонные топи. Пруссию и многие другие самые гордые звезды сегодняшнего дня в галактике европейских провинций мы находим все еще нецивилизованными, все еще бродящими в костюмах коренных варваров, в непроходимых лесах, населенных духами — и вампирами — и никсами — и гномами — и кобольдами. Нигде нет улиц или шоссе, кроме тех, что построили римляне. Везде нам приходится прокладывать свой путь среди неопишуемых трудностей, по почти непроходимой грязи и глине. Люди теснятся в жалких деревушках, населяют убогие усадьбы, грубо и неумело сколоченные из необработанного дерева или из прутьев, сплетенных вместе и покрытых глиной или крытых соломой или тростником, редко состоящие более чем из одной комнаты, в которой укрываются одинаково мужчина, женщина, ребенок, слуга, служанка, домашняя птица и зверь, смесь полов и биологических видов, не совсем способствующая скромности или морали. Пол в основном состоит из твердой голой земли или, в лучшем случае, покрыт сухими листьями или грязным тростником. Нигде ни окна, ни трубы, дым от плохо питающегося, унылого костра вырывается через дыру в крыше. Соломенные лепешки составляют постель, а круглое бревно служит валиком и подушкой, одно блюдо из дерева стоит в центре стола — если это можно назвать "столом", — с которого мужчина, женщина и ребенок, хозяин и слуга, служанка и госпожа едят деревянными ложками. Вместо ножей и вилок служат пальцы, а для утоления жажды используется деревянный подносчик.

Повсюду мы встречаем мужчин с неопрятными бородами и женщин с волосами, нечесаными и спутанными от грязи, и тех и других, одетых в одежду из незагорелой кожи или, в лучшем случае, из кожи или власяницы, которые не меняются, пока не сбросят с себя куски, отвратительную массу паразитов, вонь и лохмотьев. Никаких попыток провести дренаж; гниющие помои, мусор и прочий хлам бесцеремонно выбрасываются за дверь.

Повсюду царит самая отвратительная нечистота, и мы не можем не думать о скрупулезной чистоте, отличавшей Кордову, поскольку чистота является одним из самых строгих предписаний и требований как религии Мухаммеда, так и религии Моисея. Здесь, напротив, личная нечистоплотность, отказ от всякого личного комфорта, клеймение любых усилий по улучшению окружения, как нам говорят, после запроса, имеют высшую санкцию церкви. Отвратительный пример, поданный монахами-аскетами, укрепил веру в то, что чистота тела ведет к осквернению души, что в прошлом больше всего восхищались теми святыми, которые превратились в одну отвратительную массу свернувшейся грязи. С трепетом восхищения священник сообщает нам, что святой Иероним видел монаха, который тридцать лет жил в яме и который никогда не стирал свою одежду и не менял тунику, пока она не развалилась на куски; что святой Аммон никогда не видел себя обнаженным; что знаменитая девственница по имени Сильвия в течение шестидесяти лет решительно отказывалась, руководствуясь религиозными принципами, мыть какую-либо часть своего тела, кроме пальцев; что святая Евфраксия присоединилась к монастырю из 130 монахинь, которые содрогались при упоминании бани; что отшельник однажды вообразил, что над ним насмеются. иллюзией дьявола, когда он увидел скользящее перед ним по пустыне обнаженное существо, черное от грязи и многолетнего воздействия; это была некогда прекрасная святая Мария Египетская, которая таким образом в течение сорока семи лет искупала свои грехи аскетизма.

Мы увидели достаточно, чтобы прийти к выводу, что, приступая к изучению умственного, морального и религиозного состояния людей, чья личная и семейная жизнь занимает столь низкое место в истории цивилизации, мы не должны возлагать на себя слишком высоких ожиданий. Но какой бы низкой мы ни представляли ее себе, реальность, которую мы обнаруживаем, бесконечно ниже, чем рисовало ее даже наше самое снисходительное воображение. Всего неделю назад мы считали Кордову гордой, выдающейся и несравненной в области культуры, искусства, философии и науки, а теперь, в тот же период мировой истории, мы обнаруживаем глубокую черную тучу ужасающего невежества, нависшую над Францией, Италией, Германией и Англией, кое-где прерываемую лишь несколькими, очень немногими мерцающими огоньками. Интеллект, скованный по рукам и ногам, лежит, истекая кровью, у ног невежественного варварства, корчась от боли под ударами унижительных суеверий и пресмыкающейся доверчивости. Мы ищем причину этого колоссального невежества и вскоре обнаруживаем, что духовенству в большей степени, чем всем другим причинам, вместе взятым, принадлежит весьма постыдная заслуга в том, что оно принесло в Европу это флегматичное невежество и несет ответственность за возмутительное преступление, заключающееся в том, что оно задержало развитие цивилизации на многие столетия.

Всемогущему и все контролирующему влиянию Церкви следует приписать всеобщий паралич разума в тот самый период, когда искусство, наука и независимые исследования процветали на Юге Испании под мавританским и еврейским влиянием. К кому бы мы ни обратились, будь то церковные сановники или церковные служки, выдающиеся светила или безвестные приходские священники, разговор с ними вскоре доказывает нам печальную истину, что запас их знаний

исчерпывается перечислением некоторых чудовищных легенд или практикой и проповедованием некоторых унижительных и отталкивающих суеверий.

Светское знание отвергается. К физической науке относятся с откровенным презрением и преследуют на основании ее несоответствия богооткровенной истине. Философские исследования запрещены под страхом самого сурового наказания как пагубные для благочестия. На вопрос о причине этого преследования учености со стороны церкви, которой, как мы скромно осмеливаемся предположить, нечего терять, но можно все приобрести от рационального исследования и прилежного стремления к знаниям, епископ решительно сообщает нам, что они сделали это с санкции и авторитета четвертого Карфагенского собора, который запретил чтение епископами светских книг, и с авторитета Иеронима, который осудил изучение светских предметов, за исключением благочестивых целей, и поскольку недостатка в благочестии не было (так они простодушно думали), они мало что видели в этом. использовать для сохранения знаний и литературы проклятых евреев и язычников и опасаться, как бы они не попали в руки других, не таких набожных, как они, и не столь защищенных от их пагубного влияния знанием легенд или умелым использованием магических заклинаний или изгоняющих нечисть чар, какими они были. Или, возможно, втайне опасаясь, что глубокое знакомство с ученостью древних может открыть людям глаза на невежество, вымогательства, преступления и развращенность Церкви, они обрекают всю эту литературу на сожжение. Таким образом, безжалостно уничтожаются сотни и тысячи ценных рукописей. Мы хотели бы остановить их жестокую руку, но опасаемся за свои жизни. Мы видим, как они стирают письма с сотен и тысяч пергаментных копий бесценных древних знаний и заменяют их легендами о святых и церковным мусором, приводя, таким образом, к потере многих древних авторов, которых сейчас так мучительно не хватает.

Мы отворачиваемся от этой отвратительной глупости, но нигде нет приятного знака, который унял бы нашу тоску или успокоил наше убитое горем сердце.

"О, ты чудовищное невежество, каким уродливым ты выглядишь".

Нигде нет свободы человеческой мысли. Каждый вынужден думать так, как ему приказывает церковная власть. В Германии, Франции и Северной Испании мы едва ли найдем одного священника из тысячи, который может написать свое имя. В самом Риме, некогда бывшем городом искусства, культуры и образования, еще в 992 году, как сообщает нам надежный источник, не нашлось ни одного священника, знающего начальные элементы букв. В Англии король Альфред сообщает нам, что он не может припомнить ни одного священника к югу от Темзы (тогда это была самая цивилизованная часть Англии), который во время своего восшествия на престол понимал или мог перевести обычную латинскую молитву, и что проповеди, которые они проповедовали, были составлены для их использования каким-то епископом из прежних произведений того же рода или из ранних святоотеческих писаний. Во всем христианском мире мы не находим никаких ограничений на рукоположение абсолютно неграмотных людей, никаких правил, исключаящих невежество из церковных привилегий, никакой склонности и никакой власти, обязывающих даже сановников в митрах уметь читать строки из тех Священных Писаний, которым они должны учить и проповедовать как правило права и руководство к нравственному поведению. Тьма, непроглядная тьма, колоссальное невежество повсюду. Мы содрогаемся, когда думаем о жестокостях, которые это невежество

оставит в наследство человечеству как свое проклятие. Мы содрогаемся, когда думаем о том, как это невежество должно сдерживать развитие цивилизации. Мы знаем, что знание не будет сковано навсегда, но прежде чем оно сможет заявить о своем праве властвовать над разумом людей, бесчисленные гигантские умы должны быть сокрушены и должны быть перенесены неописуемые страдания. Мы знаем, что "невежество редко переходит в знание, но переходит в него через промежуточное состояние затемнения, подобно тому, как ночь переходит в день через сумерки". Мы трепещем за тех независимых духов, которые будут жить в этот преходящий период. Эти сумерки будут окрашены в красный цвет отражением потоков человеческой крови.

Мы хотели бы поскорее покинуть эти европейские земли, ибо инстинктивно чувствуем, что находимся в землях, находящихся под Божьим проклятием и пораженных тьмой, потому что их народ наложил жестокие руки на земли и людей, обладающих знаниями, культурой и искусством.

Но мы должны остаться. Мы должны отметить, каким бы печальным ни был этот долг, ужасное влияние, которое это невежество оказывало на мораль самой Церкви, а также на умственное, моральное, политическое, социальное и промышленное состояние людей.

ГЛАВА III. ЕВРОПА В ТЕМНЫЕ ВЕКА. (ПРОДОЛЖЕНИЕ.)

ГРУБЫЕ СУЕВЕРИЯ.—РАСПЯТИЕ, ПРОЛИВАЮЩЕЕ КРОВАВЫЕ СЛЕЗЫ.—ДОМ ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ, НЕСОМЫЙ АНГЕЛАМИ По ВОЗДУХУ.—САТАНА В ОБРАЗЕ ПРЕКРАСНОЙ ЖЕНЩИНЫ.—СЦЕНЫ В АДУ.—СОЖЖЕНИЕ ВЕДЬМ.—Король, КОТОРЫЙ НЕ МОЖЕТ НАПИСАТЬ СВОЕ ИМЯ.—ФЕОДАЛЫ Как ГРАБИТЕЛИ С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ.—КРЕПОСТНОЕ ПРАВО КРЕСТЬЯН.—ВОЗВРАЩЕНИЕ В КОРДОВУ.

Мы обещали тщательно изучить влияние, которое невежество духовенства оказывало на аспекты религии, на мораль Церкви и на социальное, промышленное, политическое, моральное и ментальное состояние людей в целом. Мы опасаемся, что дали опрометчивое обещание. Зрелища, которые мы видим, настолько душераздирающие, что, если мы хотим дать достоверный отчет, те, кто не знаком с состоянием европейской цивилизации в тот период, который мы описываем, опасаемся, могут обвинить нас в преувеличении или, что еще хуже, могут подумать, что мы, принадлежащие к расе, которая больше всего пострадала в тот период от разложения Церкви, движимы духом мести и, следовательно, испытываем огромное удовольствие, показывая нашим читателям столь отвратительную картину. Но, к счастью, наши читатели не состоят из таких людей. Мы обращаемся к интеллигентным людям, мужчинам и женщинам, которые знают, что наш народ слишком ужасно и слишком несправедливо страдал от ложных обвинений на протяжении многих, многих веков, чтобы признать себя виновным в

том же преступлении; мужчинам и женщинам, которые знают, что не по собственному выбору, а по исторической необходимости мы противопоставляем социальное, моральное и интеллектуальное состояние христианской Европы в Темные века социальному, моральному и еврейскому состоянию Европы того же периода, чтобы лучше оценить замечательную цивилизацию *"Евреев и мавров в Испании"*.

Наш поиск раскрывает нам печальную и ужасную истину о том, что невежество, особенно активное невежество, является матерью суеверий, и как родители фанатизма, так и порождения этого трио - преднамеренный обман, вымогательство, коррупция, преступность, а они, в свою очередь, порождают мировые несчастья. Эта печальная истина бросается нам в лицо, в какую бы церковь, собор, монастырь или общину мы ни вошли. Повсюду чудеса, реликвии и идолопоклонство. Повсюду учение и проповедь об аде, сатане и колдовстве, а также о необходимости слепой доверчивости и беспрекословной веры. У каждого собора и монастыря есть свой святой-покровитель, и у каждого святого есть своя легенда, и распространяются удивительные рассказы о силе святого, направленной на добро или зло, часто сфабрикованные, чтобы обогатить церковь или монастырь, находящиеся под его покровительством.

В Дублине мы видим распятие, проливающее кровавые слезы. В Лоретто мы видим дом, в котором когда-то жила Пресвятая Дева, и нам сказали, что несколько ангелов, случайно оказавшихся в Назарете, когда приблизились сарацинские завоеватели, опасаясь, что священная реликвия может попасть в их руки, взяли дом целиком в свои руки и, пронеся его по воздуху, поместили на его нынешнее место. В Баварии нам показывают медного андроида, которого Альбертус Магнус так хитроумно сконструировал, что тот служил ему прислугой, и чья болтливость так сильно раздражала прилежного Фому Аквинского. В Эльзасе аббат Мартин показывает нам следующие бесценные реликвии, которые он приобрел для своего монастыря: каплю крови Иисуса, частицу истинного креста, руку апостола Иакова, часть скелета Иоанна Крестителя, бутылку молока пресвятой Богородицы, и с плохо скрываемой завистью он сказал нам, что в иерусалимском монастыре хранится перст Святого Духа.

Повсюду нам говорят, что верховный дьявол и его бесчисленные легионы демонов вечно витают вокруг нас, стремясь к нашему нынешнему несчастью и будущей гибели человечества; что мы ни в какое время и ни в каком месте не можем быть от них в безопасности; что мы не можем быть достаточно настороже против них, потому что иногда они принимают облик гротескного и отвратительного животного; иногда они появляются в облике наших ближайших родственников и друзей; иногда в облике красивой женщины, обольстительной не только человеческими чарами, но и осторожной к их уничтожению и строящей заговоры, которые были спланированы против нас. Но слишком часто добивается успеха против добродетели святых; иногда Лукавый принимает облик священника и, чтобы дискредитировать репутацию этого священника, злонамеренно посещает в этом святом обличье некоторые очень сомнительные места и позволяет поймать себя в самых позорных ситуациях и окружении. Можем ли мы представить себе более гениальное изобретение для сокрытия мерзких поступков продажных людей среди духовенства?

Повсюду духовенство считает очень выгодным делом учить людей тому, как они могли бы защитить себя от Лукавого. Крестного знамения, нескольких капель Святой воды, имени Пресвятой Девы, Евангелия от святого Иоанна на шее, четок, реликвии Христа или святого

достаточно, чтобы отбить все попытки дьявольской злобы и обратить Духов Зла в немедленное и позорное бегство.

Нет ни Церкви, ни монастыря, в которые мы не входим, но кровь наша стынет в жилах у их источника, когда мы созерцаем жуткие картины, изображающие ужасные муки ада, выставленные на видном месте для созерцания верующих, или для устрашения нечестивых, или для наживы духовенства — ибо чем тяжелее кошелек церкви, тем вернее освобождение. Невозможно представить себе более ужасные представления о будущем мире, чем эти картины, или более отвратительную клевету на то Существо, которое, как предполагалось, причиняло Своим созданиям такие невыразимые страдания. На одной картине дьявол изображен связанным раскаленными цепями, на пылающей решетке в центре ада. Его руки свободны, и ими он хватает потерянные души, раздавливает их зубами, как виноградины, а затем втягивает своим дыханием в огненную пещеру своего горла. Демоны с крюками из раскаленного докрасна железа поочередно погружают души в огонь и лед. Некоторых из погибших подвешивают за языки, других распиливают на части, третьих грызут змеи, третьих бьют друг о друга на наковальне и сваривают в единую массу, третьих варят и процеживают через ткань, третьих скручивают в объятия демонов, чьи конечности из пламени. Но таким образом изображаются страдающими не только виновные, но и невинные, которые среди душераздирающих пыток искупают вину своих отцов.^[1] Изображен маленький мальчик в его страданиях. Его глаза горят, как два раскаленных угля. Из его ушей вырываются две длинные вспышки. Из рта вырывается пылающий огонь. Младенец изображен запекающимся в горячей духовке. Он вертится и извивается, бьется головой о свод духовки в агонии своих страданий.

Не в силах больше смотреть на сцену невинных страданий, мы отворачиваемся от нее, дрожа от ярости. Мы спрашиваем священника, который случайно оказывается поблизости, какой дьявол мог так оклеветать доброго Бога? И он спокойно отвечает:

"Бог был очень добр к этому ребенку. Очень вероятно, что Бог видел, что ему будет становиться все хуже и хуже, и никогда не раскается, и поэтому его придется наказывать гораздо сильнее в аду. Поэтому Бог, по своей милости, забрал его из мира в раннем детстве".^[2]

Мы больше не удивляемся глупости людей, огромному богатству и еще большей власти духовенства, когда вспоминаем, что людям была привита вера в то, что только духовенство может спасти их от таких вечных мук, и что деньги были самым безопасным и могущественным искупителем, и неизменным посредником в сокрытии самых чудовищных преступлений и обеспечении окончательного счастья.

Мы отворачиваемся от этих ужасных зрелищ только для того, чтобы столкнуться с еще более ужасными сценами страдания. До сих пор мы созерцали чисто воображаемые страдания, теперь мы сталкиваемся с реальными, чрезвычайно реальными. Повсюду мы видим небо, зловещее от отражения *аутодафе*, на котором тысячи невинно обвиняемых жертв страдают от самых мучительных и длительных мучений, не вызывающих ни малейшего сострадания. Повсюду мы слышим, как от тюремных стен эхом отражаются пронзительные крики женщин, подвергающихся пыткам, предшествовавшим их осуждению как ведьм. И однажды, это было в Шотландии, мы были несчастными зрителями зрелища, которое никогда не забудем. В то время как акт сожжения ведьм разыгрывался среди религиозных церемоний, некоторые женщины, наполовину обгоревшие, с пронзительным воплем вырвались из медленно пожиравшего их

огня и несколько мгновений отчаянно боролись среди зрителей, пока с дикими заверениями в невинности не упали, корчась в агонии, испуская последний вздох.

И почему этих женщин сжигают тысячами повсюду, в Германии, Франции, Испании, Италии, Фландрии, Швеции, Англии, Шотландии и Ирландии? Потому что они заключили преднамеренный договор с сатаной. Их видели летящими в полночь по воздуху на метле или верхом на козлах. Они творили чудеса, посягая таким образом на монополию святых, или поражали страну кометами, градами, эпидемиями, а своих соседей болезнями или бесплодием. И кто выдумывает столь злобную ложь? Часто сами жертвы, заподозренные или обвиненные в колдовстве, сразу подвергаются пыткам, чтобы заставить признать свою вину, и они настолько ужасны, что смерть является освобождением, и поэтому они признаются во всем, в чем от них хотят признаться суды над ведьмами. Многие мужья разрывают таким образом брачные узы, которые его церковь объявила неразрывными. Многие ловкие преступники выдвигают обвинение в колдовстве против своего обвинителя и таким образом остаются безнаказанными.

Повсюду мы находим все духовенство, от папы до священника, занятое погоней за наживой; то, что ускользает от епископа, подхватывает архидьякон, то, что ускользает от архидьякона, вынюхивает и отслеживает декан, в то время как множество мелких чиновников жадно рыщут вокруг этих великих мародеров. Давать деньги священнику повсюду считается первой статьей морального кодекса. Во времена болезни, опасности, печали или раскаяния, всякий раз, когда пробуждается страх или совесть молящегося, его учат покупать благосклонность святого. Святой Элигус дает нам такое определение доброго христианина: "Тот, кто часто приходит в церковь, кто приносит приношение, чтобы его можно было принести Богу на алтарь, кто не вкушает плодов своей земли, пока не посвятит часть их Богу, кто жертвует подарки и десятину церквям, чтобы в судный день он мог сказать: "Дай нам Господа". ибо мы даровали Тебе: "кто искупает свою душу от наказания и, наконец, кто может повторять символы веры или молитву Господню".

Какими бы плохими мы ни считали их жадность, мы находим их моральное разложение неописуемо худшим. Лишенные всяких угрызений совести, пьяные, погрязшие в чувственности и открытой безнравственности. В Италии епископ сообщает нам, что если бы он обеспечил соблюдение канонов против нецеломудренных людей, совершающих церковные обряды, в Церкви не осталось бы никого, кроме мальчиков. Повсюду священнослужители, поклявшиеся в безбрачии, отказываются от своего "*culagium*", лицензии на содержание наложниц, и мы находим, что не в одном совете и не в одном церковном писателе говорится о коррупции священников, гораздо большей, чем простое наложничество, среди которых они особо упоминают папу Иоанна XXIII, избранного аббата церкви Св. Августин в Кентербери, аббат Сент-Пелайо в Испании, Генрих III, епископ Льежский, и они перечисляют бесчисленные женские монастыри, которые превратились в публичные дома и являются вопиющими из-за частых детоубийств.

Едва ли есть необходимость в нашем сообщении о влиянии, которое эта моральная порочность Церкви оказывает на массы. Мы обнаруживаем, что невежество, коррупция и фанатизм сделали людей полностью невежественными, коррумпированными и порочными. Пагубная доктрина, принятая уже в четвертом веке, о том, что обман и ложь являются актом добродетели, когда таким образом можно продвигать интересы церкви,^[3] приводит людей к выводу, что ничего плохого быть не может, что ведет к продвижению интересов и финансов Церкви. И вот

совершаются преступления, совершаются обиды, практикуется обман, пороку потворствуют без угрызений совести или всплеска более нежных эмоций. Невежество умерщвляет все тонкие чувства, а религия, вместо того чтобы возвышать нравственную природу человека, подавляет ее возможностями, которые она предоставляет для искоренения преступности с помощью денег и для спасения души от вечных пыток и проклятия, увеличивая возможности духовенства для разврата.

Далее мы ищем интеллектуальных достижений, но тщетно. Массы крайне невежественны. Духовенство не может их наставлять, да и не стало бы, если бы могло. Распространение знаний в массах серьезно помешало бы их всемогущей власти, как это действительно произошло в последующие столетия. Это невежество полностью разделяют светские вожди страны. Короли отвергают книжное обучение как недостойное короны, а воинственная знать презирает его как позорное для меча. Найти воина, умеющего читать или писать, - редкость, и это не считается достижением. Предполагать, что он умеет писать, - значит оскорблять его, принимая за священнослужителя. Не кто иной, как Филипп Красивый, могущественный монарх Объединенной Франции, который ведет иностранные войны и истребляет тамплиеров, подписывает свое имя знаком креста или грубым наконечником стрелы еще в тринадцатом веке. Давайте не будем забывать, что почти триста лет назад в мировой истории мы обнаружили, что государственные школы, академии, университеты, библиотеки, поэты, художники, ученые и философы процветали среди мавров и евреев Кордовы — видели, как халиф Аль Хаким писал на форзацах краткие изложения содержания каждой из своих книг в своей огромной библиотеке.

Затем мы обращаем внимание на отрасли промышленности, и мало что можно найти такого, что могло бы удостоиться этого названия. Среди людей преобладает вера в то, что тысячелетие, конец света, наступит среди ужасных страданий в 1000 году. Эта вера душит промышленность, а собственность и богатства передаются Церкви ради освобождения души. Затем идут крестовые походы, и они лишают Европу цветка ее народа, который уезжает тысячами и сотнями тысяч (и из которых лишь немногие возвращаются), чтобы не допустить мусульман в Иерусалим, в то время как старики и немощные, женщины и дети влачат жалкое существование дома, питаются бобами, викой, кореньями, корой деревьев — часто конина и кобылье молоко служат вкусным блюдом. В промежутках между различными крестовыми походами те немногие, кто возвращается, настолько привыкают к своей бродячей и грабительской жизни, что для них невозможно вернуться к механическим или промышленным занятиям.

Евреи посвящают себя почти исключительно промышленности и из-за этого сильно страдают. Торговля небезопасна. Феодалы спускаются из своих крепостей, чтобы разграбить товары торговцев. Дороги осажены лицензированными грабителями, которые конфискуют товары, убивают владельцев или продают их в рабство, или требуют огромные выкупы. Сила творит добро, и самые могущественные больше всего отличаются своими бессовестными грабежами. Их замки, возведенные на почти недоступных высотах среди непроходимых лесов, становятся надежным пристанищем банд хищников, которые сеют ужас по всей стране и делают движение транспорта и предпринимательство небезопасными и практически невозможными. И как это происходит на суше, так и на море, где судно никогда не защищено от нападения пиратов, и где от правительств, которые иногда боятся грабителя, а иногда потворствуют ему, не удастся добиться ни возмещения ущерба, ни наказания преступников.

Политическое состояние Европы мы находим еще хуже. Слово *свобода* еще не вошло в словари людей. Гораздо большая часть общества повсеместно лишена своей личной свободы.

Каждый, кто не благороден, - раб. Война - это правило дня. Церковь попирает королей и знать; те, в свою очередь, таков престиж феодальной системы, тиранизируют следующий низший порядок, следующий низший порядок подражает примеру своих высших по отношению к низшим, и так далее, от низшей к низшей касте, до самой низшей, крестьян, которые впали в квалифицированное рабство, называемое крепостничеством. Борьба за превосходство между Церковью и государством, ужасный гнет нескольких феодальных укладов сотрясает общество из-за их извечной вражды, гордость стран либо жестоко истребляется, либо чаще используется для опустошения полей своих соперников, или для нанесения разрушительного удара или безжалостного меча по процветанию своего врага, чем для улучшения своего собственного.

Пусть этого отчета, каким бы скудным он ни был, будет достаточно. Невежество, нищета, страдания и жестокость, которыми изобилуют повсюду, слишком отвратительны, чтобы оставаться здесь дольше. Подобно Аяксу, мы молимся о свете. Подальше от челюстей тьмы.

Эй, моряки, эй! сворачивайте свои паруса, поднимайте якорь, выходите из гавани. И ты, славный корабль, стойкий и сильный, лети прямо через пенящиеся глубины. И ты, о Эол, дуй на нас весело и страстно своими южными ветрами. И ты, о Нептун, ускорь наш путь, поспеши нас снова вернуться в прекрасную Андалусию, в прекрасную Кордову, ибо нет на земле места, подобного Кордове, "городу семи врат", "шатру ислама", "обители ученых", "месту встреч выдающихся людей", городу парков и дворцов, акведук и общественных бань, городу благородных рыцарей и очаровательных дам.

Эол и Нептун отвечают на нашу молитву. Прекрасный корабль, на котором она плывет. "Она ходит по водам, как живое существо". Скоро будут видны земли, которые мы так страстно ищем, и, снова оказавшись на солнечном берегу, мы продолжим наши наблюдения и свободно поделимся ими с нашим другом на девственной земле Колумбии.

ГЛАВА IV. НАШЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В КОРДОВУ.

КОРДОВА НА РАССВЕТЕ.—МУСУЛЬМАНСКИЙ ШАББАТ.—МОЛОДЕЖЬ КОРДОВЫ РЕЗВИТСЯ НА ВОДЕ.—ПЕСНЯ.—СОСТЯЗАНИЕ ГРЕБЦОВ.—ПРИЗЫВ МУЭДЗИНА.—ВЕЛИКАЯ МЕЧЕТЬ.—ПРОПОВЕДЬ.—ХАСДАЙ ИБН ШАПРУТ, ЕВРЕЙСКИЙ ПОСЛАННИК ХАЛИФА.—ДУНАШ ИБН ЛАБРАТ.—ПО ДОРОГЕ К АБДАЛЛЕ ИБН ХАМРИ, МАВРИТАНСКОМУ ПОЭТУ.

И снова наша легкокрылая лодка скользит по широкой серебристой глади величественной Гвадалквиверы, вдоль парков, заросших цветущими кустарниками, вдоль сверкающих дворцов и звучащих песнями лесов, вдоль пальмовых островков и благоухающих малиновым холмов.

Ранним весенним утром, почти 1000 лет назад в мировой истории. Наша лодка делает резкий поворот, и Кордова, вся блестящая от утренней росы, поднимает голову, словно после купания в хрустальном ручье. Аврора, богиня зари, краснеет в небе, и своими розовыми пальцами она игриво играет с золотыми локонами прекраснейшей дочери Андалусии. Настало утро,

"Когда просыпается магия дневного света

Каждое мгновение - новое чудо, как бы медленно оно ни разрушалось;

Холмы, купола, фонтаны призывали всех

Из тьмы, словно только что рожденный солнцем".

Наш проворный гребец, грациозный еврейский юноша с волосами цвета воронова крыла, к услугам которого мы снова прибегли в качестве гида, с трудом прокладывает себе путь среди бесчисленных прогулочных лодок, курсирующих туда-сюда. Мы поражаемся этому, поскольку отчетливо помним, как во время нашего первого визита широкую реку бороздили только транспортные суда. "Сегодня пятница, мусульманская суббота", - сообщает нам наш гид, и мы больше не удивляемся. Лодки, некоторые позолоченные, некоторые украшенные гирляндами, некоторые украшенные богатейшими гобеленами, населены веселыми и счастливыми искателями удовольствий. Вся молодежь Кордовы, кажется, резвится на воде. Воздух наполнен эхом их веселого смеха и музыки:

"От гуслей, свирелей и лютней небесного трепета,

Или есть собственные юношеские голоса, еще более небесные".

Крылатые певчие лесов и парков подхватывают припев и напевают свои самые сладкие трели, словно соревнуясь с человеческими голосами за превосходство в пении. Но что самое странное и самое очаровательное, так это постоянное состязание гребцов в остроумных песнях, которые в данный момент являются либо импровизацией, либо цитатами из многочисленных поэтов. Лодка пересекает наш путь, остается на прежнем курсе, и ее гребец, чтобы проверить готовность нашего гида воспеть Кордову, начинает сладкими нотами поэтического арабского языка:

- Не говори о Багдадском дворе и его сверкающем великолепии.

Не восхваляйте Персию и Китай и их многочисленные преимущества,

Ибо нет на земле места, подобного Кордове,

Во всем мире нет красавиц, подобных этим красавицам".

На что наш гид немедленно отвечает сладким и чистым тенором:

"О, моя возлюбленная Кордова!

Где я увижу равного тебе?

Ты подобен заколдованному месту,

Твои поля - пышные сады,

Твоя земля разных цветов

Напоминает стайку янтаря розового цвета".

Испытующий гребец встретил равного себе. Он доволен ответом и расчищает путь. Теперь наш гребец преграждает путь лодке и, взяв за основу свою тему "Дамы", бросает гребцу вызов таким образом:

"Сияющее золото и прекрасная жемчужина,

Но ты ярче, прекраснее, милая девушка.

Жасинты и изумруды из шахты,

Сияющий, как только могут сиять солнце и луна,

Но что значат все их прелести по сравнению с твоими?

На что оспариваемый отвечает:

"В магазинах Производителя есть редкие красавицы,

Но никто не может сравниться с тобой,

О жемчужина, которую сотворила собственная рука Бога;

Земля, небо и море,

Сравнись с тобой,

Смотри, как все их великолепие тонет в тени".

Мы достигли места посадки. Мы снова шагаем по улицам Кордовы, которые так удивили и восхитили нас во время нашего первого визита. Мы не продвинулись далеко, как вдруг до наших ушей донесся голос, громкий и могучий, какого никогда прежде не слышали. Мы смотрим в ту сторону, откуда доносится голос, и видим на изящном балконе вокруг "минарета" "муэдзина", который с торжественной силой в своем живом голосе, которому не могли бы подражать ни флаг, ни труба, ни колокол, ни огонь, призывает верующих к молитве:

"Придите на молитву! Придите на молитву! Придите в Храм Спасения! Великий Боже! Великий Боже! Нет Бога, кроме Бога!"

При звуке *призыва* муэдзина толпы, заполонившие улицы, ускоряют шаг, в то время как некоторые останавливаются и, повернувшись к Кибле (небесной точке в направлении Мекки, на которую указывает расположение минаретов), либо падают ниц на землю, либо, скрестив руки на груди, склоняют голову в турбане до земли и возносят свое сердце и голос к Аллаху. Как сообщает наш гид, пять раз в день *муэдзин* призывает верующих к молитве. Тем, кто таким образом совершает публичное богослужение на улицах, по некоторым причинам запрещено посещать мечеть, а Коран разрешает им молиться в любом чистом месте, и улицы Кордовы

действительно чистые. Молитва у мавров имеет большое значение, продолжает наш гид. Мухаммед придавал большое значение ее эффективности. "Это столп религии и ключ к раю", - сказал он. "Ангелы приходят к вам и ночью, и днем, когда они возносятся на небеса, Бог спрашивает их, как они покинули его творения. Мы нашли их, говорят они, по их молитвам, и мы оставили их по их молитвам". Он предписал даже позы, которые следует соблюдать во время молитвы. Женщинам в молитве не следует протягивать руки, но держать их у себя на груди. Они не должны делать таких глубоких интонаций, как мужчины. Они должны молиться тихим и нежным голосом. Им не разрешается сопровождать мужчин в мечеть, чтобы мысли верующих не отвлеклись от их богослужений. Им также не разрешается совершать богослужения вместе с мужчинами. У них есть галерея в мечети, огороженная решеткой. Никому не разрешается приходить на молитву украшенным дорогими украшениями или в роскошной одежде.

Слушая нашего гида, наши ноги бессознательно следовали за спешащей толпой, и, прежде чем мы осознали это, мы оказались перед "мескитой", большой мечетью, знаменитым сооружением, которое со своими зданиями и дворами занимает больше места, чем любое существующее место поклонения, соперником *Каабы* в Мекке и *Алаксы* в Иерусалиме. Как и вся мавританская архитектура, его внешний вид очень прост. Наш гид сообщает нам его размеры: 642 фута в длину и 440 в ширину. Высота башни Альминар составляет 250 футов.

Сегодня пятница, "*Зев аль Йома*", великий день богослужебного собрания, мусульманская суббота, священная, потому что в этот день был сотворен человек, потому что этот день уже был посвящен древними арабами "*Астарте*", Венере, самой красивой из планет и самой яркой из звезд; а также потому, что с этого дня, пятницы (16 июля 622 г.), дня *Хиджры*, начинается мусульманский календарь. Наш гид уверяет нас, что в пятницу проходят особые службы, что в этот день *муфтий* излагает некоторые главы из Корана, а "*Имаум*" (проповедник) произносит "*Хомбе*" (проповедь).

Мы входим через одни из девятнадцати высоких и массивных бронзовых ворот, и красоты, которые мы сейчас видим, не поддаются описанию.

К "*Кибле*" ведут девятнадцать проходов, отмеченных колоннами из яшмы, берилла, вердикта, порфира с тонкой резьбой, поддерживающими в двух направлениях двойные подковообразные арки, расположенные одна над другой. Их пересекают тридцать восемь проходов, также состоящих из колонн из разного мрамора, образуя, таким образом, буквально лес колонн. Потолок заполнен овалами, на которых нанесены соответствующие надписи из Корана, призывающие разум верующих к созерцанию и набожности. К нему подвешены 280 люстр, которые освещают огромное пространство более чем 10 000 огнями.

"*Аль-Михраб*" в "*Кибле*" в конце мечети представляет собой восьмиугольную нишу, потолок которой выполнен в виде раковины из цельного блока белого мрамора. Внутри находится Святыня Святынь, содержащая один из оригинальных экземпляров Корана, тот самый, который лежал на коленях *Османа*, третьего халифа, по словам нашего гида, когда он был убит; он обогрел его живой кровью. Он лежит на подставке из дерева алоэ, скрепленной золотыми гвоздями. Двери святилища из чистого золота, пол из цельного серебра, инкрустированный золотом и *лазури*том. Перед ним находится кафедра, сделанная из дорогого дерева, инкрустированная слоновой костью и украшенная драгоценными камнями; гвозди, соединяющие ее части, также сделаны из золота и серебра. Это позолота халифа, и ее

стоимость превышает 1 000 000 долларов. Халиф сам начертил план всего здания и ежедневно собственными руками помогал в его возведении.

Внутри мечети есть двор длиной 220 футов, с прогулочными дорожками, приглашающими к благочестивым медитациям, а также резервуарами и фонтанами для омовения, поскольку, как сообщает нам наш гид, омовение предписано Кораном с большой точностью как подготовка к молитве; чистота тела считается символом чистоты души.

Во всем здании нет ни одного сиденья; молящиеся либо распростерты на полу, искусно выложенном мраморной мозаикой, либо стоят, глубоко склонившись в почтении.^[4]

Когда муфтий, совершив тщательное омовение, приближается к "*Аль-Михрабу*", чтобы взять из его священного места экземпляр Корана, все падают ниц на землю. Он открывает книгу и громким голосом читает первую главу "*суры*":

"*Бисмиллах*" — во имя всемилостивейшего Бога. Хвала Аллаху, Господу всех созданий, Милосерднейшему, Царю Судного дня. Тебе мы поклоняемся, и у Тебя мы просим помощи. Направь нас правильным путем, путем тех, к кому Ты был милостив; не тех, против кого ты разгневан, не тех, кто сбивается с пути.

На что вся паства отвечает:

"Боже, нет Бога, кроме Него, Живого, Вечно Живущего; Он не спит и не дремлет. Ему принадлежат Небеса и земля и все, что в них содержится. Он знает Прошлое и Будущее, но никто не может постичь ничего из этого знания, кроме того, что Он открывает. Его власть простирается над Небесами и Землей, и поддерживать их обоих для Него не в тягость. Он - высокий, могущественный. Нет Бога, кроме Него, и "*Мухаммед Ресуль Аллах*" Мухаммед - пророк Божий".^[5] *Муфтий* теперь излагает главу из Корана, и в конце каждого урока вся паства отвечает: "Амин!" - "Да будет так".

"*Имам*" поднимается на кафедру, чтобы произнести свою проповедь. Он основывает свою тему на только что изложенной главе. Он говорит о вере и практике, о вере в Бога, в его ангелов, в его Коран, в его пророков, в воскресение и страшный суд, в предопределение. "Ангелы", - говорит он, - постоянно наблюдают за каждым смертным, один по правую руку, другой по левую, отмечая каждое слово или действие. В конце каждого дня они улетают на небеса, чтобы написать свой отчет. Каждое доброе действие записывается десять раз добрым ангелом справа, и если смертный совершает грех, тот же самый доброжелательный дух говорит ангелу слева: "Воздержись от записи этого в течение семи часов; может быть, он покается, помолится и получит прощение".

Он предписывает благоговеть перед *Кораном* и scrupulously следовать его предписаниям. В нем записаны все Божьи указы и все события прошлого, настоящего или грядущего. Она существовала от века и хранилась на седьмом небе, и в конце концов ее содержание было открыто Мухаммеду Ангелом Гавриилом.

Он говорит об Адаме, Ное, Аврааме, Моисее, Иисусе как о пророках, подчиненных Мухаммеду, чья жизнь и наставления достойны подражания.

Он говорит о предопределении и утверждает, что каждое событие предопределено Богом, что судьба каждого человека и час его смерти безвозвратно определены и не могут быть изменены или отклонены никакими усилиями человеческой проницательности или предвидения.

Он примиряет судьбу и свободную волю, говоря: "Нам даны очертания, и мы раскрашиваем картину жизни по своему усмотрению".

Он говорит о благотворительности и говорит, что каждый должен так или иначе отдавать десятую часть своего дохода на помощь неимущим или попавшим в беду. Он говорит о великой добродетели поста и говорит: "Молитва ведет нас на полпути к Богу, молитва подводит нас к Его порогу, а милостыня ведет нас в Его присутствие". Он предписывает творить добро и избегать зла, и прежде всего соблюдать золотое правило.

"Если вы будете соблюдать эти предписания, - заключает он, - то наградой вам будут райские удовольствия. Там вы будете одеты в одежды, сверкающие драгоценностями. Вы будете носить золотые короны, украшенные жемчугом и бриллиантами, и жить в роскошных дворцах или шелковых павильонах, лежа на роскошных ложах. Сотни слуг, несущих золотые блюда и кубки, подадут вам всевозможные изысканные яства и напитки, когда и в каком количестве вы их пожелаете. Там воздух, благоухающий сладчайшими духами, наполнен мелодичными голосами Дочерей Рая. Там, помимо ваших жен, которые были у вас на земле, которые воссоединятся с вами во всем своем первозданном очаровании, черноглазые *Хурии* (Гурии) с цветом лица, подобным рубинам и жемчугу, блистательные существа, свободные от всех человеческих недостатков или слабости, вечно сохраняющие свою молодость и красоту, будут постоянно сопровождать вас и радостно выполнять ваши желания".

Но горе вам, если вы не прислушаетесь к словам *Аллаха* и Мухаммеда, его пророка! Когда вы пройдете мост, *Аль-Сират*, который тоньше волоса и острее меча, он сломается под бременем ваших грехов и низвергнет вас в тень, дым и огонь ада".

Молитвой о благополучии халифа и всего правительства "хотбе" завершается, и собрание распускается.

Мы знаем, что мавры и евреи - восточные народы и, следовательно, не являются коренными жителями западной земли, на которой они сейчас обитают. Откуда они пришли? Зачем они пришли? Нам не терпится получить правильный ответ на эти вопросы, и, не зная никого из ученых мужей Кордовы, мы думаем о нашем выдающемся единоверце. *Абу Джуссуф Хасдай бен Исаак Ибн Шапрут*, еврейский врач, филолог, министр иностранных дел, торговли и финансов при ученом *Абдере Рахмане* и *Наси*, или светском главе, всех европейских евреев. Мы набираемся смелости навестить его, и с помощью нашего гида нас вскоре впускают в дом. Там мы узнаем, что *Хасдай Ибн Шапрут* только что был вызван на секретную консультацию к халифу относительно важного посольства, прибывшего от *Оттона I*, императора Германии. Нас просят дожидаться его возвращения в его библиотеке. Там нас знакомят с *Моисеем бен Чанохом*, выдающимся талмудистом, с его учеником, *Джозефом бен Абитуром*, переводчиком *Мишны* *Menachem ben Saruk*, the grammarian and compiler of the first Hebrew lexicon, and to *Dunash ben Labrat*, выдающимся поэтом, которые проводили свои соответствующие исследования в великолепной библиотеке Хасдая, любимого министра халифа среди евреев.,

Мы высказываем свое желание, и Дунаш бен Лабрат так отвечает:

"Мы не знаем, когда вернется наш выдающийся *Наси*. Если вы действительно не возражаете, я попрошу вас сопровождать меня к моему другу *Абдалле Ибн Хамри*, знаменитому мавританскому поэту и эрудированному историку, с которым я договорился сыграть партию в шахматы во время дневной сиесты. Я знаю, он предоставит вам такую информацию об истории арабо-мавров, какую вы пожелаете. Когда это будет сделано, мы отправимся в обратный путь, Хасдай вернется, и он с радостью расскажет вам о прибытии евреев в Испанию".

Мы с радостью принимаем его любезное предложение. Сейчас мы в пути, и в следующей главе мы добросовестно расскажем обо всем, что увидим и услышим.

ГЛАВА V. АРАБО-МАВРЫ.

АБДАЛЛА РАССКАЗЫВАЕТ РАНнюю ИСТОРИЮ АРАБОВ.—ЧУДЕСА При РОЖДЕНИИ МУХАММЕДА.—АНГЕЛ ГАВРИИЛ ПИШЕТ КОРАН на ПАЛЬМОВЫХ ЛИСТЬЯХ.—ДЕСЯТЬ РЕШАЮЩИХ ЛЕТ В ИСТОРИИ РЕЛИГИИ.—ПРЕКРАСНАЯ ЗЕЛИКА.—АРАБО-МАВРЫ ОСТАНОВИЛИ СВОИ ЗАВОЕВАНИЯ.—ССОРА Между КОРОЛЕМ РОДЕРИКОМ И ГРАФОМ ЖЮЛЬЕНОМ, ОТЦОМ ОСКОРБЛЕННОЙ ФЛОРИНДЫ.—ЕВРЕИ ВСТУПИЛИ В СОЮЗ С ОБИЖЕННЫМ ОТЦОМ.—АНДАЛУСИЯ ЗАВОЕВАНА.

В красивой долине на берегу Гвадалквивира, примерно в пяти милях от Кордовы, в пределах видимости от великолепного дворца халифа *Медина-аль-Зоар* (город цветов) стоит живописная резиденция мавританского поэта Абдаллаха Ибн Хамри. Дунаш бен Лабрат, выдающийся еврейский поэт, наш новообретенный друг и гид, не нуждается в официальном объявлении. Массивные бронзовые ворота ведут в красиво вымощенный дворик, из центра которого на ослепительную высоту бьет неиссякающая струя фонтана, распространяя освежающую прохладу и создавая приятный стук падающих в бассейн капель. Этот двор опоясывает галерея, поддерживаемая стройными колоннами из алебаstra, от которых отходят многочисленные изящные подковообразные арки. Промежутки над арками заполнены арабесками, переплетающими поразительные тексты из Корана в ярких красных, синих и золотых тонах. Над ними расположены решетчатые окна, которые освещают сераль.

Из этого роскошного двора мы проходим через двойную арку в другой, изобилующий тропическими растениями. Здесь, в тени деревьев, находится очень длинный продолговатый мраморный бассейн, наполненный искусственно охлажденной водой. Здесь ранним утром и в

вечерних сумерках ленивые, разгоряченные, усталые купаются в роскошной истоме. Здесь женщины встречаются, чтобы развлечься, в то время как входы охраняются евнухами от вторжения посторонних. Из этого частного двора задняя дверь ведет в прекрасный сад с извилистыми дорожками и цветущими *цветниками*, изобилующий искусственными гротами и киосками из цветного стекла, террасами из полированного мрамора, балюстрадами, поддерживаемыми золочеными колоннами, и прудами, наполненными золотыми и серебряными рыбками.

"Здесь мы найдем Абдаллаха Ибн Хамри, - говорит Дунаш бен Лабрат. - Он с удовольствием проводит свою сиесту вон в том павильоне, который хорошо снабжен книгами и музыкальными инструментами. Там его прекрасная дочь *Зелика* настраивает лиру, пока он ухаживает за музами, и ее мелодичный голос вдохновил его на самые удивительные лирические произведения".

Абдаллах узнает голос Дунаша и приглашает его войти. Мы подчиняемся зову. Удивление читается на лице Абдаллы, когда он поднимает взгляд на наши странные лица. Перед нами стоит типичный мавр. Его фигура хорошо сложена. У него овальное лицо, орлиный нос, длинные и изогнутые брови, почти сходящиеся на переносице, большие беспокойные черные глаза, гладкая кожа, чистый оливковый цвет лица, густые темные волосы и борода, а также упругая пружинистая походка. Его голова покрыта зеленой шерстяной шапочкой цилиндрической формы, с которой свисает синяя кисточка. Поверх длинного прямого одеяния из легкой ткани на нем короткая туника с искусной вышивкой. Сандалии привязаны к его ногам нитками из витого серебра и золота.

Мы обмениваемся *приветствиями*. Наш друг представляет нас. В размеренной рифме он заявляет, что привел нас в знаменитый "Сын муз" Кордовы, чтобы узнать из самого достоверного источника "Историю проникновения мавров-арабов в Испанию". Абдаллах радушно принимает нас, просит откинуться на *диван*— мягкие сиденья, расположенные вдоль стен павильона, — он принимает полулежачее положение напротив нас и после нескольких вступительных замечаний произносит следующее:

"Огромный полуостров, образованный Красным морем, Евфратом, Персидским заливом и Индийским океаном и известный под названием Аравия, является родиной нашего вероучения. Вскоре после потопа он был заселен детьми *Сима*, сына Ноя. Со временем храбрый *Яраб* основал королевство *Йемен*, откуда арабы и получили названия самих себя и своей страны. На протяжении долгой череды эпох, простиравшихся с самого раннего периода зарегистрированной истории вплоть до седьмого века, Аравия оставалась неизменной и незатронутой событиями, которые потрясли остальную Азию и потрясли Европу и Африку до самого их центра. Занятиями людей были торговля и сельское хозяйство. Первые имели порты вдоль побережья и вели внешнюю торговлю с помощью кораблей и караванов. Кочевые арабы были более многочисленными из двух. Необходимость всегда быть начеку, чтобы защитить свои стада, приучила их с младенчества к владению оружием. Никто не мог превзойти их во владении луком, копьем и ятаганом, а также в ловком и грациозном обращении с лошадью. Верхом они чувствовали себя как дома, а не пешими. Лошадь была их другом и компаньоном. Они жили с ним, разговаривали и расточали ему свою самую дорогую привязанность, и оба были способны выдержать большую усталость и лишения. Арабы в выдающейся степени обладали интеллектуальными качествами шемитской расы. Проницательная

проницательность, тонкий ум, готовая концепция, блестящее воображение, гордый и отважный дух были запечатлены на их желтоватом лице и светились в их темных и горящих глазах. Наш язык, от природы поэтический, сделал их поэтами и самыми красноречивыми из людей. Они были щедры и гостеприимны. Их злейший враг, однажды преломив с ними хлеб, мог спокойно отдыхать под нерушимой неприкосновенностью их палатки. Их религия изначально состояла из веры в единство Бога, в будущую жизнь, в необходимость молитвы и добродетели. Это было вероучение Авраама, и оно было принесено им Измаилом и Агарью. Со временем он был заражен сабейским поклонением звездам и идолопоклонством магов".

"Когда Палестина была разорена римлянами, а город Иерусалим взят и разграблен, многие евреи нашли убежище среди них, и постепенно многие догматы еврейской веры и обычаи еврейского богослужения были снова незаметно приняты ими. То же самое убежище Аравия предложила позже многим христианам, бежавшим от преследований Рима, и они также постепенно привили людям некоторые из своих обрядов, церемоний и верований. Результатом стало смешение религиозных верований, высочайшие религиозные принципы чередовались с самым унижительным идолопоклонством. Не было ни общепринятого вероучения, ни единой веры".

Нужен был великий реформатор, и великий Аллах послал своего пророка, Мухаммеда, утвердить единственную истинную веру: *исламизм*. Его рождение сопровождалось знаками и предзнаменованиями, возвещавшими о чудесном ребенке.^[6] В момент его прихода в мир небесный свет озарил окружающую страну, и новорожденный младенец, подняв глаза к небу, воскликнул: "Бог велик! Нет Бога, кроме Аллаха, и я - его Пророк". Небеса и земля пришли в волнение при его пришествии. Дворцы, храмы и горы рухнули на землю. Священные для Зороастра костры, которые горели без перерыва более тысячи лет, внезапно погасли, и все идолы в мире пали. Хотя его истинное Мессиянство, таким образом, стало очевидным при его рождении и в юности, он все же дождался возраста полной зрелости, прежде чем предпринять попытку утвердить символ веры, который ангел Гавриил записал для него на пальмовых листьях. Но когда пришло время поднять его собственную нацию от фетишизма, от поклонения метеоритному камню и от самого низменного идолопоклонства, он пробудил свой народ от религиозного и политического оцепенения, зажег среди них огонь энтузиазма, и они жаждали возможностей для соперничества и завоеваний.

Когда десять лет спустя смерть забрала меч из его рук, весь мир содрогнулся при одном упоминании его имени.

Здесь Абдаллах делает паузу в своем повествовании. Он прикасается к серебряному колокольчику, и вскоре появляется девушка. Это первый раз, когда нам позволено взглянуть на лицо мавританки; те, кого мы встречали на улицах или в парках или видели за решеткой женской галереи в мечети, всегда были одеты в мантильи, которые облекали всю их фигуру, а их лица всегда были скрыты под вуалью или повязкой из конского волоса, оставлявшей видимыми только глаза. Волосы она заплетает в косу. Ее голову покрывает легкая шапочка или корнет, украшенный драгоценными камнями. Боковые пряди перевиты коралловыми бусинами, свободно свисающими до щели при каждом движении. Широкие белые муслиновые брюки

завязаны на щиколотках золотыми шнурками, которые заканчиваются веселыми серебряными колокольчиками. Длинная пышная белая накидка из прозрачного муслина прикрывает облегающий жилет и жакет из шелка ярких цветов, расшитые и украшенные тканым золотом. На шее, руках и запястьях она носит цепочки, ожерелья и браслеты из золота, кораллов, жемчуга и янтаря.

Он что-то шепчет ей на ухо, и она тут же исчезает, легкая, как ангел. Наступает глубокая тишина. В этот момент мы думаем не о Мухаммеде, основателе новой веры и завоевателе мира, а о *Зелике*, дочери Абдаллы, этой прекрасной девушке, чье лицо соперничает с рубинами и белыми цветами жасмина, которые она носит, и сияет еще ярче, когда ее ослепительные глаза опущены и когда алый оттенок невинности покрывал ее лицо, когда ее взгляд встречался с глазами мужчин и незнакомцев.

Абдаллах заказал закуски. Появляются слуги и расстилают на полу вышитый коврик. На него ставят низкий поднос, сервированный серебром и тонкой фаянсовой посудой, а также сервированный отборнейшими фруктами, кондитерскими изделиями и шербетами, приправленными фиалкой. Вокруг него расставлены низкие подушки, на которые мы, следуя примеру нашего хозяина и гида, усаживаемся, скрестив ноги. Перед едой слуга поливает нам на руки воду из таза и кувшина. Трапеза начинается с "*Бисмила*" для обозначения благодати. Между двумя поэтами ведется очень интересный разговор, демонстрирующий большую образованность и начитанность, о том, Кордова или Багдад лидируют в мире литературы, искусства, науки и философии. Абдалла защищает Кордову, Дунаш выступает за Багдад, свой родной дом.

Вкусная трапеза окончена. Пол убран, Абдаллах возобновляет свое повествование.

"Преемники мухаммеда, - говорит он, - пошли по стопам нашего пророка. Они вышли за пределы Аравии и преследовали свою работу по обращению мира, предоставляя побежденным выбор между Кораном, Данью или Смертью. Менее чем через пятьдесят лет после смерти Пророка Сирия, Палестина, Египет, Месопотамия, Персия, Армения, Малая Азия приняли религию Мухаммеда. В Иерусалиме мечеть стояла на том месте, где когда-то стоял храм Соломона. В Александрии мусульмане жестоко отомстили христианам за преступления, которые высокомерный и фанатичный святой Кирилл совершил там два столетия назад, искореняя греческую ученость и подстрекая своих монахов убить мудрую *Ипатию*."

Крайняя северная часть Африки внезапно остановила их армии. Здесь они столкнулись с двумя сильными противниками. Во-первых, люди называли *берберов* "Благородными" - высокую, благородно выглядящую расу мужчин, активных, пылких и неукротимых. У них были те же патриархальные привычки, те же шемитские черты, они были одинаково искусны во владении оружием, разведении лошадей и обращении с ними, и поэтому арабы считали их представителями своей расы. Это северное побережье Африки было названо римлянами из-за смуглого цвета лица его жителей: *Мавритания*, а его жителей звали *мавританцы*, или *мавры*. Когда превосходящие силы арабов, наконец, вынудили мавров подчиниться, завоеватели и покоренные объединились настолько, что менее чем за десятилетие одних нельзя было отличить от других.

Однако второго врага, населявшего северную оконечность *Альмагреба*, где Африканский континент смело выступает навстречу европейскому, одолеть было не так-то легко. В каменном

городе *Сеута* находился гарнизон испанских солдат, а его храбрый командир, граф *Джулиан*, бросил вызов доблестному эмиру *Мусе Ибн Носсейру*, Герою Двух континентов. Казалось, что *исламизм* достиг своего предела, что его нога никогда не ступит в прекрасную Андалусию, на которую он так часто бросал свои задумчивые взгляды. Но *Аллах* благоволил поступательному продвижению религии Пророка! Зло, причиненное нечестивым *Родериком*, королем Испании, молодой и красивой *Флоринде*, дочери графа *Джулиана*, храброго командира *Сеуты*, открыло Европу для мавров-арабов. "*Клянусь живым Богом*", - воскликнул оскорбленный отец. "*Я буду отомщен*."

Вскоре он нашел добровольных союзников, состоящих из знати, которая больше не могла терпеть деспотизм короля *Родерика*, и евреев, изгнанных из Испании. Ободренный этими союзниками, граф *Джулиан* вступил в переговоры с амиром *Мусой* о передаче Испании в его руки. *Муса* с радостью согласился.

"Преступления Испании давно зывали к Небесам:

Наконец мера оскорбления была полной.

Граф *Джулиан* вызвал захватчика.

"Безумный, чтобы сеять"

Его месть за своего глубоко раненного ребенка

На голову *Родерика*, в недобрый час для Испании,

Для этой несчастной дочери и для себя самого.

Отчаянный отступник, на *Вересковых Пустошах* он призывал:

И, подобно туче саранчи, которую ветер

Доносится с равнин опустошенной Африки,

Мусульманин на берегах Иберии

Спускается. Они пришли бесчисленным множеством:

Сириец, мавр, сарацин, греческий отступник,

Персидский, коптский и латынь в одном оркестре

Объединенная вера ислама, сильная в юности

И пыл рвения, ужасное братство".

Доблестный *Тарик* с отборным войском пересек пролив между *Геркулесовыми столбами*, который теперь назван в его честь "*Гибралтар-аль-Тарик*" (*Гибралтар*), "*скала Тарика*". 24 июля 711 года две армии встретились у реки *Гуадалете*, недалеко от *Хереса*, и после трехдневного сражения небольшой отряд отборных людей, неукротимых всадников пустыни, обратил в

бегство 80 000 испанцев среди ужасной резни. Тарик нетерпеливо двинулся вперед. *Кордова, Малага, Толедо, Мерида* сдались практически без сопротивления. Шесть лет спустя арабы-мавры были полными хозяевами Испании и остаются таковыми по сей день".

Абдалла закончил свое повествование. Кажется, бессознательно он берет лежащую у него на боку лютню и, пробежав пальцами по струнам, берет несколько аккордов и, наконец, словно желая дополнить свою версию появления арабов-мавров в Европе, он заставляет лютню сопровождать свое исполнение некоторых песен и стихов, которые он сочинил в ознаменование победы арабов-мавров над прекрасной Андалузией, и которые с тех пор стали такими же популярными в Багдаде и Антиохии, как в Кордове или Гранаде. Мы желаем, но наше желание тщетно, чтобы *Зелика* вернулась к своему привычному занятию, чтобы ее молодой и мелодичный голос слился с тающими мелодиями мавританского барда.

Героическая тема вдохновляет Абдаллу все больше и больше. Он начинает импровизировать. Он защищает *Флоринду*, которую испанцы ненавидят и называют "*Ла Кава*" - "нечестивая". Он поет о том, как Родерик вошел в пещеру, над которой было написано: "*Король, который откроет эту пещеру и обнаружит ее чудеса, познает и добро, и зло*", и о том, как, войдя в нее, он прочитал эту роковую надпись на стенах: "*Несчастный король, ты вошел в недобрый час. Чужие народы лишат тебя собственности, а твой народ унижат*". Он поет о битве между Тариком и Родериком. Он поет о плененной королеве *Эгилоне*. Он поет о ревности между Мусой и Тариком и о других темах, героических и прекрасных.

The *Призыв* муэдзина к вечерней молитве останавливает его размышления и делает необходимым наш поспешный отъезд, поскольку сейчас вечер пятницы, а расстояние до синагоги большое. Мы поспешно расстаемся. Однако перед отъездом Абдаллах берет с Дунаша обещание, что он пошлет за ним, как только Хасдай бен Исаак, выдающийся еврейский министр халифа, расскажет нам *Историю проникновения евреев в Испанию*.

ПЛАЧ РОДЕРИКА.

ИСПАНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БАЛЛАДА.

Перевод Дж. Дж. Локхарта.

Войско дон Родриго в смятении рассеялось,

Когда была проиграна восьмая битва, у них не осталось ни сердца, ни надежды;

Он, когда увидел, что поле боя проиграно, и вся его надежда рухнула,

Он отвернул его от своего летучего воинства и отправился в путь один,

Его лошадь была окровавлена, слепа и хромала, он не мог идти дальше,

Спешившись, король, не зная ни пути, ни цели, расхаживал взад и вперед.

На Родерика было жалко смотреть,

Из-за сильной жажды и голода он шатался, ослабевший и больной.

Весь перепачканный и усыпанный пылью и кровью, как какое-то тлеющее клеймо

Вываченный из пламени, показал Родриго. В руке у него был меч;
Но он был разрезан на пилу темно-фиолетового оттенка;
Его украшенная драгоценными камнями кольчуга имела множество изъязнов, а шлем - множество вмятин.
Он взобрался на вершину холма, самого высокого, какой только мог видеть,
Оттуда на весь этот дикий маршрут он бросил свой последний долгий взгляд.
Он увидел свои королевские знамена там, где они лежали промокшие и разорванные,
Он слышал победный крик, полный презрения вопль арабов.
Он искал храбрых капитанов, которые руководили войсками Испании,
Но все бежали, кроме мертвых, а кто мог сосчитать убитых?
Куда бы ни устремлялся его взгляд, вся равнина была залита кровью;
И пока он так говорил, слезы, которые он проливал, текли по его щекам, как дождь:
"Прошлой ночью я был королем Испании, сегодня я не король;
Прошлой ночью прекрасные замки удерживали мой поезд, а сегодня ночью где мне лечь?
Прошлой ночью сотня страниц действительно послужила мне на пользу,
Сегодня вечером ни один из них я не называю своим, ни один не принадлежит мне.
"О несчастный, несчастливый был тот час, и проклятым был тот день
Когда я родился, чтобы обладать властью этой великой сеньории;
Несчастный я, что дожил до захода солнца этой ночью,
О Смерть, почему теперь ты так медлишь, почему боишься нанести удар?"

ГЛАВА VI. КАНУН СУББОТЫ В КОРДОВЕ.

СИНАГОГА КОРДОВЫ.—ДОЧЕРИ ИЗРАИЛЯ ГОТОВЯТСЯ К ШАБАТУ.—ТРОН "НАСИ".—РАББИ МОИСЕЙ БЕН ЧАНОХ.—КРАСНОРЕЧИЕ МОЛЧАНИЯ.—СЛЕЗЛИВАЯ СЦЕНА.—ТРОЕ РАВВИНОВ ВЗЯТЫ В ПЛЕН ПИРАТАМИ.—ЗЛЫЕ ЗАМЫСЛЫ Против МОЛОДОЙ И КРАСИВОЙ ЖЕНЫ ЧАНОХА.—ПРОДАНЫ В РАБСТВО КОРДОВЕ.—ЕГО ЧУДЕСНОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ.

Мощеная дорожка, окруженная с обеих сторон величественными кипарисами, вьющаяся вдоль террасных садов и рядом с освежающими фонтанами, ведет к высокому возвышению, на котором стоит единственная синагога Кордовы. Почти запыхавшись, мы достигаем высоты. Мы

выражаем наше удивление по поводу того, что синагога, посещаемая дважды в день и трижды в субботу, была расположена так неудобно, на что наш уважаемый друг Дунаш бен Лабрат отвечает: "Таков обычай в Израиле, и Соломон[7] и Эзра[8] установили обычай строить синагогу на высоком возвышении, а Талмуд учит: "Город, дома которого выше своих молитвенных домов, будет разрушен".[9]

Прежде чем войти, мы ненадолго останавливаемся, чтобы осмотреться по сторонам. Если бы мы стояли на горе Мориа, бессмертной памяти, с великолепным храмом Соломона перед нами, со священными пейзажами Иерусалима и его окрестностей вокруг нас, даже такие сцены не могли бы внушить нам большего благоговения, чем те, что завораживают наше сердце и разум на храмовой горе Кордова, самой яркой жемчужине в гордой диадеме прекрасной Андалусии.

У подножия горы скользит серебристый Гвадалквивир. Краснеющее солнце опускается за лазурные холмы, и дома, и синагоги, и листва, и фонтан, и река - все окрашено в малиновый цвет, в то время как пушистые облачка, плывущие по его сияющим дорожкам, переливаются пурпурными, фиолетовыми, золотыми и красными красками. Вечерняя звезда сверкает на розовом небе так благосклонно, словно это око Бога, довольного тем, что Его "избранный народ" спешит пасть ниц перед подножием Его ног. Золотистые мерцающие испарения, поднимающиеся из-под освещенного горизонта в бесконечное пространство, кажется, стелются над Синагогой, словно даруя небесное субботнее благословение ее прихожанам. Вся природа вокруг нас вдохновляет на поклонение. Соловьи начали свои вечерние гимны, и воздух наполнился нежными тающими звуками жаворонков, которые поют свою сладкую песню "Спокойной ночи" заходящему солнцу. Наша душа тоже полна стремления к общению с Богом, и поэтому мы обращаемся к синагоге.

Как и у мекиты (мечети), ее внешний фасад прост и не примечателен. Мы входим в высокий и просторный вестибюль, и наш взор ослеплен всем великолепием, гармоничным сочетанием цветов, дорогими, но целомудренными украшениями. Купол над головой обеспечивает свободную циркуляцию воздуха, принося сладкий аромат окружающих садов. С одной стороны слышен освежающий звук текущей воды в резервуарах для омовения, а с другой - мягкий плеск струй фонтана в саду.

Внутри самой синагоги группы изящных колонн из различных видов мрамора и дорогих пород дерева поддерживают двойные галереи, расположенные одна над другой, с решетками спереди, чтобы черноглазые еврейки с волосами цвета воронова крыла и миловидными чертами лица не отвлекали внимание молящихся внизу от их богослужений. Галереи сейчас пусты. Еврейские женщины не посещают службу в канун субботы. Они дома, ожидая возвращения своих мужей, отцов, братьев. Весь день они были заняты подготовкой к Шаббату. Дом был приведен в порядок. Все самое отборное, что только позволяют средства и по карману рынку, было заготовлено для праздничного субботнего застолья. На столе, застеленном белоснежной скатертью и уставленном аппетитными блюдами, горят огни в тяжелых серебряных подсвечниках, а традиционная семирукая субботняя лампа, подвешенная к центру потолка и зажженная с благословения субботы хозяйкой дома, проливает священный свет на мать, жену и дочь, которые одеты во все самое опрятное, и чьи лица раскраснелись от дневных хлопот, и чьи глаза сияют, и чьи сердца бьются в радостных ожиданиях.

Но мы перешли от описания галерей синагоги к женщинам в их домах. Неудивительно, что испанским евреям понадобились решетчатые ограждения!

Промежутки между изящными подковообразными арками и овалами потолка изящно расписаны яркими красками, а стены украшены арабесками, переплетающимися с соответствующими текстами на иврите.

У стены на востоке, в направлении Иерусалима, находится *Хайхал*, святилище, в котором хранится *Тора*, пергаментные свитки Пятикнижия.

Святилище покрыто балдахином в форме раковины удивительного дизайна, инкрустированным перламутром, слоновой костью и серебром. Занавес из шелка и тканого золота, украшенный драгоценными камнями - хризолитом, изумрудами и сапфирами, служит ширмой для входа в это "Святая Святых". Над этим навесом в форме раковины находится подсвеченное окно художественной работы, на котором яркими красками нанесены слова: "*Йехи Или*", "Да будет свет". Луна, королева ночи, плывет по безоблачному небу, и она посылает свой несравненный свет через это двойное треугольное окно, и эффект получается самый потрясающий.

К потолку, прямо перед занавесом, подвешена *Не'эр Тамид* "Персональная лампа", известная своей удивительной красотой и бесценной ценностью, подарок матери *Хасдая бен Исаака*, и ее мягкий свет оказывает благотворное влияние на прихожан. Под ним находятся пирамидальные ступени, с которых потомки первосвященника Аарона по великим праздникам раздают прихожанам священнические благословения. Справа и слева от них стоят *М'ророт*, высокие семирукие канделябры, точная копия библейского рисунка[10].

Перед ступенями стоит похожее на трон кресло, в котором восседает *Хасдай бен Исаак*, *наси*, светский глава всех европейских евреев, *Реш Каллах*, президент Академии талмудических наук в Пумбадите в Вавилонии, министр иностранных дел, торговли и финансов халифа Абдеррахмана III.

Справа от святилища, на возвышении, восседает раввин *Моисей бен Чанох*, *Даян*, главный судья и главный раввин всех европейских евреев; справа от него сидит *Шлях Хазибур*, Чтец; слева от него его Главный помощник *Даян*; у его ног сидят самые продвинутые ученики его знаменитой академии.

Слева от "Святилища" восседает *Рош Хакнесет*, президент конгрегации; за его креслом стоит *Хазан Хакнесет*, бидл, справа и слева от него сидят служители конгрегации, у их ног - старейшины.

Эти три группы сидят лицами к прихожанам, в то время как прихожане обращены к святилищу. В центре этого просторного зала находится "Алмемор", или "Бима", просторная приподнятая платформа великолепного дизайна. Эту платформу окружает балюстрада, балясины которой, как и балясины изящных лестниц, ведущих к платформе с обеих сторон, выполнены из изящных алебастровых колонн. На этой "Биме" находится стол Читателя и кафедра раввина, размещенные там, чтобы широкая аудитория могла иметь возможность с пользой слушать.

С потолка свисают огромные люстры, которые проливают поток света на толпу молящихся, а синагога, возвышающаяся высоко над городом Кордова, проливает свои благодатные лучи

святости, мира и доброй воли на город и всех его жителей, струясь сквозь невыразимо красивые витражи.

Пол вестибюля состоит из мрамора, мозаики и глазурованных плиток, соединенных таким образом, что образуют различные сложные узоры непревзойденной красоты. Пол синагоги устлан вышитыми персидскими коврами.

Хотя места заняты, и офицеры находятся на своих местах —

"Не произносится ни звука — только глубокий

И проникает торжественная гармония".

Воистину, евреи хорошо понимают суть богослужения. В каждой молящейся душе есть то неопределимое стремление к бесконечному, к высшему и возвышеннейшему, которое может выразиться красноречиво только в глубоком молчании. Душа может, заикаясь, выражать свои желания и благодарность, но свои самые глубокие, сокровенные чувства - никогда. Поэтому евреи установили обычай, согласно которому служению самовыражению всегда должно предшествовать еще более священное служение безмолвного размышления.

Странное окружение и удивительные виды настолько полностью завладели нашим умом, что он не может обрести тот спокойный покой, который так необходим для безмолвной преданности, и поэтому, в то время как другие погружены в медитации, наш ум продолжает свои наблюдения.

Наше внимание приковывают двое мужчин. Один из них - *Хасдай бен Исаак*, один из тех, кто внушает благоговейный трепет и уважение, внушает любовь и уверенность, с которыми мы редко встречаемся в жизни. Его черты лица представляют собой воплощение трех различных рас. Его высокий и квадратный лоб, глубоко посаженные глаза, орлиный нос, выдающийся подбородок, свидетельствующие о глубокой мудрости, способности командовать и огромной силе воли, - все это говорит о палестинском иврите. Грация и привлекательность фигуры говорят о мавре. Его высокая, величественная фигура, полная жизни и энергии, говорит о европейском вестготе.

Не менее привлекательна личность раввина *Моисея Бен Чаноха*. В его умном лице есть что-то странное и завораживающее. Какая-то странная, сладкая меланхолия, кажется, витает в его глазах. Черты его лица принимают выражение легкого страдания, стойкости, подслащенной и поддерживаемой святостью и покорностью Божьей воле. Кажется, что он более глубоко погружен в медитацию, чем кто-либо другой. Время от времени его лоб морщится, губы дрожат, словно от боли, и он стискивает зубы, словно сдерживая крик муки.

Действительно ли великий, ученый и благочестивый раввин, почитаемый везде, где бьется еврейское сердце, будь то в Азии, Африке или Европе, благодаря которому свет восточной учености, который, казалось, угас навсегда из-за рассеяния прославленных учителей и окончательного закрытия великих школ, внезапно возродился на Западе в обновленном и неослабевающем великолепии, действительно ли он погрузился в благочестивые размышления? У нас есть свои подозрения, и пусть Бог простит нас, если мы подозреваем его несправедливо.

"Бывают моменты, когда тишина, продолжительная и нерушимая,

Это может быть выразительнее всех когда-либо произнесенных слов,

Это когда сердце предчувствует, что

В сердце другого проходит".[11]

Возможно, он вспоминает день своего отъезда из Суры в компании своей молодой и красивой жены, маленького сына и трех других молодых и выдающихся раввинов, раввина *Сахамарии бен Эльчанан*, раввина *Хушиэля* и раввина *Натана бен Исаака Козна*, с целью сбора средств для академии в Суре, которая тогда переживала последние муки. Возможно, он вспоминает душераздирающую сцену, когда они были взяты в плен у итальянского побережья испанско-мавританским пиратом, адмиралом *Ибн Румачисом*. Его дрожащие губы и нахмуренный лоб, а также подавленный крик боли выдают его мысли о злых замыслах, которые пиратский адмирал вынашивал в своем грязном сердце против своей молодой и красивой жены; о том, как она, благочестивая и невинная, предпочитающая смерть позору, спросила его, скрывая мотив: есть ли воскресение для тех, кто погибает в море; и как он, ничего не подозревая, ответил утвердительно, основываясь на Псалме lxxviii: 23. "Господь сказал: я снова приведу из Башона, я снова приведу из Башона". *морские глубины*", как она, не успев получить ответа, бросилась в море, и бушующие волны поглотили его молодую и красивую жену, мать его маленького и единственного ребенка.

Отсюда его нахмуренный лоб, дрожащие губы и меланхоличное выражение лица в благословенный канун субботы. Его не ждет освещенный дом. Нет жены, которая с радостью трудилась бы весь день напролет, готовясь к праздничному приему субботы. Нет жены, которая приветствовала бы его своей жизнерадостной улыбкой и своей мудрой, чистой и святой беседой, чтобы развеять заботы недели. Нет матери, которая прижала бы его ребенка к своей бьющейся от любви груди и тоже назвала бы его "Мое собственное милое дитя".

Его мысли продолжают свое блуждание. Он вспоминает тот день, когда его продали в рабство в Кордову; как еврейская община выкупила его, хотя его качества и ученость были неизвестны; как однажды он поступил в школу изучения талмуда, которой руководил раввин *Натан*, "Даян" евреев Кордовы; как он, стыдясь своего вретищевго костюма, сел в углу, на почтительном расстоянии от учеников; как он, возбужденный, наконец, ложными решениями невежественного раввина Натана, забыв в своем волнении о своих правах. в своем скромном состоянии и в мешковинном костюме он осмелился с подобающей скромностью исправить принятые решения; как все взоры обратились к бедному рабу; как, чтобы продемонстрировать свою ученость, рабби Натан вступил с ним в спор, в котором он проявил такую глубокую ученость, что рабби Натан воскликнул с восторженным восхищением.

— Я больше не глава этой Школы - вон тот раб во вретище - мой хозяин, а я его ученик.

Его разум продолжает пребывать в своих грезах. Он вспоминает, как его провозгласили главой еврейской общины; как он завоевал расположение Хасдая и халифа; как была основана и процветает сейчас его великая школа, которая является самой известной в еврейском литературном мире.

Его лицо становится все более и более безмятежным. Он распознает перст Божий в своей судьбе. Теперь он видит, что его поимка и поимка трех его коллег были делом провидения. Им было суждено нести знания из школ Вавилона в Африку и Европу. Его коллегам тоже повезло.

Раввин *Сахамария бен Эльчанан* был продан в рабство в Александрию, где он тоже был выкуплен еврейской общиной, а позже он также основал процветающую школу в "*Мисре*" (Кахира). Раввина *Хушиэля* постигла та же участь. Его продали в *Кайруан*, на побережье Африки, и там он тоже открыл школу. Раввин *Натан бен Исаак Козн* был продан в *Нарбонну*, Франция, и, словно так распорядилась судьба, он тоже открыл там процветающую школу. Он продолжил бы свои грезы, если бы его не разбудил "*Ш'лиах Хазибур*", который покидает свой бок и, взобравшись на "*Алмемор*", занимает свое место за столом. Скоро начнутся службы, и поэтому мы тоже должны прекратить наши наблюдения и объединиться с нашими единоверцами в их радостном и благоговейном приветствии еженедельной субботы, благословенного Дня Отдыха.

ГЛАВА VII. КАНУН СУББОТЫ В КОРДОВЕ (ПРОДОЛЖЕНИЕ.)

ВЕЧЕРНЯЯ СЛУЖБА.—ПРЕКРАСНЫЙ ОБЫЧАЙ В ИЗРАИЛЕ.—УДОСТОЕН ПРИГЛАШЕНИЯ В ДОМ ХАСДАЯ.—ОСВЕЩЕННЫЕ УЛИЦЫ.—ДВА АНГЕЛА.—ИДЕАЛЬНАЯ СУББОТА В ИДЕАЛЬНОМ ДОМЕ.—ВОСХВАЛЕНИЕ ДОБРОДЕТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ.—ОТЦОВСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ.—ПРЕПОДНЕСЕН ДАМАМ.—ВЕЧЕРНЯЯ ТРАПЕЗА.—ЕВРЕЙСКОЕ КОРОЛЕВСТВО ХОЗАР.

"Ш'лиах Хазибур" (Читатель) занял свою позицию перед лектором по "Биме". Из объемистого пергаментного фолианта он поет прекрасные и радостные псалмы хсv, хсiх, сii тем завораживающим музыкальным *речитативом*, свойственным еврейской литургии, таким радостным и в то же время таким святым, таким веселым и в то же время таким благоговейным, таким глубоко священным, таким религиозно возвышающим, что верующий мягко возносится на своих могучих крыльях из будничной жизни в более высокое и чистое царство Субботы.

"Чтец" и прихожане поют попеременно куплеты. Какой величественный хор человеческих голосов! Какие величественные звуки сопровождают их полет к небесам! Какая возвышенная музыка - слышать, как эти сотни людей исполняют свои священные гимны Богу. Сладостны звуки тающей арфы и трели лютни, но слаще того и другого та музыка, что вырывается из теплой человеческой груди. Трогательны звуки соловья и жаворонка, но самой возвышенной и трогательной из всех является духовная музыка, которая исходит из самых сокровенных глубин сильного и мужского сердца. Такой

"Религиозный жар музыки вдохновляет,

Это будит душу и поднимает ее высоко

И наполняет это возвышенными желаниями,

И соответствует ему, чтобы говорить о Божестве".

Слышать, как плачет человек, видеть, как его сильная грудь тает от слез, а его великое горе выражается в красноречивых рыданиях, разбивает сердце другого человека, слышать, как он с пылом и преданностью поет хвалу Богу, дает самую сильную опору человеческой душе. Когда люди искренне поют религиозные песни, их сердца говорят сами за себя. Когда мы слышим, как старшие впереди, вон те святые патриархи, увенчанные серебряной короной трех, четырех и пяти десятков лет, сливают свои голоса с голосами молодежи в религиозных песнях, мы знаем, что такие песни поднимают их усталые души над смертной слабостью, смягчают их боль, останавливают безжалостную руку смертельной болезни и заставляют саму смерть еще ненадолго вложить в ножны свою беспощадную косу, и наши губы невольно выдыхают благословение: "Хвала Тебе, о Боже, благословивший нас даром песни".

Прихожане встают, и "Чтец" громко поет *Борчу*, призыв к собранию "поклоняться Богу, достойному Поклонения", на что они отвечают: "Да, мы будем поклоняться Богу, ибо Он достоин хвалы ныне и присно".

Они возвращаются на свои места и продолжают свои молитвы. Они возносят благодарность за благодатный час сумерек, который велит усталому труженику прекратить работу, уводит его в

его мирный дом и вознаграждает его там кровом и отдыхом. Они выражают благодарность за открытые истины и доктрины, ведущие к нравственному благу и человеческому совершенству, и искренне молятся о том, чтобы до тех пор, пока в их мыслях и делах слово Божье является их законом, а этот закон - их светом, они никогда не оставались без его отеческой заботы. Они снова поднимаются; среди внушающей благоговейный трепет торжественности "Чтец" поет великий символ веры Израиля: *"Услышь, о Израиль, Вечный, Бог наш Един"*, на что верующие отвечают единым великим хором: *"Да будет хвалено имя Его славного царства во веки веков"*.

Возникает безмолвная, но пылкая преданность. Они выражают свою бессмертную веру в Бога своих отцов, в Того, Кто поддерживает жизнь, поддерживает падающих, исцеляет больных, забирает к себе души усопших, венчает неделю благословенным днем субботы, и в заключение они молятся, чтобы Бог удержал их языки от зла, их уста от произнесения обмана и вооружил их кротостью против недоброжелательства, чтобы он мог вселить смирение в их души и веру в их сердца; чтобы Он мог быть их поддержкой, когда горе заглушает их голос, и утешением, когда горе угнетает их дух, чтобы истина могла осветить их сердца. их путь и мудрость будут их руководством; чтобы Он мог разрушить все злые замыслы и обратить к добру сердца тех, кто их замышляет.

"Чтец" нарушает молчание, беря кубок с вином, и им, как символом радости, он начинает *Кидуш*, посвящение субботы как дня отдыха, радости и духовного возвышения.

Скорбящие и те, кто отмечает годовщину смерти кого-то из дорогих усопших, встаньте сейчас и прочтите *кадиш*, "Молитву скорбящего", с помощью которой они выражают даже в своих болезненных испытаниях свое благочестивое подчинение воле Бога и Его высшей мудрости.

Как возвышенно служение этого скорбящего! Как утешительно для тех, кто скорбит и рыдает, для тех, кто уже скорбел и рыдал, и как поучительно для тех, кому суждено скорбеть и рыдать! Это чревато хорошими уроками как для тех, кого пощадила рука смерти, так и для тех, кто пострадал. Это более способно тронуть сердце, чем самые пылкие молитвы, более красноречиво, чем самые волнующие речи. Хотели бы вы, чтобы ваша семейная жизнь была самой сладкой, самой чистой, самой благословенной, пока она длится, тогда сходите в синагогу, послушайте *кадиш* Скорбящего и подумайте, что должно чувствовать то сердце, которое увидело, как одно из его звеньев, заброшенное при жизни, сошло в одинокую могилу, туда, где все акты милосердия и доброты, где самые отборные цветы и самые дорогие памятники больше не могут развеселить безмолвно спящего. Если бы вам помогли преодолеть ревность и ненависть, презрение и злые мысли и дурные поступки, сходите в синагогу, послушайте торжественный "Кадиш", узнайте из него, что есть время, когда сожаление и раскаяние приходят слишком поздно, чтобы быть услышанными, время, когда рыдания и стенания не могут пробиться сквозь комья земли. Умерили бы вы свои амбиции и обуздали свои аппетиты, увидели бы вы слабость смертных, заставили бы струны вашего сердца трепетать в сочувствии к страдающему человечеству, имели бы вы ясное представление о целях жизни, сохранили бы вы свою совесть чистой, затем пошли бы в синагогу, увидели, как встают плакальщики, и из их вздохов и слез извлекли урок, что для гордых и смиренных, высоких и низких, образованных и невежественных, богатых и бедных, тирана и раба, царя и слуги есть только одна общая цель. Смерть уравнивает их всех, его коса не знает ни касты, ни вероисповедания, ни имени, ни славы, ни титула и никакого звания.

Но мы отошли от живых к мертвым, от радостного к печальному. Давайте вернемся к службе.

Снова прихожане встают и торжественно читают "Олену", заключительную молитву, в которой выражают свою горячую надежду вскоре узреть великолепие Божьего величия, такое, которое заставит неверие исчезнуть с земли, навсегда изгонит зло, приведет всех смертных к признанию и поклонению Единому Богу и приблизит тот славный день, когда все люди будут жить вместе в единстве и братском мире, а дух просвещения будет безраздельно царить над всеми.

Еще один радостный субботний гимн, и богослужение завершено.

Тем временем в вестибюле собралось несколько незнакомых людей, по их внешнему виду и костюмам было видно, что они принадлежат к разным странам и к разным слоям общества. Там они ожидали окончания службы, чтобы быть приглашенными домой на субботнюю трапезу, поскольку в Израиле считается грехом, если брат по вере, будь он богатый или бедный, друг или незнакомец, проходит или ему позволено пройти радостный канун субботы в одиночестве и покинутости, и считается актом благочестия украшать праздничный стол субботней трапезы присутствием незнакомцев. И вот компания этих незнакомцев настойчиво приглашается, и приглашение с радостью принимается. Моисей бен Чанох, раввин, и Якоб бен Элиасар, специальный посланник, которые в тот день вернулись из еврейского королевства Хозар, а также мы, которых сердечно приветствовал после того, как нас представил наш друг Дунаш бен Лабрат, являемся гостями уважаемого "Наси".

По каким бы улицам мы ни проезжали, дома, в которых живут евреи, соперничают по своей яркости с ярким освещением улиц. Светлый и веселый дом в канун субботы - это закон для еврея. "Из дома, который радостно освещен в субботу, выйдут великие умы"[12] говорится в Талмуде, и там сказано еще больше: "Когда израильтянин уходит из синагоги домой в канун субботы, Ангел Добра и Ангел Зла сопровождают его. Если, войдя в свой дом, он увидит накрытый стол, зажженную субботнюю лампу, а свою жену и детей, одетых в праздничные одежды, готовыми принять его и в унисон с ним благословить Святой День Покоя, Добрый Ангел ласково скажет: "Твоя следующая суббота и все Субботы будут такими же светлыми и счастливыми, как эта. Мир этому жилищу навеки", на что Ангел Зла неохотно произносит "Аминь". Но если не было сделано никаких приготовлений к встрече Субботы, если свет, песни и благодарение не ободряют обитателей дома, тогда Ангел Зла ликующе говорит: "Пусть твоя следующая суббота и все твои Субботы будут такими же, как эта. Мрак, нищета, раздоры, несчастье в этом жилище навеки", на что Ангел Добра, залитый слезами, неохотно произносит "Аминь".[13]

При входе в роскошную резиденцию сама атмосфера дышит святостью и покоем. Едва Хасдай бен Исаак переступил свой порог, как, в соответствии с установившимся в Израиле обычаем, радостной, но священной мелодией, к которой присоединяются его мать, жена и дети, они поют приветствие субботним ангелам у домашнего очага, повторяя каждый куплет три раза. Таким образом, это звучит так:

"Мир вам, ангелы Божьи, вы, высокий посланник от Царя царей, да будет Он благословен".

"Пусть ваше пришествие будет мирным, вы, ангелы Божьи, вы, высокие посланники от Царя Царей, да будет Он благословен".

"Благословите нас миром, вы, ангелы Божьи, вы, высокие посланники от Царя Царей, хвала Ему".

"Пусть ваше прощание будет мирным, вы, ангелы Божьи, вы, высокие посланники от Царя Царей, да будет Он благословен".

Затем, нежно взяв свою мать за правую руку, а жену за левую и с любовью ведя их обеих в центр комнаты, под лучезарное сияние освященной субботней лампы, он поет последние двадцать один стих последней главы Книги Притчей, эту благороднейшую из всехпохвал добродетельной женщине, которая гласит следующее: "Сердце мужа добродетельной женщины надежно полагается на нее, так что он не будет нуждаться в приобретении. Она будет делать ему добро, а не вредить, во все дни своей жизни. Она ищет шерсть и лен и работает прилежными руками. Она подобна торговым кораблям; она привозит свою пищу издалека. Она также встает, когда еще не наступила ночь, и дает пищу своим домашним, и дневную работу своим служанкам. Она рассматривает поле и покупает его. Из плодов рук своих она насаждает виноградник. Она крепко препоясывает свои чресла и укрепляет свои руки. Она видит, что ее торговля приносит хорошую прибыль; ее лампа горит по ночам. Она кладет руки на веретено, и ее руки держат прялку. Она простирает свои руки к бедным, да, она протягивает свои руки к нуждающимся. Она не боится снега для своего дома, потому что все ее дети одеты в алую шерсть. Она шьет себе одежды, ее одежда из шелка и пурпура. Ее мужа узнают у ворот, когда он восседает среди старейшин страны. Она тклет тонкое полотно и продает его, а также поставляет пояса торговцам. Сила и честь - ее одежда, и она улыбается грядущим дням. Она мудро открывает свои уста, и на ее языке звучит закон доброты. Она хорошо следит за порядком в своем доме и не ест хлеба праздности. Ее сыновья встают и восхваляют ее, ее муж также, и он превозносит ее. Многие дочери поступали добродетельно, но ты превосходишь их всех. Грациозность обманчива, а красота тщеславна, но женщина, которая боится Господа, будет прославлена. Воздайте ей почести, которых заслуживают плоды ее рук; ее труды - хвала всем во вратах".

Сцена, на которой эта счастливая группа, Хасдай, ученый и проницательный министр мавританского королевства, стоит перед своей женой и матерью в окружении своих детей и поет эту славную дань уважения добродетельным женщинам — еженедельную дань уважения, которая во многом способствовала утверждению красоты и величия еврейской семейной жизни — жене, чьи прекрасные формы, черты лица и грация выражают благородство характера и внутреннее благочестие, когда она опускает свои черные и задумчивые глаза, когда ее грудь вздымается от нежных эмоций, а ее лицо окутано алым оттенком невинности в тот момент, когда она спит. перечисление похвал ее мужу; царственная мать, величественная и высокая, как ее сын, и по красоте соперничающая с его прекрасной женой, когда она с красноречивой гордостью смотрит на своего выдающегося сына; эта сцена создана для кисти художника и резца скульптора. Это слишком красиво, слишком патетично, слишком возвышенно для слабого языка или пера.

Дети толпятся вокруг своего отца, и, нежно целуя их, он возлагает на них руки в благословении. Воистину, благословенна голова, на которой лежат родительские руки в благословении, и благословенны родительские руки, которые лежат в благословении на голове ребенка. Теперь мы знаем, в чем причина величия Хасдая, благородства его ума и безупречного характера. Эта счастливая семейная жизнь раскрывает нам секрет его успеха. Здесь находится вечный

источник, из которого он ежедневно черпает сладкие капли нравственной доброты и человеческого совершенства. Вот тот земной рай, где доброта и доброжелательность, а также покой, любовь, радость, благоговение смешиваются и производят непрерывное экстатическое блаженство.

Нас представляют дамам, и на их лицах написано сердечное приветствие. Мы им не чужие, потому что Дунаш бен Лабрат любезно сообщил о нас заранее, и они довольны нашим присутствием, потому что они тоже жаждут услышать о въезде евреев в Европу, особенно о въезде в Испанию. Нам показывают наши места за праздничным столом. Слуга поливает нам на руки воду из таза и кувшина. Хасдай встает и, наполняя кубок вином, мелодично повторяет "Кидуш", церемонию, которую мы уже видели в синагоге, посвящение субботы как дня отдыха, радости и духовного возвышения в священных пределах дома. Из-под красиво вышитой скатерти он достает субботний хлеб, произносит благословение и, разломив его, раздает по кусочку каждому посетителю. И вот начинается трапеза, приправленная превосходной беседой, в которую женщины вступают так же оживленно, как и мужчины, и не раз их глубокие знания, блеск ума и тонкое остроумие вызывают у нас выражения восхищения. Главная тема разговора касается еврейского царства хозар, от которого Иаков бен Елеазар привез в то утро долгожданные новости. Из этого разговора мы поняли следующее:

К западу от Каспийского моря находится могущественное царство под названием "Хозар", перед силой которого трепещет персидская монархия и чьей благосклонности и союза добивается Греческая империя. Его исконными жителями было туркменское племя, которое постепенно отказалось от своих кочевых привычек и поддерживало значительную торговлю. Их столица, Билангиар, расположена в устье Волги, и оттуда до Дона тянется череда городов. Купцы всех религий, христиане, мусульмане и евреи, были допущены свободно, и их превосходство в интеллекте над его более варварскими подданными побудило одного из их царей, Булана (740 год н.э.), принять иудейскую религию. Его выбор между противоречивыми утверждениями христианства, магометанства и иудаизма был сделан таким образом: он исследовал разных учителей по отдельности. Он спросил христиан, не лучше ли иудаизм, чем мохаммеданизм. На что христиане ответили утвердительно. Он спросил мусульманских учителей, не лучше ли иудаизм христианства. На что они тоже ответили утвердительно. Приняв решение в пользу иудаизма, царь принял веру Моисея и побудил ученых еврейских учителей поселиться в его владениях. Вера в иудаизм является необходимым условием вступления на престол. Преобладает самая либеральная терпимость ко всем другим формам веры. Но об этом еврейском царстве в Испании ничего не было известно, пока Хасдай не узнал о его существовании через послов византийского императора. Хасдай, чтобы полностью убедиться в верховной власти, которой обладали его братья, отправил к ним Якоба бен Елеазара в качестве гонца с письмом к их царю, которое заканчивалось так: "Если бы я был уверен в существовании этого царства, я бы отбросил все свои нынешние почести и положения и, поспешив туда, бросился бы к ногам еврейского царя и насладился бы своим сердцем и глазами при виде его могущества и великолепия". В тот же день было доставлено долгожданное письмо от нынешнего царя хозар. Чаган Джозеф, сообщающий вышеприведенную информацию и заключающий таким образом: "Я тоже желаю познать тебя и воспользоваться твоей мудростью. Если бы мое желание было удовлетворено и я мог бы говорить с тобой лицом к лицу, ты был бы мне как отец, а я - твоим сыном, и в твои руки я бы вверил управление моим королевством".

Трапеза была закончена, и была произнесена молитва. Дунаш бен Лабрат, помня об обещании, которое он дал Абдалле бен Хамри приводить его всякий раз, когда Хасдай будет рассказывать нам историю проникновения евреев в Испанию, приехал со своим мавританским коллегой, и о них объявлено. Хасдай ведет нас в библиотеку, и мы следуем за ним.

ГЛАВА VIII. ПРИХОД ЕВРЕЕВ В ЕВРОПУ.

БИБЛИОТЕКА ХАСДАЯ.—ЕГО РАССКАЗ О ПРОНИКНОВЕНИИ ЕВРЕЕВ В ЕВРОПУ.—РАЗРУШЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА.—УЖАСНАЯ РЕЗНЯ.—ИЗРАИЛЬ ПЕРЕСТАЕТ БЫТЬ НАЦИЕЙ.—ДИАСПОРА.—

ДОЧЕРНИЕ РЕЛИГИИ ПРОЦВЕТАЮТ ЗА СЧЕТ СТРАДАНИЙ, КОТОРЫЕ ОНИ ПРИЧИНЯЮТ РЕЛИГИИ-МАТЕРИ.- НЕРУШИМОСТЬ ИЗРАИЛЯ.—УНИЖЕННЫЙ, НО НЕ ПОКИНУТЫЙ.

Когда мы удобно расположились в великолепной библиотеке Хасдая бен Исаака, роскошно обставленной с прицелом на легкость и комфорт и заполненной тысячами пергаментных фолиантов, которые стояли ряд за рядом, от пола до потолка, в красиво изогнутых и украшенных альковах, вдоль стен просторного библиотечного зала, наш хозяин, Хасдай бен Исаак, начал:

"Друзья мои, вы просили рассказать о "Въезде евреев в Европу". Задача, которой вы оказываете мне честь, не из легких. На этих полках бок о бок стоят лучшее, что было написано по истории, теологии и естественным наукам, классика, старая и новая, на их различных языках, как в прозе, так и в поэзии, все, что было написано за и против религий магометанства, христианства и иудаизма, и все же среди этих тысяч томов вы будете тщетно искать исторические следы движений еврейского народа со времени его изгнания с родной земли. Более того, вы можете даже просмотреть обширную библиотеку халифа, лучше которой в настоящее время (950 год н.э.) нет ничего на лице земли, и все равно вы ничего не найдете по этому предмету. Вы можете обратиться к самым известным ученым нашего времени и не получить лучшего результата.

Вы удивляетесь, почему так мало известно об истории евреев в период, который простирается от *Диаспоры* (70 г. н.э.) до времен завоеваний арабами-маврами Испании, но вы перестанете удивляться, когда подумаете о деградации, преследованиях, жестокости, страданиях, обрушившихся на них, когда вы вспомните, что истории никогда не пишутся о тех, кого считают отверженными, париями, морально проклятыми Богом и людьми, и о таких униженных и поруганных, о таких преследуемых. и подвергшихся столь варварскому обращению не слишком усердствуют, чтобы радовать своих бичевателей, выставляя напоказ историю их страданий у них перед лицом. Я мало что знаю о том периоде, и это немного я получил только после большого труда и кропотливых исследований.

Ненасытный Рим, та, кто сделала мир своим рабом, в чьем царстве никогда не заходило солнце, и кто, хвастаясь таким огромным могуществом, хладнокровно и без всяких обид убила ровно столько живых, сколько она когда-либо заявляла, наконец простерла свою жестокую руку против Пейлса, и "отдельная", "особенная" и священная земля стала языческим наследием. Иерусалим, Святой Город, лежал в руинах. Дымящиеся угли отмечали место, где стоял Храм Храмов, и слава Израиля пала, и пала навсегда, и Израиль прекратился, и прекратился навсегда, как нация среди народов земли.

Рим устроил в святом городе резню, подобной которой его бесчеловечные легионы, со всем их многочисленным опытом убийств, никогда прежде не видели. То, что осталось от голода, поглотил меч, а то, что избежало меча, пало жертвой пламени, а то, что осталось после того, как потоки человеческой крови погасили пламя, замертво пало от чумы, и те, кто бросил вызов всем этим мрачным союзникам жестокой смерти, были вытеснены на открытое пространство, самые высокие и красивые были оставлены, чтобы украсить триумфальное шествие *Тита*, чтобы их протащили по улицам Рима с уздечкой на шее, и казнили после того, как глаза и уши римлян насытились побежденными. страдания; что касается остальных, то все старше семнадцати лет были проданы в дальние страны, в самое жестокое рабство, или их распределили по провинциям, чтобы они развлекали народ своими гладиаторскими боями, сражаясь за свою жизнь с голодными и свирепыми зверями.

Во время этой осады погибло миллион сто десять тысяч евреев; девяносто семь тысяч были угнаны в цепях как рабы в далекие страны. Старые и немощные, а также молодые и беспомощные, которых пощадили не из милосердия, а потому, что римляне на этот раз, устав от резни и испытав тошноту от отвратительного вида и невыносимого зловония, которое поднималось от груд непогребенных, разлагающихся тел, были вынуждены отступить. Этот жалкий остаток был вынужден взять посох изгнания.

Далее они покинули свою родную землю, чтобы скитаться по белу свету. Повсюду бездомные, лишенные друзей, презираемые, растоптанные, преследуемые людьми и зверями, замученные, ставшие объектом насмешек, тенью их бывшего величия.

И когда время от времени луч терпимости пробивался к этим отверженным людям, и под чарами его сердечного тепла униженная собака снова превращалась в человека, и еврейский разум снова пробуждался к жизни, и еврей, окрепший, омолодившийся и ободренный, осмеливался снова выйти на арену полезной деятельности, этот единственный луч немедленно возвращался к священникам, которые были скорее хитрыми и изобретательными, чем гуманными и благочестивыми, ибо только на страданиях материнской религии могла рассчитывать дочерняя религия. Существовали опасения, что процветание иудаизма докажет абсурдность утверждений и пророчеств христианства и ислама. Если евреям позволено процветать и следовать своей религии, и показано, что религия полна жизни и энергии, то какой смысл в существовании дочерних религий? Успех и процветание должны сопутствовать только той религии, которую массы должны принять и следовать ей, и для которой утверждается превосходство над другими. Таковы были их софистические и корыстолюбивые рассуждения, и поэтому они причиняли страдания и мучили евреев, отказывали им во всех человеческих правах, а затем любезно и великодушно приписывали Богу их собственное нечестие, утверждая, что Бог обрушил эти наказания на евреев за их отвержение Христа или Мухаммеда. Отсюда непрерывные преследования и страдания евреев.

Но Бог не отвел своей направляющей руки от Своего Избранного Народа. Он низверг их, но не оставил. Никогда прежде они не были так близки к вымиранию, и все же они не отчаивались. Вместе с Давидом они сказали: "Да, хотя я иду долиной смертной тени, я не боюсь зла, ибо ты со мной; твой жезл и твой посох утешат меня".^[14] Они не утратили веры в Бога и в свою божественную миссию. Они не сомневались в том, что в их внезапной перемене судьбы был смысл. Они верили, что подобно тому, как каждое посеянное семя должно пережить тьму и разложение, прежде чем оно сможет стократно умножить свой род, так и Бог рассеял детей Израиля как семена среди народов земли и подверг их угрозам и страданиям, чтобы число истинно верующих могло увеличиться в тысячу раз. Они считали особым отличием быть избранными Богом для распространения монотеизма и цивилизации среди детей человеческих.^[15]

"Эта сильная вера в высшую мудрость Божьих действий была тем эликсиром, который сохранил их во время неопишуемых страданий. Именно это бессознательно установило узы союза между ними, какими бы рассеянными они ни были, и куда бы они ни отправились, как бы близко или как бы далеко от земли, где когда-то стояла колыбель их нации, их храмы и дворцы, где правили, пели и вещали их принцы, барды и вдохновенные ораторы с бессмертной славой, как бы далеко они ни были удалены от этого горячо любимого центра, одно прошлое и одно будущее, одна надежда и одна цель характеризовали их всех и заронили в них семена нерушимости.

Что же тогда удивительного, что вскоре после этого ужасного национального бедствия, катастрофы, от которой не смог бы выжить ни один другой народ на лице земли, мы слышим о крупных еврейских общинах в Азии, Африке и Европе? Некоторые из них были созданы еще дораспада Еврейского царства. Во времена Тита многочисленные еврейские общины существовали в странах, граничащих с Евфратом и Тигром, в Малой Азии, на северном побережье Африки, в Греции и Италии. Еврейская община в Риме была многочисленной и влиятельной задолго до правления Тита, поскольку *Помпей* привез ее туда в качестве рабов после завоевания Иерусалима. После ужасной осады Иерусалима к ним стекались толпы изгнанников и увеличивали их число, и эти обездоленные изгнанники, должно быть, уменьшили богатство, респектабельность и популярность общины, поскольку до *Диаспоры* латинские авторы говорят о них как о богатой и уважаемой общине; после этого периода отзывы о них *Ювенала* и *Марциала* презрительны и подразумевают, что многие из них находились на самом низком уровне бедности, были изгоями общества.

В какой бы город Малой Азии или Греции ни приезжал апостол Павел, ему кажется, что он находит синагогу. В некоторых из этих городов евреи, по-видимому, процветали; однако в большинстве из них они были объявлены вне закона как одиозный народ и являлись объектами ненависти и отвращения. Правило, казалось, заключалось в том, что в местностях, где преобладало христианство, страдали евреи; там, где у власти были язычники, еврейские общины процветали.

В Италии им, за редким исключением, разрешалось жить в мире. Хотя *Теодорих* писал: "Почему мы должны давать им мир в этой жизни, когда Бог не даст им мира в жизни грядущей?" и хотя *Кассиодор* благочестиво называл их "скорпионами, дикими осликами, собаками" и т.д., До серьезных преследований дело никогда не доходило, и доблестная защита *Неаполя* евреями от великого *Велизария*, за что история воздает им заслуженную должное, ясно показывает, как еврей может быть патриотом своей страны. принятое отечество.

О евреях в Западной Европе мы ничего не знаем ранее второго века. Когда франки и бургунды завоевали римские колонии в Галлии, евреи, привезенные туда в качестве рабов, были причислены победителями к римлянам и разделили с ними одинаковую участь. Им было разрешено заниматься сельским хозяйством и ремеслами. Их собственные корабли бороздили океан. Князья Церкви и Государства искали еврейских врачей. Как солдаты они отличились в войне между Хлодвигом и Теодорихом. В их религиозные обряды не вмешивались, язычники повсюду уважали евреев. В их религиозные практики никто не вмешивался.

Но солнце их процветания погасло, когда языческие короли приняли христианство. Со сменой их религии изменилось и их сердце; сердце, которое раньше было полно любви к евреям, превратилось в камень. Духовенство диктовало, а короли и народ подчинялись с мечом, и евреи истекали кровью, страдали и гибли тысячами, или их тащили под пытками к крещению в единственно спасительную и вселюбивую церковь.

Вот и вся ранняя история евреев во Франции. Теперь мы переходим к истории евреев в Испании. Эта тема обширна. Это требует отдельной главы для себя.

ГЛАВА IX. ПРИБЫТИЕ ЕВРЕЕВ В ИСПАНИЮ.

ЕВРЕИ ПОСЕЛЯЮТСЯ В ИСПАНИИ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ЦАРЯ СОЛОМОНА.—ЕВРЕЙСКОЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО ПРЕВРАЩАЕТ АНДАЛУСИЮ В САД ЕВРОПЫ.—ПРОЦВЕТАНИЕ —ВЕЛИКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ.—НАЧАЛО ЕВРЕЙСКИХ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ В ЕВРОПЕ.—ЖЕСТОКИЕ ЗАКОНЫ.—МЕСТЬ.—ЕВРЕИ ВСТУПАЮТ В СГОВОР С ГРАФОМ ДЖУЛИАНОМ И МАВРАМИ ПРОТИВ ИСПАНИИ.—ПОБЕДА.-МАВРИТАНСКАЯ ОЦЕНКА ЗАСЛУГ ЕВРЕЕВ.

Неделя прошла. Снова был канун субботы. Мы снова собрались в зале библиотеки Хасдая бен Исаака, чтобы послушать рассказ о "Въезде евреев в Испанию". Когда все собрались, Хасдай начал и сказал следующее: История более красноречиво рассказывает о въезде евреев в Испанию, чем об их въезде в любую другую западноевропейскую страну. Библия дает нам достаточную основу для построения довольно надежной теории о том, что еще во времена царя Соломона (1000 г. до н.э.) Иберийский полуостров был известен израильтянам, что между ними и автохтонами юго-западного уголка Европы осуществлялось значительное транспортное сообщение и что тогда, возможно, имело место заселение еврейской колонии в солнечных землях Андалусии. У нас есть предание, которое говорит нам, что когда в первые дни христианской эры евреи Испании подверглись нападкам за распятие Иисуса, они заявили, что ни они, ни их отцы не имели никакого отношения к распятию, что они были потомками евреев, живших в Испании задолго до времен Христа, и достали надгробный камень, на котором было начертано: "Это могила Адониса, слуги царя Соломона, который приходил сюда собирать дань для царя".

Мы знаем, что, когда римляне стали полновластными хозяевами Испании во втором веке до нашей эры, они обнаружили там значительное количество израильтян, проживающих постоянно. Около 60 года нашей эры еврейская община Испании, должно быть, была достаточно сильной и влиятельной, чтобы сделать приход апостола Павла среди них необходимым.^[16]

Толпы изгнанников двинулись на запад и увеличили свое число после ужасной осады Иерусалима Титом, и вдобавок, как говорят, 80 000 рабов были переведены туда и проданы в рабство и быстро выкуплены их более удачливыми собратьями. Исторические источники сходятся во мнении, что эти еврейские жители Испании благодаря своей страстной любви к сельскому хозяйству, страсти, которую они привезли со Святой Земли, вскоре превратили Андалусию в садовый уголок Европы, а благодаря своему трудолюбию, бережливости, навыкам

торговли и интеллектуальным способностям они стали столпами процветания страны и приобрели огромное богатство и известность.

Иначе и быть не могло. В привычках, целях и амбициях было органическое различие между евреями и их воинственными согражданами. Римляне, так же как и вестготы, были преданы военной жизни. Любое другое призвание или занятие в их глазах унижало достоинство. Торговля или возделывание земли были в их глазах приличествующими только рабам. Неуверенность в своем будущем, их бродячая жизнь, их привычка жить за счет грабежа развили в них черты, прямо противоположные чертам евреев. Еврей ненавидел войну. Его любовь к дому была сильной. Его трудолюбие и бережливость, его религиозная жизнь и любовь к учебе вошли в поговорку, и поэтому по мере того, как другие росли в жестокости и невежестве, в бедности и моральном разложении, евреи достигали высот процветания, нравственности и интеллекта.

Однако это процветание оказалось их проклятием. Ошибочно полагать, что величайшим преступлением евреев была их вера; это было их процветание. Бездельники и расточители еще никогда не испытывали экстатического восторга от чужого процветания, и никогда их яд не был более ядовитым, а гнев - более горьким, чем когда еврею не повезло настолько, чтобы ему повезло. В Испании, как и везде, могучая сила солдат, монахов, священников и иждивенцев, всех непроизводительных работников, противостояла горстке евреев, единственных производительных работников королевства, и боевым кличем были не деньги евреев, а "душа" евреев. В этом боевом кличе была большая дипломатичность. Они знали о силе веры еврея в свою религию. Они знали, как он был предан традициям и надеждам своей расы. Они знали, что он скорее с радостью расстался бы со всеми своими сокровищами, чем пожертвовал бы хоть каплей своей веры. Они знали, что индустриальные, экономические, интеллектуальные, миролюбивые и доморощенные черты еврея настолько глубоко укоренились, что он сразу же начнет заново приобретать, возможно, с той же целью, все, что было у него жестоко отнято, точно так же, как пчелы, ничуть не обескураженные кражей своего с трудом накопленного богатства, начнут заново заполнять улей. И вот, всякий раз, когда им требовались деньги евреев, а нужда эта была, увы, частой, они вдруг начинали болезненно беспокоиться о еврейской душе и ее окончательной судьбе, и они никогда не упускали случая лишить евреев их сокровищ, даже если им не удавалось спасти их души.

Испания взяла на себя инициативу в преследовании евреев и сохраняла свое одиозное отличие на протяжении веков. Отныне нет недостатка в исторических материалах, касающихся евреев в Испании. Но, увы! до времен завоевания Испании маврами это была не история достижений, это была история страданий - мартиролог. Этот мартиролог начался с Третьего Толедского собора (589 год н.э.), на котором Рекаредо объявил о своем отречении от арианства и был помазан как первый католический монарх Испании. На этом соборе были приняты законы, дух которых можно понять из следующей преамбулы и названий:

"Законы, касающиеся обнародования и ратификации статуты против еврейского нечестия и для общего искоренения еврейских заблуждений. Чтобы евреи не могли праздновать Пасху по своему обычаю; чтобы евреи не могли заключать браки по своим собственным обычаям; чтобы евреи не могли практиковать авраамитский обряд; чтобы евреи не подавали исков против христиан; чтобы евреям не разрешалось свидетельствовать против христиан".

Евреи знали, чего от них хотят; они заплатили большую сумму денег, и законы оставались в силе до тех пор, пока преемник Рекаредо, Сисебуто, не вззошел на трон. Этот царь вступил в союз с императором Ираклием с благочестивой решимостью "искоренить опасную расу во всем мире", и поэтому он издал закон, который давал евреям год на то, чтобы решить, будут ли они исповедовать Христа и креститься, или будут обриты наголо и подвергнуты бичеванию, их имущество конфисковано, а самих их вынудят покинуть страну.^[17]

Говорят, что девяносто тысяч человек приняли крещение, но для них принудительный христианский обряд был всего лишь маской их тайной еврейской веры и обычаев. И у них было достаточно причин сожалеть о своей религиозной слабости, поскольку крещение не защитило их от новых унижений. Их презирали за их вероотступничество, и у них отобрали имущество, как будто они не подчинились королевскому указу. Тысячи и тысячи бежали к северным берегам Африки, а вместе с ними бежало и процветание готского королевства.

Однажды обнаружив столь превосходный источник удовлетворения своей жадности к деньгам, они не собирались упускать такие прекрасные возможности. Прошло несколько лет, и крещеные евреи, верные своим промышленным и экономным привычкам, скопили некоторое богатство, на которое они могли купить жизнь у разъяренной толпы, и поэтому Четвертый Собор собрался в Толедо в 633 году и издал жестокое требование, чтобы дети тех, кто принял христианство, были навсегда вырваны из сердца своих родителей, чтобы их воспитывали христиане в христианской вере. Шестой собор издал закон, согласно которому каждый король при вступлении на престол должен приносить клятву, что он будет исполнять все законы против евреев и издаст другие, столь же суровые. Другой закон предусматривал смертную казнь для христиан, которые должны были принять иудаизм или совершить "чудовищное и невыразимое преступление, заключающееся в ведении отвратительной торговли с нечестивыми". Девятый собор постановил, что все крещеные евреи обязаны появляться в церкви не только в христианские, но и в еврейские праздники, чтобы, внешне исповедуя христианство, они не исповедовали тайно иудаизм.

Двенадцатый Толедский собор 681 года намного превзошел своих предшественников по жестокости своих постановлений. В преамбуле жаловались на то, что "хитрые евреи обошли все прежние законы", а затем постановили, что отныне 100 ударов плетью будут наноситься по обнаженному телу, и после этого преступник будет закован в цепи, изгнан, а его имущество конфисковано за любое из следующих правонарушений: за отказ от таинства Вечери Господней, за то, что он не привел детей, слуг или иждивенцев на крещение, за соблюдение Пасхи, Новолуния, Праздника Кущей, за нарушение христианской субботы или великих церковных праздников. Обрезание ребенка влекло за собой дополнительные пытки: отцу нанесли увечья, матери отрезали нос. С тех пор ни один брак не мог быть заключен без торжественного обязательства о том, что оба станут христианами. Все подданные королевства, которые укрывали, помогали или скрывали бегство еврея, подлежали бичеванию и конфискации их имущества. Еврей, который читал или позволял своим детям читать книги, написанные против христианства, должен был понести 100 ударов плетью; за второе преступление удары плетью должны были быть повторены с изгнанием и конфискацией. Ни один еврей не должен был занимать какую-либо должность, благодаря которой он мог бы иметь власть над христианами.

Я избавлю вас от перечисления множества других принятых жестоких законов и рассказа о перенесенных ужасных страданиях. Земля вторила жалобным стоном и причитаниям избиваемых. Их богатство приобретало лишь временную неприкосновенность.

"Конечно, героизм защитников любого другого вероучения меркнет перед этим народом-мучеником, который противостоял всему злу, которое мог изобрести самый яростный фанатизм, терпя поношения, разграбление, нарушение самых дорогих уз и причинение самых отвратительных страданий, вместо того, чтобы отказаться от своей веры. Ибо это были не монахи-аскеты, умершие для всех надежд и страстей жизни, но люди, которые высоко ценили мирские преимущества, от которых они отказались, и чьи привязанности стали еще более живыми из-за узкого круга, в котором они были заключены. Энтузиазм и странные явления экстаза, оказавшие столь большое влияние на историю гонений, придавшие стольким мученикам сверхчеловеческого мужества и приглушившие или уничтожившие мучения от стольких ужасных пыток, были здесь почти неизвестны. Преследования обрушились на еврейскую нацию в своих самых ужасных формах, но в то же время сопровождались всевозможными мелкими неприятностями, которые могли разрушить ее величие, и это продолжалось веками. Но над всем этим возвышался гений этого замечательного народа. В то время как те, кто их окружал, пресмыкались во тьме одурманенного невежества; в то время как жонглирование чудесами и лживые реликвии были темами, на которые распространялась почти вся Европа; в то время как интеллект христианского мира, поработанный бесчисленными суевериями, погрузился в смертельное оцепенение, в котором была оставлена всякая любовь к исследованию и всякий поиск истины, евреи все еще шли по пути знания, накапливая знания и стимулируя прогресс с тем же непоколебимым постоянством, которое они проявляли в своей вере".[18]

Врагу удалось довести еврея до нищеты и подавить его энергию и усилия на благо страны, но они позорно потерпели неудачу в своих попытках внушить ему любовь к христианству, чего, возможно, никогда искренне не желали, а если и желали, то средства, выбранные для достижения цели, были не такими, которые увенчиваются успехом. Униженный и замученный еврей был полон лютой ненависти к христианству и жгучей жажды мести.

И свершилось возмездие. Бог услышал вопли и увидел страдания людей, которые никогда не были рождены, чтобы умереть. Готское королевство Испания должно было жестоко пострадать за свои ужасные преступления, а еврей должен был быть тысячекратно вознагражден за страдания, которые он перенес ради своей религии. Все слабее и слабее становилось то королевство, которое евреи сделали в прежние годы гордостью Европы. Его осаждали враги внутри и враги вовне. Тирания церкви и трона вызвала недовольство среди вельмож государства, а оскорбление, нанесенное королем Родериком Флоринде, молодой и красивой дочери графа Ильяна, побудило этого храбрейшего из испанских воинов и многочисленных его могущественных друзей к открытому восстанию.

Все ближе и ближе подходили мавры-арабы. Они достигли северо-западной оконечности Африки, где евреи, бежавшие и изгнанные туда, и достигшие там власти и влияния, встретили их радушным приемом. Воинственный рев мусульманского воинства был такой же приятной

музыкой для их ушей, как и для оскорбленного отца и его разгневанных последователей. Обе стороны вступили в сговор с мавританским вождем амиром Мусой Ибн Носсейром с целью вторжения в Испанию. Муса с нетерпением ухватился за эту горячо желанную возможность. Он отправил своего доблестного воина Тарика с 12 000 человек через узкий пролив, отделявший Африку от Европы и ислам от христианства. Родерик встретил его на берегах Гуадалете с армией в восемь раз большей, и в тот день Испания в последний раз видела его и его армию. В тот день христианство перестало править на земле Испании, и когда его могущество пошло на убыль, над Израилем снова взошло солнце процветания.

Мавры не забыли ценных услуг евреев. Ранняя ненависть к ним в Аравии за отказ принять вероучение Мухаммеда уже давно превратилась в терпимость и добрую волю. В отличие от религии христианства, которая начиналась как религия любви и вскоре стала религией меча, исламизм начинался как религия меча, но вскоре стал религией любви. Политическая и религиозная свобода и общественное признание были предоставлены евреям по всему халифату, и с того дня и по сей день два восточных народа жили в мире бок о бок на западной земле, поддерживая друг друга в своих благородных усилиях вернуть Испании ее первоначальную красоту и процветание и сделать ее в области культуры, искусства и интеллекта владычицей Европы. Мы, сыны Израиля, усердно трудились в этом благородном состязании, но, несмотря на все наши усилия, наш соперник обошел нас, и мы смиренно уступаем пальму первенства маврам-арабам".

Тут Хасдай бен Исаак умолк. Он говорил о страданиях евреев с такой ощутимой болью, он с таким живым воодушевлением рассказал о роли, которую евреи сыграли в завоевании Испании, и упомянул о процветании евреев под властью мавров, о мавританской терпимости и интеллектуальной величии с таким трогательным пафосом, что, когда он сделал паузу, воцарилась глубокая впечатляющая тишина. Наконец Абдаллах бен Хамри, мавританский поэт, лауреат премии халифа Абдер Рахмана III, встал, подошел к Хасдаю и, низко поклонившись, произнес:

"Ваша скромность не должна обуздывать мой язык. Я покажусь неблагодарным своему народу, если станет известно, что я молча выслушал ваши последние замечания. Арабо-мавры не забыли своих благодетелей и не настолько хвастливы, чтобы присваивать себе или позволять другим присваивать себе незаслуженное превосходство.

В глубине души мы ценим услуги, оказанные вашим народом. Мы обязаны еврейскому народу гораздо большим, чем твоя скромность, благородный Хасдай, позволяет тебе утверждать. Вы открыли для нас врата Испании, и только вам принадлежит заслуга в том, что Испания снова превратилась в рай, ибо сто лет непрерывных войн под знаменем ислама сделали нас неприспособленными к сельскохозяйственным и механическим занятиям, интеллектуальным и художественным занятиям. Вы посеяли семена нашего процветания. Мы сидели у ног ваших учителей, и если мы показали себя способными учеными, мы свидетельствуем о превосходстве ваших учителей. Мы далеки от того, чтобы претендовать на превосходство над нашим уважаемым соперником. В искусстве, науке и философии ваш народ занимает выдающееся место. Ваши богословы поставили перед нами множество проблем, которые мудрейшие из нас не смогли решить. В чистоте вашего дома и общественной жизни, а также в ваших отраслях промышленности вы служите миру образцом. В поэзии я бы никогда не рискнул соревноваться за первенство с другом Дунашем бен Лабратом и Менахемом бен Саруком. В дипломатии, где

живет человек, который может сравниться с вами по интеллекту и проницательности, кому еще мы обязаны нашим политическим величием, как не вам, Хасдай бен Исаак, еврейскому министру нашего любимого халифа Абдер Рахмана III".

ГЛАВА X. ИХ ПОЛОЖЕНИЕ В МЕДИЦИНСКОЙ НАУКЕ.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК.—ИЗМЕНЕНИЕ СУДЬБЫ ЕВРЕЕВ И МАВРОВ.—ИЗУЧЕНИЕ ИХ ВЕЛИКИХ ДОСТИЖЕНИЙ.—ИХ МАСТЕРСТВО В МЕДИЦИНСКОЙ НАУКЕ.—ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКИМ ДУХОВЕНСТВОМ.—ЕВРЕЙСКИЕ ТЕЛЕСНЫЕ ВРАЧИ ВЫСОКО ЦЕНЯТСЯ И ПОЛЬЗУЮТСЯ БОЛЬШИМ СПРОСОМ.—ВЫДАЮЩИЕСЯ МЕДИЦИНСКИЕ ШКОЛЫ И ВЫДАЮЩИЕСЯ ВРАЧИ.—РАШИ.—ИБН ЭЗРА.—ИБН ТИББОН.—МАЙМОНИД.—АВЕНЗОАР АВАЦЕННА.

Мы были свидетелями расцвета ислама. Мы сопровождали арабов в их завоевательном походе. Затаив дыхание, мы стояли на берегах Гуадалете и ждали исхода битвы, от которой зависела судьба народов. Мы следовали за триумфальными шествиями мавров-арабов в Испанию, и наши глаза и сердца никогда не переставали радоваться многообразным красотам и чудесам, которые мавританское мастерство распространило по прекрасной Андалусии, и наши языки никогда не уставали говорить о многочисленных благословениях, которые мавританская социальная, домашняя и политическая жизнь и религиозная терпимость щедро изливали не только на их собственное поколение, но и на все последующие поколения.

И была еще одна картина, не такая красивая, но гораздо более поучительная; не такая ободряющая, но более пафосная. Со слезами на глазах мы были свидетелями осады Иерусалима и совершенной им беспрецедентной резни. Убитые горем, мы последовали за презируемым, отвергнутым и оскорбленным, одиноким и бездомным евреем, в его тщетных попытках найти место, где он мог бы с миром приклонить свою усталую голову. Наши сердца забились от радости, когда мы увидели, что последователи Мухаммеда — не последователи основателя религии любви — не только восстанавливают еврею права человека, несправедливо отнятые у него, но и протягивают ему руку братства. Расставаясь в последний раз, мы оставили еврея и мавра деловитыми, занятыми превращением прекрасной Андалусии в культуру, искусстве и интеллекте владычицу мира. Тогда кругом царили покой, радость и солнечный свет.

Мы вернулись. Со времени нашего последнего визита прошло пять столетий. Сейчас мы находимся в конце пятнадцатого века. Произошли огромные перемены. Мир превратился в войну, радость - в печаль, солнечный свет - во тьму. Культура носит терновый венец. Искусство увязло в трясине. Наука скована по рукам и ногам. Религиозная свобода порождает жалобные вопли из пламени и дыма аутодафе. Просвещенная Европа плачет и трепещет. Мы просим милосердия: "Почему ты плачешь?" И она, рыдая, произносит имя: "Кардинал Хименес". Мы задаем Искусству тот же вопрос, и она, запинаясь, произносит: "Церковь". Наука отвечает: "Инквизиция". Религиозная свобода произносит в предсмертных судорогах имя: "Торквемада". Просвещенная Европа плачет и трепещет, потому что обширные хранилища знаний, которые

были построены мавританским и еврейским умом, вот-вот будут преданы огню, а сами строители будут стерты с лица земли, на которой они прожили почти восемь столетий и которую их собственный усердный труд сделал чудом Европы.

"Поторопитесь, - взывает к нам Дух знания, - печи разогреты, погребальные костры нетерпеливо ожидают своих мучеников, корабли готовы в гавани отчалить и напоить в изобилии всех тех, кто отказался от нескольких капель воды спасения, массивные ворота темниц инквизиции открыты, а орудия пыток готовы к своей жестокой и бесчеловечной работе смерти. Торопитесь, мгновения драгоценны, собирайте знания, за которыми вы пришли, как можно быстрее; медлите, и от этой самой удивительной и плодотворной эпохи интеллектуального развития Европы не останется ни следа, ни записей".

Давайте прислушаемся к предупреждению и поспешим выполнить нашу задачу. Мы были готовы к подробному отчету, но сейчас мы должны довольствоваться простым кратким описанием прогресса, достигнутого арабами и евреями в литературе, искусстве, философии, математических, физических и прикладных науках в ту же эпоху, когда остальная Европа все еще пребывала в сравнительной темноте и варварстве.

Чувство благоговейного трепета охватывает нас по мере того, как мы приближаемся к нашей задаче. Мы не можем не чувствовать, что, имея дело с арабами и евреями в Европе, период, который простирается с начала восьмого по конец пятнадцатого века, мы имеем дело с божественной силой, посланной в Европу, чтобы возродить и поддерживать священный огонь разума, который до их прихода был погашен церковью и варварами-завоевателями. В нынешнюю эпоху они являются единственными хранилищами знаний. Вторая и третья главы этого повествования познакомили нас с ужасным удушающим туманом невежества и сопутствующими ему явлениями - фанатизмом, жестокостью, коррупцией и невыносимыми страданиями, которые витали над Европой в то время, когда народы Востока вошли в нее и начали свое интеллектуальное развитие.

На Востоке те центры обучения, которые еще не исчезли, быстро приходили в упадок. Антиохия, Александрия, Багдад, Дамаск, Иерусалим, эти города, которые в свое время еще больше озаряли своим светом Восток, втянули в себя его лучи и больше не посылали их дальше. Но еврей и араб побывали в Европе еще до этого интеллектуального упадка, и там они зажгли искру знания, которую принесли с собой, в такой блестящей и активной жизни, что ее свет до сих пор озаряет наш разум, а ее добродушное тепло до сих пор радует наше сердце. Еврей и мавр сделали Европу своей вечной должницей за их услуги по преодолению зияющей пропасти, отделяющей древнюю культуру от современной. С ними большая часть тех древних знаний, ради которых человечество усердно и неутомимо трудилось тысячи лет, была бы утрачена, и утрачена навсегда, а современные знания были бы вынуждены начинать заново с самого алфавита, и мы сегодня, возможно, отстали бы на 2000-3000 лет. Без их неустанных усилий рассеять ядовитый туман и донести свой свет до людей, даже ценой больших страданий, самый темный и ленивый период европейских летописей, который совпал с высочайшим уровнем еврейского и мавританского интеллекта до того, как этот интеллект дал о себе знать в Европе, мог бы все еще окружать нас сегодня.

Но сейчас не время ни для размышлений, ни для восхвалений. Слушайте! Уже звучит скорбный звон, и люди заполняют площадь, и духовенство распевает победные гимны и формулы проклятий, и *иаутодафе* нагромождены повсюду, и осужденные нетерпеливы, ибо они жаждут

смерти, они молятся об освобождении, наконец, от невыносимых пыток инквизиции, и поэтому мы должны поспешить с нашей задачей запечатлеть на страницах истории удивительные успехи, которых евреи и мавры добились в науке, литературе и философии. , прежде чем пламя и меч, дыба и изгнание заставят замолчать их голос и навсегда уничтожат их дела.

Мы рассмотрим их интеллектуальный труд в порядке его важности и служения человечеству, и по этой причине начнем с краткого обзора их прогресса в медицинской науке. В этой ветви еврею не было равных. Он превзошел мавра, потому что ограничения, которые исламизм накладывал на последователей Корана, такие как запрет на препарирование человека или животного, не сковывали его. И он затмил христиан, ибо Церковь считала медицинскую науку проклятой, клеймила и осуждала врача как атеиста и ревностно пропагандировала доктрины о том, что исцеление должно осуществляться мощами мучеников и костями святых; молитвой и заступничеством; что каждая область тела находится под особым духовным контролем, первый сустав большого пальца правой руки находится на попечении Бога отца, второй - пресвятой Девы, и так далее по отношению к другим частям. Для каждой болезни был свой святой. Человек с воспаленными глазами должен призвать святую Клару. Святой Антоний - верное лекарство от других воспалений, святой Пернель избавляет от лихорадки. Во всех случаях, излеченных или нет, духовенство объявляло себя самозванными агентами по сбору пожертвований для святых, и до тех пор, пока этот духовный метод лечения болезней был одним из их наиболее продуктивных источников прибыли, они очень заботились о том, чтобы ни один другой способ лечения не превосходил их. Отсюда их отношение к врачам и их частые постановления совета, согласно которым посещение врачом-евреем пациента-христианина является преступлением, наказуемым смертной казнью, а для пациента-христианина обращение за помощью к врачу-еврею, а не к святыням и алтарям святых. [19] Но, несмотря на все это, еврейские врачи и еврейские медицинские школы процветали и находили свою запрещенную профессию очень прибыльной среди христиан, особенно среди королей, и пап, и принцев, и епископов, среди тех самых людей, которые выносили смертный приговор за преступления, которые они совершили первыми.

В десятом, одиннадцатом и двенадцатом веках почти все врачи в Европе были евреями. Позже к ним присоединились мавры, но лишь на короткое время, а затем евреи снова стали единоличными поборниками медицинской науки. Не было ни одного влиятельного человека, у которого не было бы собственного еврейского телохранителя, и эти телохранители представляли собой силу, поскольку, помимо того, что в их руках были жизни властителей, они сочетали со своим профессиональным мастерством всю ученость того времени, глубокие знания теологии, математики, астрономии, философии, музыки, права, государственного управления, поэзии, лексикографии, критики и других отраслей.

Называя их, их школы и их работы, мы должны почетно упомянуть еврейских врачей Франции. С испанского полуострова через Пиренеи пришло интеллектуальное влияние, которое нашло теплый прием у евреев Франции. Чтобы убедиться в этом, из школ нам достаточно назвать знаменитую медицинскую школу в Нарбонне под председательством раввина Аббу, и процветающую школу в Арле, и самую известную из них, колледж Монпелье, с великим Профациусом в качестве регента факультета, столь же выдающегося в медицине, сколь и в астрономии; а из выдающихся еврейских врачей Франции нам достаточно назвать раввина

Соломона бен Исаака (1040-1105), более известного под аббревиатурой "Раши", величайшего французского врача одиннадцатого века, не имеющего себе равных. в его эпоху за его инструкции по проведению крупных хирургических операций, как в кесарийской секте; мы также не должны забывать ученого Ибн Тиббона (1160-1230), который подчеркивал необходимость тщательного изучения ботаники в медицинских целях и тщательного совершенствования искусства приготовления лекарств.

Рамки этого рассуждения не позволят нам назвать всех выдающихся еврейских врачей Испании, ни перечислить их работы, ни остановиться на их достоинствах. Из многих мы выберем имя Ибн Эзры (1093-1107), многоисторика своего времени. Его главный труд - трактат по практической и теоретической медицине, озаглавленный "Книга доказательств".

Но более великим, чем Ибн Эзра, и как врач, и как философ, является Моисей Маймонид (1135-1204), удостоенный своими соотечественниками титулов: "Врач", "Великий мудрец", "Слава Запада", "Свет Востока, Второй после Моисея". Он был самым известным из всех ныне живущих врачей своего времени. Величайшие властители желали заполучить его в качестве телохранителя, и справедливо прославленный султан Саладин считал для себя честью и везением заполучить его в качестве своего телохранителя. Когда Ричард Львиный Кер, король Англии, заболел, Моисея Маймонида вызвали для консультации. Его вклад в медицинские труды велик. Он написал медицинские афоризмы, заимствованные из древних греческих, латинских, древнееврейских и арабских источников; краткое изложение Галена, трактат о "Геморрое", о "Ядах и противоядиях", об "Астме", о "Сохранении здоровья", об "Укусах ядовитых животных" и другие ценные работы.[20]

Мы возвращаемся к Вересковым пустошам, и здесь мы также сталкиваемся с обилием медицинской литературы. Упоминается более 300 выдающихся авторов-медиков, и их работы обширны. Главным среди них является Авиценна Ибн Зохр (начало Двенадцатого века), врач севильского двора. Его знаменитый труд "Канон медицины", энциклопедия медицинских знаний, снискал ему всемирную известность и на многие столетия стал медицинским авторитетом для европейских университетов. Ему приписывается более 100 других медицинских трактатов, некоторые из которых представляют собой трактаты на несколько страниц, другие - работы, охватывающие несколько томов. Авиценна (Ибн Сина, 980-1037) занимает почетное место рядом с ним. Главными среди его работ являются "Метод приготовления лекарств и диета", "Лечение проказы" и две работы о "Лихорадке", в которых он продолжает работу, начатую столетием ранее еврейским врачом Исааком бен Сулейманом Израэлем. Сами мавры признают, что евреи намного превосходят их в своих знаниях анатомии, физиологии и гигиены, что из-за недостатка знаний о строении человеческого тела их хирургия неизбежно является грубой. Их великая слава, однако, покоится и будет покоиться на их внедрении фармации, терапевтическом использовании лекарств, химии для их изготовления, помощнице в лечении. Фармакопея датируется этим периодом. Мавры Испании открыли первые аптеки, и многие названия и многие лекарства, которые используются до сих пор, дошли до нас из их периода.[21] Мы должны довольствоваться этим кратким обзором (большого объема данной работы не позволит) "Положения еврея и мавра в медицинской науке".

ГЛАВА XI. В НАУКЕ.

ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПРЕВОСХОДСТВО МАВРОВ И ЕВРЕЕВ.—МАВРЫ ПРЕВОСХОДЯТ ЕВРЕЕВ В НАУКАХ.—ОНИ ВНЕДРЯЮТ МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ.—ИХ УСПЕХИ В АСТРОНОМИИ.—АБСУРДНЫЕ ОПРОВЕРЖЕНИЯ ХРИСТИАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА.—ИХ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ХИМИИ, ЗООЛОГИИ И ГЕОЛОГИИ.—ОНИ ПРЕДВОСХИЩАЮТ СОВРЕМЕННЫЕ ОТКРЫТИЯ.—НЕБЛАГОДАРНОСТЬ ЕВРОПЫ.

Далее в нашем обзоре интеллектуальных трудов мавров и евреев в Испании в период с начала VIII по конец XV века мы обратимся к рассмотрению их положения в науке. Прискорбно отсталое состояние современной Европы заставляет нас ожидать немногого или вообще ничего в этой благороднейшей области человеческого знания, и поэтому наше удивление становится тем больше, когда мы созерцаем и размышляем о могучих успехах, достигнутых маврами и евреями на дорогах науки. Импульс в этой особой отрасли, по-видимому, исходил от арабов. Несколько слов Али, четвертого арабского халифа: "Выдающиеся достижения в науке - это высшая честь; не умирает тот, кто отдает жизнь обучению", - по-видимому, пустили столь же глубокие корни в умах арабов и принесли гораздо более ценные плоды, чем Коран, обширный том его выдающегося тестя Мухаммеда.

На протяжении веков арабо-мавры лидировали в мире в этой области. Здесь евреи не могут претендовать на соперничество; они были коллаборационистами, но не более того. Однако, отдавая справедливость евреям, мы добавим, что есть некоторые, кто отличается от нас в наших выводах. Некоторые ставят евреев в один ряд с маврами, другие утверждают, что обсуждаемый вопрос все еще остается спорным. И мы не должны относиться к их возражениям легкомысленно. Мы не должны забывать, что, рассказывая об этих ученых Испании, мы имеем дело с людьми, известными под арабскими именами; помимо знакомства с их научными работами, мы знаем о них мало или вообще ничего. Относительно их религии история хранит похвальное молчание; мусульмане в этот период предпочитали научные чернила крови мучеников. Зная об ученых не более того, что их работы написаны на арабском языке и что у них арабские имена, каноны критики не позволяют нам заключить, что ученый, который пишет на арабском языке и чье имя арабское, обязательно также является мусульманином по вере. Записи дают неопровержимое доказательство того, что многие из выдающихся еврейских

ученых того периода писали по-арабски и выступали под арабскими именами, которые, если бы не случайная статья из-под их пера на еврейскую тему, могли бы быть классифицированы сегодня как арабо-мавры по расе и мусульмане по вероисповеданию. Как бы то ни было. Этот вопрос никогда не будет окончательно решен, и пока остаются сомнения, арабо-мавры могут справедливо претендовать на презумпцию невиновности, а евреи будут последними, кто оспорит их претензии на превосходство в науках в средние века над любой другой расой или вероисповеданием.

Переходя к нашему предмету и начиная с корня древа науки, мы делаем приятное открытие, что арабам-маврам Испании принадлежит честь быть первыми, кто вообще ввел в Европе для научных, промышленных и коммерческих целей науку арифметику. Если бы они не достигли ничего другого, одно только введение этой наиболее необходимой из всех разделов математики дало бы им право занять выдающееся место среди благодетелей мира. Это введение стало отправной точкой нового прогресса. Его использование и развитие сделали возможными высшую математику, аналитическую механику и астрономию, а также все другие науки, открытые с тех пор и встречаемые с восторгом. Мало о чем мы думаем сегодня, когда гордимся поразительными достижениями наших астрономов, метеорологов и других ученых, когда мы говорим о чудесах, которые они творят в пространстве и времени, о восхождениях, которые они совершают к самым отдаленным туманностям, и об их общении там со звездами, мирами и солнечными системами, свет которых еще не достиг земли, мало о чем мы думаем, когда мы говорим об электричестве, повинующемся любому нашему желанию, и о паре, поставленном нам на службу, и о бесчисленных других чудесах современной науки, мало мы думаем о том, что за все эти благословения мы в неоплатном долгу перед маврами-арабами и их помощниками, евреями, за их добросовестный труд в математике. Мы мало задумываемся о том, что произносим арабские слова, когда говорим о "нуле" или "шифре", "нулевом значении" — самой важной из всех цифр, на которой основано самое необходимое из всех арифметических изобретений — десятичная система. И когда мы вспомним, что процветание и прогресс каждой страны в Европе берет начало с введения арабских цифр[22] и когда мы осознаем неуклюжесть и бесполезность цифр иврита, греческого и латинского алфавита, которые были в моде в Европе до прихода арабов-мавров в Испанию, и когда мы попытаемся решить задачу умножения, скажем, девяносто девять умножить на девяносто девять в соответствии с обозначением арабских девяти цифр и шифром, а затем, в соответствии с цифрами латинского алфавита, XCIX умножить на XCIX, тогда, возможно, мы охотнее всего воздадим благодарственную хвалу тем, кому Европа обязана столь великолепным даром - тем, кто с помощью столь простого изобретения открыл пути к процветанию и ослабил оковы, сковывавшие прогресс науки.

Воодушевленные своими успехами в арифметике, они обратились к более высокой области математики и подарили Европе науку о числах и количествах, назвав ее алгеброй ("аль'джабра" - для соединения частей воедино). Независимо от того, получили ли, как утверждают некоторые, арабо-мавры свои знания алгебры в своих школах в Багдаде или Дамаске, которые, в свою очередь, переняли их у индусов, или, как утверждают другие, евреи в своих старательных переводах ранних греческих геометров на арабский, должно быть, натолкнулись на алгебраический след, который, как предполагается, присутствует в трактате Диафанта (350 г. н.э.), и пошли по нему, или же верны утверждения мавров о том, что честь изобретения алгебры принадлежит одному из их собственных математиков, который процветал в Европе. примерно в середине девятого века для Мохаммеда бен Мусы, или Моисея,[23] кем бы ни были изобретатели этого ценного раздела математики, преобладает единодушие во мнении

относительно одного пункта, а именно: арабо-мавры и евреи первыми ввели алгебру в Европу. Еще больше Ибн Муса (или Бен Моисей) развил его до решения квадратных уравнений, а Ибн Ибрагим (Бен Абрахам) - до решения кубических уравнений, Ибн Коррах (или Бен Корах) - до применения алгебры к геометрии, заложив таким образом основу аналитической геометрии. Геометрия привела их к тригонометрии, которую они возвели в ранг практической науки, заменив хорды синусами и установив формулы и таблицы касательных, котангенс, секущих и косыхкантов. От тригонометрии Аль Багадади перешел к землеустройству и написал по ней настолько превосходный трактат, что некоторые объявили его копией утраченной работы Евклида по этому предмету.

Непредвзятый исследователь, который усердно изучает достижения мавров и евреев, вскоре обнаружит не только систематическую уловку европейской литературы, направленную на то, чтобы упустить из виду наши обязательства перед ними в науке, но и смелую попытку, где бы ни представился случай, отнять у них их тяжелый труд и возложить его на кого-нибудь, кто не настолько несчастлив, чтобы быть сарацином или евреем. Но "несправедливость, основанная на религиозной вражде и национальном тщеславии, не может сохраняться вечно". Настоящую правду нельзя долго скрывать, и если главы этого тома не будут иметь никакого другого эффекта, кроме как просто воздать должное памяти тех, кто трудился и кто страдал, чтобы мы могли сегодня наслаждаться благами нашей цивилизации, мы будем считать, что наши труды щедро вознаграждены.

Мы отвлеклись. Давайте вернемся к нашей теме. Они трудились ради науки, а не ради славы. Они ничего не искали. Когда сама Испания, обязанная им всеми своими благами, так жалко отплачивает за их верные услуги, почему они должны обращаться к Европе за признанием? "Высокие умы, - справедливо сказано, - столь же мало подвержены влиянию столь недостойного вознаграждения за услуги, как солнце подвержено влиянию тех туманов, которые земля отбрасывает между собой и его светом".[24]

И вот, не ожидая благодарности и ни для кого не работая, они продвинулись, используя свои нынешние достижения в качестве ступеней, к изучению астрономии. И поразительны, почти невероятны их успехи в этой области. Они определяют высоту небесных тел с помощью астролябии. Они регистрируют все звезды на своем небе, давая звездам первой величины названия, которые они до сих пор носят на наших небесных картах и глобусах, оставляя таким образом неизгладимый отпечаток на небесном своде, хотя в европейской литературе это отрицается. Они дают нам слова "азимут", "зенит", "надир", "альманах" и другие. Они вычисляют время по колебаниям маятника и определяют истинную продолжительность года. Они открывают теорию преломления света и определяют криволинейный путь луча света в воздухе. Они объясняют горизонтальное расположение солнца и Луны и почему мы видим эти тела до их восхода и после захода. Они измеряют высоту атмосферы и определяют, что она составляет почти пятьдесят восемь с половиной миль. Они излагают истинную теорию сумерек и мерцания звезд. Им известна не только сфероидальная форма земли, но и приблизительно ее диаметр и окружность. Аверроэс обнаруживает пятна на солнце. Кеплер справедливо ссылается на наблюдения Леви бен Гersona, Коперник - на наблюдения Профи Дюрана, а Лаплас принимает доказательство Ибн Мусы об уменьшении эксцентриситета земной орбиты и доказательство Ибн Джуниса о наклоне эклиптики. Они изобретают первые часы с маятником. Они строят

первую в Европе обсерваторию Хиральда (1196 год н.э.), превращенную в колокольню после изгнания мавров и евреев. Они почти открывают законы всемирного тяготения, считая их земными, оставляя за Ньютоном право учить, что они универсальны. Раввин Исаак бен Сид готовит для Альфонсо X., короля Кастилии, новые астрономические таблицы, заслугу в создании которых приписывает Альфонсо, называет их таблицами Альфонсина и достаточно скромно замечает: "Если бы Бог призвал его (короля) на Свои советы, когда создавал вселенную, все было бы в лучшем и более простом порядке".

Тем временем Церковь делает все возможное, чтобы опровергнуть "безбожные научные учения" мавров и евреев. Аргумент "Сохара" о том, что земля вращается вокруг своей оси и вокруг солнца (еврейское учение двенадцатого века, предвосхищавшее учение Коперника), сияющие огни церкви пригвозждают к земле такими клиньями из Библии, как эти: "Солнце движется от одного края неба до другого" и "основания земли установлены так прочно, что их нельзя сдвинуть". Абсурдность существования антиподовони доказывают к своему полному удовлетворению следующим образом: "Невозможно, чтобы на противоположной стороне земли существовали какие-либо обитатели, поскольку Священные Писания не упоминают о такой расе среди потомков Адама". Опять же, "святой Павел говорит нам, что все люди созданы для того, чтобы жить *"на лице земли"*, из чего ясно следует, что они не могут жить более чем на одном лице или на спине". И снова: "как могли люди существовать на другой стороне земли, если в судный день, находясь на другой стороне, они не могли видеть Господа, восходящего по воздуху?" Следовательно, только учения Церкви являются истинными теориями этой вселенной, "относительно которых христианину не дозволено сомневаться".

Но мавры и евреи с презрением отнеслись к этому ребяческому возражению, не задумываясь о том, что у Церкви "Любви ко всем людям" есть более сильное и убедительное оружие, чем язык и перо, чтобы доказать свою точку зрения. Они упорно продолжали свой путь, так хорошо начатый. Они обратились к физическим наукам. Они положили начало химии. Они открыли некоторые из наиболее важных реагентов, таких как азотная, серная и соляная кислоты, а также спирт, который до сих пор носит свое арабское название. Они знали химическое сродство золота, серебра, меди, железа, олова, свинца и ртути. Они изобрели различные аппараты для дистилляции, сублимации, плавления, фильтрации и т.д. Они составили таблицы удельных весов. В области геологии Абу Осман написал ценную работу. В зоологии следующий отрывок из главы Авиценны (Ибн Синая или Бен Синай) о происхождении гор, который читается так, как если бы он был написан одним из самых передовых геологов наших дней, лучше всего укажет на высоты, которых они достигли в этой науке. "Горы, - сказал Ибн Синай (980-1037), - могут быть вызваны двумя разными причинами. Либо это сдвиги земной коры, подобные тем, которые могут произойти во время сильного землетрясения, либо это воздействие воды, которая, проложив себе новый маршрут, обнажила долины, причем слои были разного типа — одни мягкие, другие твердые. Ветры и воды разрушают одно, но оставляют нетронутым другое. То, что вода была основной причиной этих фактов, доказывается существованием ископаемых останков водных и других животных на многих горах".^[25]

Но здесь мало что говорилось о положении мавров и евреев в науке. Область слишком обширна, и объем этого тома не позволит нам вдаваться в более подробные сведения. Тот, кто желает обладать более полными знаниями по этой теме, пусть прочтет следующие работы, которым я в значительной степени обязан изложенными выше фактами. "История арабского мира и естествознания" Уэстенфельда; "Завоевание Испании", "Книга V" Коппе; "Восточный

халифат" Станислауса Гайарда; "История алгебры" Филиппа Келланда; "История арифметики" Джорджа Макаурта; "Астрономия" Р. А. Проктора; "Интеллектуальное развитие Европы" Дрейпера; "Конфликт между религией и наукой" Дрейпера; "Рационализм в Европе" Лекки.

И все же, хотя наш краткий обзор был кратким, мы увидели и услышали достаточно, чтобы полностью понять, почему в 1492 году в королевстве Испания Мудрость скорбит, а Знание стонет, у Науки разбито сердце, а Европа дрожит. Тоска охватывает нашу душу при мысли, что еще немного, и весь этот чудесный интеллектуальный прогресс, такой активный и многообещающий, будет вырван с корнем из почвы Европы, и тьма, жестокая тьма, невежество, жестокое невежество снова взойдет на трон и вступит на сцену жизненного застоя, коррупции, страданий, отчаяния.

Ради науки и человечества мы осмеливаемся обратиться к правителям королевства и прелатам церкви с мольбой о пощаде. "Нет!" - сурово отвечают Фердинанд и Изабелла. "Испания осквернена присутствием проклятых мавров и евреев". "Уходите!" - кричит кардинал Хименес. "Католицизм в опасности там, где работают мавританские и еврейские мозги". "Пощады, о которой вы просите", - буквально визжит великий инквизитор Торквемада. "Церковь не знает пощады к мавританским и еврейским неверным собакам. Убейся, или их судьба - твоя.

Мы еще не готовы к смерти. Наша задача еще не выполнена. О многих мавританских и еврейских достижениях еще предстоит поговорить, и поэтому мы поспешим с нашим обзором, пока еще можно говорить об их месте в литературе.

ГЛАВА XII. В ЛИТЕРАТУРЕ.

ПРОЦВЕТЕНИЕ ИСПАНИИ СТИМУЛИРУЕТ ЛИТЕРАТУРУ.—ЩЕДРЫЕ АССИГНОВАНИЯ НА ОБРАЗОВАНИЕ.—ХАЛИФЫ ПОКРОВИТЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ.—ОБШИРНЫЕ БИБЛИОТЕКИ, ВОПЛОЩАЮЩИЕ ЗНАНИЯ ТОГО ВРЕМЕНИ.—ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ УДЕЛЯЕТСЯ ПОЭЗИИ.—РАССКАЗЫВАНИЕ ИСТОРИЙ.—ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ И МАВРИТАНСКОЙ ПОЭЗИИ.—ИЕГУДА ХА ЛЕВИ.—ХАРИЗИ.—ГАБИРОЛЬ.—МОИСЕЙ БЕН ЭЗРА.

Когда мы обращаемся к изучению положения евреев и мавров Испании в литературе и наблюдаем их прогресс в этой области знаний, мы не так сильно удивляемся, как были, когда увидели удивительный прогресс, которого оба достигли в области науки, в то время как остальная Европа все еще находилась во власти умственного оцепенения. Великие эпохи мировой литературы всегда зарождались во времена мира и процветания. Они могут продолжаться в беспокойные времена и даже пережить их, но никогда не смогут в них укорениться. В таком возрасте Испания и ее народ долгие годы находились под властью мавров. Мавры прекратили свои завоевания, и некоторое время евреи наслаждались свободой от преследований. Воцарился мир, и процветание радовало сердце человека. Холмы и долины приносили обильные урожаи. Богатые рудники Испании выявили сокровища земли. Длинная линия побережья была забита судами, которые беспокойно бороздили океаны, обменивая

продукты Европы на богатства Востока. Мировая торговля сосредотачивалась в Испании; там же можно было найти ее богатства. Эпоха была зрелой для литературной деятельности.

Евреи были первыми, кто открыл эту эпохальную эпоху европейской литературы. Прошлое показало, что еврейский разум не нуждается ни в каком другом стимуле для серьезного интеллектуального труда, кроме эпохи мира и процветания, и настоящее не знаменует отступления от общего правила. Арабо-мавры, разделяя общие черты евреев, не задержались надолго; поскольку евреи помнили об учении своих мудрецов о том, что венец учености - величайшая из почестей, мавры помнили слова великого халифа Аль-Мамума: "Они - избранные Богом, они - Его лучшие и наиболее полезные слуги, чьи жизни посвящены совершенствованию их рациональных способностей". И столь велико было литературное рвение обеих этих рас, что за сравнительно несколько лет возникла литература по грамматике, лексикографии, риторике, истории, политике, биографии, переводу, статистике, музыке, художественной литературе, поэзии, праву, этике, теологии, философии, большая часть которой, несмотря на наше сегодняшнее хвастовство, не только не должна бояться современной критики, но и по-прежнему является авторитетной. И она просуществовала почти восемь столетий, превосходя по продолжительности любую другую литературу, древнюю или современную, и даже после того, как ее уничтожили, она продолжала излучать устойчивый блеск сквозь облака и тьму последующих столетий. Подобно наводнению, она перелила горные барьеры и продолжалась дальше, широко орошая засушливые поля Европы.

Средства для получения образования были в изобилии. При каждой мечети и синагоге была пристроена бесплатная школа. Богатые колледжи были разбросаны по сарацинской империи, в которых бесплатное обучение предоставлялось всем, кто стремился к знаниям, а неимущим студентам с радостью выдавались стипендии. В дополнение к этому, многие халифы отличились не только своими научными достижениями, но и щедрым покровительством учебе. Они собрали при своем дворе выдающихся ученых своего времени, как местных, так и иностранцев, сделав его привычным местом пребывания литераторов, создав прецедент, которым позже Медичи прекрасно воспользовались. Прежде всего, они стремились приобрести обширные библиотеки. Они приглашали известных иностранцев присылать им свои произведения и щедро вознаграждали их. Ни одно пожертвование не было для них таким ценным, как книга. Они нанимали агентов в Египте, Сирии, Ираке и Персии для сбора и переписывания редчайших рукописей; и их суда возвращались, нагруженные грузами более ценными, чем восточные пряности. Таким образом, они собрали великолепные коллекции — коллекция Альхакема Второго составила 600 000 томов.^[26] Наш собственный Гарвард не может достичь и половины этого числа даже в девятнадцатом веке, да еще с преимуществом пара и печатного станка. Помимо этих королевских библиотек, в Андалусии насчитывается семьдесят публичных библиотек. Коллекции, которыми владели отдельные лица, иногда были очень обширными. Частный врач отказался от приглашения бухарского султана, потому что для перевозки его книг потребовалось бы 400 верблюдов.

Темы, которым посвящены эти тысячи и тысячи томов, настолько разнообразны, а авторов так много — например, исторический факультет, согласно арабскому автору, цитируемому Д'Эрбело, мог похвастаться 1300 авторами, — что даже краткий обзор их потребовал бы больше места и времени, чем позволяют масштабы этих бесед, и поэтому мы отклоняем их простым замечанием, что таково их превосходство, таково влияние, которое они оказали на литературу Европы, что внимательное прочтение произведений, все еще сохранившихся в оригинале или в

переводе, хорошо вознаградит специального исследователя. из любой специальной области литературы, о которой они говорят.

Однако поэзию того периода нельзя сбрасывать со счетов. Она просит нас остановиться. Она, королева литературы, не привыкла к такому пренебрежению. Она была рождена, чтобы править, она не терпит сопротивления, и поэтому мы делаем паузу. И после того, как мы мило побеседовали с ее бардами-менестрелями, и после того, как мы внимательно прочитали ряд почти бесчисленных томов, посвященных крылатым музыкальным словам и поэтической фантазии, мы не сожалеем, что она заставила нас остановиться. Мы больше не считаем ее хвастовство праздным, что Испания в период с восьмого по пятнадцатый век может показать большее количество поэтов, чем все остальные нации вместе взятые. Нам не нужно спрашивать о причине этого. Любой, кто знаком с необычайным богатством как иврита, так и родственного ему арабского языка, с их естественной интонацией, которая свойственна стихам, с легкостью, которую оба языка позволяют переходить от прозы к поэзии, и с наклонностями ума обеих рас, поэтических, наслаждающихся образной речью, метафорами, аллегориями и баснями, пышными образами и причудливой романтикой, любой, кто знаком с их восточным пристрастием к прекрасному полу, которое могло выразиться только в томных идиллиях или страстных лирических сонетах, любой, кто знает все это, не будет удивляться обширности еврейской и мавританской поэтической литературы.

Мавры преуспели в том, что тогда было известно как искусство "рассказывания историй". Они привезли его с собой с Востока, и чарующие лунные вечера Андалусии, и уединенные, сказочные сады с их тенистыми кипарисами, и каскадами, и цветущими кустарниками, и розовыми беседками, и гротами, похожими на склепы, - все это поддерживало любовь к их искусству. У них "рассказывание этой истории", как в прозе, так и в стихах, заняло место театрального представления. Те из вас, кто знаком с одним из многочисленных дошедших до нас сборников рассказов в прозе, таких как "Тысяча и одна ночь", могут легко составить мнение о том, каким огромным очарованием, должно быть, обладала для мавританского народа эта отрасль литературы на языке оригинала.

Врачи часто прописывали своим пациентам "рассказывание историй", чтобы облегчить их страдания, унять возбуждение и дать сон после затяжной бессонницы, или чтобы развеять скуку вельмож, или восстановить их силы после переутомления. "Муншиды", или "рассказчики историй", считали свое призвание очень почетным и очень прибыльным, и они прилагали большие усилия, чтобы развивать это искусство.

Эти рассказы и их лирическая поэзия оказали мощное влияние на литературу Южной и Западной Европы. Это можно проследить в воспроизведении многих историй, а также в структуре французских "*фаблио*" и "*шансон де жест*" "*жонглеров*", "*труверов*" Севера; и более конкретно это можно наблюдать в "*гай сабле*" провансальских трубадуров. Она распространилась на Италию и встречается в очаровательных строфах Ариосто и в "дважды рассказанных историях" "Декамерона" Боккаччо.

Одним словом, вся художественная литература и поэзия Южной Европы вплоть до эпохи Возрождения в такой же степени обязаны испано-арабам содержанием и формой, как и латинскому языку.^[27] Более того, когда мы вспоминаем, что наш англичанин Чосер позаимствовал схему своих "Кентерберийских рассказов" из нескольких рассказов Боккаччо и других итальянских писателей, и что другие английские писатели подражали Чосеру в заимствовании сюжетов из Италии, Франции и Испании, мы вполне можем утверждать, что арабская идея проникла на Север и оставила глубокое впечатление на английскую литературу.^[28]

Но в более чистой поэзии, в трогательной нежности пафоса, в возвышенности мысли и величии дикции, в тех возвышенных полетах, где надежда смешивается с печалью, и в религиозном пылу, умеряемом божественной сладостью и теплотой сердца, еврейские поэты Испании превосходят не только своих мавританских соперников, но и всех поэтов до или после них. Сыны и дочери Израиля снова достали свои иудейские арфы из-под траурных ив, и Песни Сиона, Прославляющие Израиль, и Восхваления Всеобщего Отца снова зазвучали в сказочной стране Андалусия так же сладко, как прежде на берегах Иордана. Они посвятили свою Музу самым чистым и священным целям. Эпиграмма Абена Эсры, одного из бессмертных поэтов нашего века, вкратце и лучше всего описывает применение поэзии у различных народов. Он написал:

"Среди арабов в их пламенной манере,
Песня дышит в одиночестве о сладком раскачивании любви.
Римлянин ликует по поводу военной добычи.
О битвах, осадах и трудах воинов.
В остроумии и одухотворенности грек превосходит всех,
И индийские барды рассказывают любопытные загадки,
Но песни, посвященные восхвалению Создателя,
Среди народов восстают одни евреи".

Мы не хотим этим сказать, что еврейские поэты Испании посвятили себя только и исключительно священной песне. *Иегуда Ха-Леви* воспевает любовь и вино так же пылко, как когда-то мавританский бард.^[29]

ПЕСНЯ О ЛЮБВИ.

"Видишь, как ты падаешь с моего плеча
Свободно развевающиеся локоны, похожие на змейки?
Не бойся, ибо они извращены
Чтобы привлечь тебя ко мне".

Так говорила она, нежная голубка,
Прислушайся к своей обещанной любви:
"Ах, как долго я ждал, пока
Любимая возвращается (сказала она)
Кладет свою ласкающую руку
Под моей горячей головой".

РАЗЛУКА.

Итак, мы двое должны расстаться! О, задержись еще,
Позволь мне все еще смотреть в твои глаза.
Не забывай, любимая, о днях нашего восторга,
И я всегда буду ценить наши ночи блаженства.
Во снах я буду видеть твой призрачный образ,
О, даже во сне будь добр ко мне!
Даже если бы я был мертв, я все равно услышал бы
Твои шаги, шуршание одежды по песку.
И если ты передашь мне привет из могилы,
Я буду глубоко вдыхать дыхание этой холодной земли.
Забери ты мои дни, распоряжайся этой моей жизнью,
Если это может удлинить пространство твоего тела.
Я не слышу голоса из губ, смертельно бледных и холодных,
И все же глубоко в моем сердце это отдается эхом до сих пор.
Мое тело остается — моя душа стремится к тебе,
Тенью, которой я все еще должен оставаться на земле.
Обратно в тело, страдающее здесь,
Возвращайся, душа моя, поспеши и приходи снова!
Так поет Моисей бен Эсра;
Тень от домов остается позади,
В прохладной чаще рощи возлежал,

Вино дружбы из кубка любви пей,
И веселой речью развлекай ум.
Пей, друг! смотри, унылая зима прошла,
Время сняло мантию старости,
Солнечный луч блестит в утренней росе,
Расцвет молодежи на холмах и в долинах продолжается.
Виночерпий! погаси снегом огонь в кубке,
Даже когда мудрый человек остывает и утихомиривает свой гнев.
Посмотрите, когда кувшин будет опорожнен, на края
Легкая пена тает от желания сердца.
Виночерпий! принеси сюда серебряную чашу,
И сияющим золотом исполни целое,
Слабым это придает новую силу,
И без копья подчиняет душу героя.
Моя любовь качается, танцуя, как миртовое дерево.
Посмотрите, какая масса ее растрепанных кудрей!
Она убивает меня своими дротиками, опьяняет
Моя жгучая кровь, и она не освободит меня.
В ароматный сад войди,
И будем медленно бродить в его тени,
Листва станет тюрбаном для наших бровей,
И зеленые ветви над нашими головами образуют купол.
Всю боль ты утолишь кубком,
Кубок с вином лечит самые острые боли, которые бушуют,
Пусть другие жаждут унаследовать богатство,
Радость да будет нашим уделом и нашим наследием.
Выпей в саду, друг, за розу,
Мягкий воздух дует богаче, чем дыхание спайс.
Если это остановит маленького предателя, тогда,

Зефировый огонек раскрыл бы его секрет.

—*Выдержки из Книги Фарсиша или "Жемчужного ожерелья"*.

Не без причины степенные седобородые жители Кордовы обратились за юридической помощью, чтобы запретить страстные песни о любви *Авраама Ибн Сахаля*, ибо в городе не было ни юноши, ни девушки, которые не могли бы повторить их наизусть. А что касается песен о войне, остроумии и духе, то "Макамен" *Иегуды бен Саламо бен Алчофни*, более известного как "*Харизи*", дает достаточно доказательств, чтобы убедить нас в том, что евреи могли бы стать опасными соперниками римских и греческих писателей, если бы они так же поощряли этот этап поэзии, как они. Так поет Чаризи;

ПЕСНЯ О ЛЮБВИ ЧАРИЗИ.

Я.

Давно закрытая дверь, о, открой ее снова, верни мне еще раз моего убежавшего олененка.

В день нашего воссоединения ты будешь покоиться рядом со мной, там ты прольешь на меня потоки своего восхитительного благоухания.

О прекрасная невеста, каков облик твоего друга, что ты говоришь мне: освободи его, отошли прочь?

Это тот, что с прекрасными глазами, румяный, великолепного вида - это мой друг, ты его удержи.

II.

Приветствую тебя, сын моего друга, румяный, ярко раскрашенный! Приветствую тебя, чьи виски подобны гранату.

Поспешి в убежище сестры твоей и защити сына Исайи от войск аммонитян.

Кто ты такая, о Красавица, что должна внушать любовь? чтобы твой голос звучал подобно звону колокольчиков на священнических одеждах?

В тот час, когда ты будешь желать моей любви, я поспешу тебе навстречу. Я тихо упаду рядом с тобой, как роса на Хермоне.

А что касается любопытных загадок, которые действительно рассказывали индийские барды, давайте переведем одну или две из Иегуды Ха-Леви, чтобы показать, что даже в этой области поэтической фантазии еврейский ум блуждал, и он сорвал там самые изысканные плоды, какие когда-либо собирали индийские барды. Ха-Леви спрашивает, Кто решает эту проблему:

У него есть Глаз, и все же он слеп,

Служение это роду человеческому;

Из него делают одежду, как большую, так и маленькую,

И по-прежнему сама лишена всего.

(Ответ: "Игла".)

Или вот это:

Сохранили бы вы настоящую дружбу

Приди сюда и узнай это;

То, что нас разделит, мы разрежем надвое,

Пока мы остаемся невредимыми.

(Ответ: "Два ножа от пары ножниц".)

Что касается их мастерства в рефлексивной и описательной поэзии, пусть покажут следующие образцы:

НОЧНЫЕ МЫСЛИ.

Расправит ли уже ночь свои крылья и сплетет ли их

Ее темные одежды подчеркивают яркую форму дня,

Смело смещая светлый лик солнца,

И окутать его своей тенью средь бела дня?

Так зеленый веночек тумана окутывает луну,

Пока тучи зависти не окутают ее полностью.

Ветра нет! и все же тонкий стебель шевелится,

Со слабым, незначительным движением, как от внутренней дрожи.

Мои глаза затихли от горя — кто видит меня, спрашивает,

"О, почему ты цепляешься за землю?"

Мои друзья говорят ласковые и успокаивающие слова:

Все они тщетны, они парят у меня над головой.

Я хотел бы сдержать свои слезы; хотел бы, чтобы их стало больше

До бесконечности, мое сердце — напрасно!

Горе тяжело давит мне на грудь, отсюда и мои слезы

Едва они высыхают, как снова прорастают.

Ибо это потоки, которые не может погасить жар печи,

Пламя Навуходоносора, возможно, и не высушит их.

В чем заключается удовольствие этого дня для меня,
Если в его горниле я должен обновиться
Непрекращающиеся муки очищения?
Поднимайся, бросай вызов, борись и побеждай! Будь сильным!
Поздний виноград покрывает всю лозу плодами.
Я не рад, хотя даже львиный прайд
Довольствуется скудной травой на поле.
Мой дух тонет под приливом, но не парит
С развевающимися швами на влажной мягкой пряди.
Я не следую за судьбой, куда бы она ни вела.
Повелитель над собой, я изгоняю ее, принуждаю
И хотя из ее облаков не должно пролиться благословенной росы,
Хотя она и удерживает корону, сокровенное желание,
Хоть всех обманывай, хоть мед меняй на желчь,
Я все еще Господь и буду стремиться к свободе.

НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЮ.

Осень обещала, и он сдерживает свое слово
Его слово луговой розе.
Чистые, яркие молнии предвещают Весну,
Свежая земля выглядит безмятежной и радостной.
Дождь утолил жажду ее детей,
Ее щеки, но теперь такие холодные и сухие,
Мягкие и белокурые, со смеющимся лицом;
Небо сияет пурпурными облаками,
Хотя и наполненный светом, но окутанный дымкой.
Слушайте! слушайте! насмешливая нота черепахи
Выходит из долины-голубиная ложбина.

Ее крылья украшены драгоценными камнями, а из горла торчит
Когда снова засияет ясное солнце,
Мне кажется , что она носила
На шее у нее была цепочка с драгоценными камнями.
Скажи, неужели ты затмишь такой свет,
Хочешь стащить облака с высоты небес?
Хотя сердце твое переполняется гневом,
Но мой дом тверд, как мрамор.
Там не страшен твой гнев,
Его не поколеблют твои угрозы.
Да, метай свои дротики, владей своим оружием,
Сила молодости по-прежнему является моим щитом.
Мой крылатый конь устремляется к высотам,
Пыль взвивается вверх от земли:
Моя песня скудна, не находишь ли ты, что
Твое красноречие - могучий поток?
Только безупречное приношение
Не то изобилие, которое может принести мужчина,
Пребывает с нашим Господом и Королем.
Из минут вырастают долгие дни,
И из месяцев возникают годы.
Будешь ли ты повелителем мудрых,
Затем изучите скрытый поток, чтобы познать,
Это исходит из самой глубины сердца.

ВИНО И ГОРЕ.

С тяжелыми стонами я приблизился к своим друзьям.
Тяжелый, как горы, которые я мог бы сдвинуть.
Бутыль, которую они убивали; они вылили

В чашу с дикими глазами льется красная кровь винограда.

Нет, они не убивали, они вдыхали в него новую жизнь.

Тогда тоже в огненном восторге горели мои вены,

Но вскоре дым рассеялся. Напрасно, напрасно!

Вы не можете заполнить брешь в разорванном сердце.

Вы жаждете чувственной радости; вы тщетно боретесь

Обманывать с пламенем страсти, мое отчаяние.

Итак, когда заходящее солнце приближается к ночи,

Яркие щеки неба тускнеют под этими черными локонами.

Ты смеешься, но душа продолжает беззвучно рыдать;

Вы не можете заглушить ее искренний плач.

ВЫЗОВ.

"Победи мрачную ночь своей печали, ибо утро встречает тебя смехом.

Встань и оденься благородной гордостью

Освободись от тирании горя.

Ты одинок среди людей,

Твоя песня подобна жемчужине по красоте".

Так говорил мой друг, это хорошо!

Волны штормового моря, захлестнувшие мою душу, —

Их я покоряю; я не трепещу

Перед луком и стрелами судьбы.

Я терпеливо переносил, когда он коварно лгал мне

Со своей предательской улыбкой.

Да, я смело бросаю вызов Судьбе,

Я не преклоняюсь перед завистливой Судьбой

Я насмехаюсь над вздымающимися потоками.

Мое храброе сердце не сжимается—

Это мое сердце, которое, хотя и молодо годами,

, тем не менее, богат глубоким, пронизательным опытом.

ДЕГЕНЕРАТИВНЫЙ ВЕК.

Где тот человек, которого испытывали и который оказался сильным и здравомыслящим?

Где друг разума и знания?

Я вижу только скептиков и слабаков.

Я вижу только узников, находящихся в плену чувств.

И каждый дурак, и каждый расточитель

Считает себя таким же великим мастером, как Аристотель.

Думаешь ли ты, что они написали стихи,

Ты называешь это Песней?

Я называю это карканьем воронов.

Рвение пророка должно освободить поэзию

Из объятий распутных юнцов.

Свою песню Я начертал на челе Времени,

Они знают это и ненавидят — ибо это возвышенно .

НАВСТРЕЧУ ЗАПАДНОМУ ВЕТРУ.

О, Запад, как благоуханно дышит твой нежный воздух,

Шиповник и алоэ скользят по твоим крыльям.

Ты дуешь из пряных покоев, а не оттуда

Где обитают злые ветры и свирепые бури.

Как на крыльях птицы, ты уносишь меня домой,

Сладок для меня, как пучок сочной мирры.

И по тебе тоскуют все толпы, которые бродят

И бороздит легким килем волнующееся море.

Не покидай ее — наш корабль — часто оставайся с ней,

На закате, в утреннем свете.

Разгладь ты глубины и сделай волны мягкими,

Ни минуты покоя, кроме как у нашей цели, на священной высоте.

Упрекай ты Восток, который сдерживает бушующий поток,

И вздымаются высокие волны, дикие и грубые.

Что я могу сделать, бедный раб стихий?

Теперь они крепко держат меня, теперь оставляют на свободе;

Прильни к Господу, душа моя, ибо Он спасет,

Кто создал горы и ветры.

(Выдержки из Книги Фарсиша, или "Жемчужного ожерелья".)

Ты, одетый в шелк, опирающийся на

Гордо ткала ты одежды из тонкого льна,

Вспомни тот день, когда ты останешься один

Наконец-то я буду жить под мраморным камнем.

В гнезде гадюк твоя обитель,

С ползающей по земле змеей и жабой,

Уповай на Господа, Он поддержит тебя там,

И без страха душа твоя упокоится с Богом.

Если мир льстит тебе мягким искусством,

Знай, что это хитрая ведьма, которая очаровывает твое сердце,

Чья привычка сочетать душу человека с горем,

И те, кто тесно связан любовью, должны расстаться.

Тот, кто раздает свое богатство бедным,

Только одолжил его Господу, будьте уверены —

Что толку сжимать его сжатой рукой?

Это не уйдет с нами в неизвестную могилу.

Голос тех, кто обитает в могиле,

Которые в доме коррупции обустроили свой дом;

"О вы, кто блуждает среди нас до сих пор,

Когда ты придешь разделить с нами уныние?"

Как ты вообще можешь жаловаться на этот мир,

И, бормоча, отягощай это всей своей болью?

Тишина! ты путник в гостинице,

Гость, который может остаться только на ночь.

Но при всех их выдающихся заслугах в этих областях поэтической литературы они не претендовали на признание, и мы не будем претендовать на это за них. Их устремления были выше. Их слово было священным. Их идеалом поэтического величия было написание и пение величественных гимнов, и они дали нам гимнологию, собрание чистых и священных песен, равных которым еще не было. Мы не знаем, что такое рациональный религиозный пыл, мы не знаем, что такое настоящее благочестие, мы не знаем, что такое радостный экстаз, ни что такое слезливая и покаянная нежность, мы не знаем, что такое доверие к Богу и любовь к Нему, мы не знаем, что значит слышать, как сердце говорит с Богом и о Боге, а душа поет хвалу своему Создателю, мы не знаем, что такое страстная преданность и бессмертная любовь к делу Израиля, к памяти о его славном прошлом и к надеждам на его будущее, мы не знаем, что все это такое и означает, пока мы не узнаем, что такое вера в Бога и любовь к Нему. прочтите некоторые гимны, священные оды, элегии и размышления еврейских поэтов Испании. Обратитесь к своим службам "Дня искупления"; прочтите там невыразимо прекрасные вклады в священную поэтическую литературу раввина *Соломона бен Иегуды Габироля*, или раввина *Джозефа бен ибн Абитура*, или раввина *Бехая бен Иосифа*, или раввина *Моисея бен Эсры*, или величайшего из них раввина *Иегуды бен Самуэля Ха-Леви*, и ответьте, где вы видели и где читали или слышали что-либо, что можно сравнить с их религиозной поэзией? Давайте посмотрим на следующее от Габироля:

РАЗМЫШЛЕНИЯ.

Забудь свою тоску,

Снова раздосадованное сердце,

Почему ты должен томиться,

С земной болью?

Шелуха уснет,

Покрытый глиной,

Безмолвный и мрачный,

Добыча Забвения!

Но, Дух бессмертный,

Ты у врат Смерти,

Трепещу от страха.

Если он приласкает тебя,
Проклинаю тебя или благословляю,
Ты должен приблизиться,
От него услышать о достоинствах твоих дел.
Почему полный ужаса,
Составлено с ошибкой,
Тревожь свое сердце,
Для твоей смертной части?
Душа летит домой—
Труп нем.
Из всего, что у тебя было,
Ни за чем не следует до могилы.
Ты вылетаешь из своего гнезда,
Стремителен, как птица, к месту твоего упокоения.
Какая польза от скорби и поста,
Где ничто не длится вечно?
Помпезность, доминирование,
Стань бедствием.
В целебном напитке,
Смертоносная стрела.
Богатство— иллюзия,
Власть—это ложь,
В конце концов, растворение
Подкрадывается бесшумно и хитро.
Другим оставаться
Блага , которые ты приобрел
С бесконечной болью.
Жизнь - это виноградная ветвь;
Винодел - смерть.

Он угрожает и унижает
Все ближе с каждым вдохом.
Тогда поспеши, встань!
Ищи Бога, о душа моя!
Ибо время быстро летит,
До цели еще далеко.
Тщеславное сердце безмолвно молится,
Учись ценить скромно,
Самая скудная еда.
Забудь все свои печали,
Смотрите, там Смерть!
Голубиный плач,
Будь полон раскаяния,
Поднимите божественное видение
К восторгам вечным.
По любому поводу
Стремитесь к прочному спасению.
Излей свое сердце в рыданиях,
Пока другие спят.
Молись Ему, когда все успокоится,
Исполняю Его волю.
И так ангел мира будет твоим стражем,
И направлю тебя, наконец, в райский сад.

ГИМН.

Всемогущий! что такое человек?
Но из плоти и крови.
Как тени убегают из его дней,
Он не замечает, как они исчезают из его поля зрения.

Внезапно он должен умереть...

Ошеломленный, он проваливается в небытие.

Всемогущий! что такое человек?

Тело хрупкое и немощное,

Полный обмана и лжи,

О мерзком лицемерии.

Теперь, как распускающийся цветок,

Теперь опаленный сияющими солнечными лучами.

И будешь ли ты расспрашивать о его прегрешениях?

Как он вообще сможет это вынести

Справедлив ли твой гнев, ужасна ли твоя месть?

Не наказывай его, но пощади,

Ибо он лишен могущества и мощи!

Всемогущий! что такое человек?

Одержимый грязной похотью.

Закруженный в круговороте лжи,

Страстное безумие наполняет его грудь.

Чистый человек тонет в трясине и слизи,

Благородный не уклоняется от преступления,

Возненавидишь ли ты на него чары греха?

Как увядающая трава,

Так он и пройдет.

Как мякина, которую разносит ветром

Куда дует ветер.

Тогда пощади его, будь милостив, о царь,

Настал страшный день расплаты!

Всемогущий! что такое человек?

Надменный сын времени

Пьет до дна от греха,

И питается преступностью
Бурлящий, как накатывающие волны,
Горячий, как раскаленный уголь.
И ты накажешь его за врожденные грехи?
Потерянный и покинутый,
Тогда, подобно слабаку, он должен пасть,
С которым борется какой-нибудь великий герой.
О, поэтому пощадите его! позвольте ему победить
Благодать за его грех!
Всемогущий! что такое человек?
Замечен с точки зрения вины,
Чуждый вере,
Чей язык запятнан ложью,
И ты сосчитаешь его грехи — настолько он погиб,
Вырванный с корнем твоим дыханием.
Как в ручей, брошенный бурей,
Его жизнь спадает с него, как плащ,
Он уходит в небытие, как дым.
Тогда пощади его, не наказывай, будь добр, я молюсь,
Тому, кто пребывает в прахе, образу, выкованному из глины!
Всемогущий! что такое человек?
Засохшая ветка!
Когда он охвачен благоговейным страхом перед приближающейся судьбой.
Как высохшая травинка, такая слабая, такая низенькая,
Радость его жизни сменилась унынием.
Он рассыпается, как одежда, попорченная молью;
Разгневаешься ли ты за его грехи?
Он тает, как воск от дуновения свечи,
Да, как тонкая вода, так и он исчезает,

О, пощади его, поэтому ради твоего милостивого имени,
И не будь слишком суров к его позору!
Всемогущий! что такое человек?
Увядающий лист!
Если ты взвесишь его на весах — о чудо!
Он исчезает — дыхание, которое ты выдыхаешь.
Его сердце всегда наполнено
С неутоленной жаждой лжи.
Уилт будет помнить о своем преступлении
На все времена?
Он исчезает, как облака, поцелованные солнцем,
Растворяется, как туман.
Тогда пощади его! пусть победят любовь и милосердие,
По твоей милости, а не по его греху!
Или это о *Моисее бен Эсре*.

НОЧЬЮ.

К дому молитвы стремится мой дух,
К истокам своего существа обращается,
Туда, где горит священный свет небес,
Она борется за это день и ночь.
Великолепие Божьей славы ослепляет ее глаза,
Без крыльев она воспаряет к небесам,
С безмолвным устремлением стремится подняться,
В сумеречный вечер и в темную ночь.
Перед ней предстают чудеса Божьих дел,
Она страстно желает, чтобы Он привлек Ее внимание,
Весть о Его славе достигает ее ушей,
С утра до вечера и из ночи в ночь.

Зная твоей милости даровало мне покой,
И все же твое поклонение было изгнано из моей груди.
Всемогущий, ты разыскал меня и испытал
Чтобы попытаться наставить меня ночью.
Я не смею праздно лежать на своей подушке,
С крылатыми ногами я хотел бы долететь до святилища,
Когда свинцовые цепи сковывают тяжелый сон,
Люди отдыхают в изображенных тенях, мечтая о ночи.
Увлечь меня пустяковой молодостью,
В небытии я мечтал весь день своей зрелости.
Поэтому я не могу остановить свои льющиеся слезы,
Они - мое мясо и питье днем и ночью.
Во плоти заключен сын света,
Эта жизнь - всего лишь мост, если смотреть на нее правильно,
Встань в тихий час и молись изо всех сил,
Проснись и взывай к своему Богу ночью!
Поспеши очиститься от греха, восстань!
Следуй путем Истины, который ведет к небесам,
Так же быстро, как летит вчера существование,
Кратковременный, как ночное дежурство.
Человек приходит в жизнь ради неприятностей; все, что у него есть,
И все, что он видит, - это боль, увы!
Подобно цветку, он распускается и проходит,
Он исчезает, как ночное видение.
Бушующие потоки жизни вокруг него ревут,
Смерть питается им, жалости больше нет,
Другим он отдает все свои богатства,
И умирает посреди ночи.
Раздавленный бременем своих грехов, я молюсь,

О, почему я не уклонился от злого пути?

Глубоки мои вздохи, я плачу весь долгий день,

И мочи мой диван слезами ночь за ночью.

Мой дух волнуется, мои текущие слезы все еще текут,

Подобно пению дикой птицы, тон моей печали,

В повисшей тишине громко раздается мой стон,

Моя душа со стоном восходит в ночи.

В своей узкой камере, подавленная страхом,

Без украшений и со склоненной в горе головой

Скорбя, много слез пролили ее печальные глаза,

Она плачет от тоски мрачной ночью.

Кажется, что слезы лучше всего облегчают мое бремя,

Если бы я только мог выплакать свое сердце кровью, я мог бы отдохнуть.

Мой дух склоняется, подавленный могучей печалью,

Я произношу свою молитву в течение ночи.

Очарование юности исчезло, как мимолетная тень,

С орлиными крыльями пролетели часы жизни.

Увы! время, когда я познал наслаждение.

Сейчас я, возможно, не помню ни днем, ни ночью.

Надменное презрение преследует меня к моему врагу,

Злые его мысли, но в то же время мягкие и негромкие речи.

Не забывай об этом, Но так следуй его замыслу

Всегда в твоих мыслях днем и ночью.

Соблюдай благочестивый пост, снова будь целым,

Поспеши очистить свое сердце от всякой скверны.

Больше не надо от молитвы и покаяния воздерживаться,

Но обращай к богу твоему днем и ночью.

Он говорит: "Сын мой, да, я пошлю тебе помощь,

Склони ко мне свои стопы, не бойся.

У тебя не было друга ближе, чем я,

Наберись терпения в своей душе еще на одну ночь".

Прочтите следующие строфы, взятые из "Элегии о Сионе" Ха-Леви, и спросите себя, где есть священный эпос, который сравнится с ним?

НА ПУТИ В ИЕРУСАЛИМ.

Я.

Мои двадцать десять лет прошли,

Никогда больше молодость не будет моей.

Годы готовы - крылья готовы к полету,

Чего ты все еще жаждешь от пиршества и вина?

Будешь ли ты по-прежнему добиваться одобрения мужчин,

Забываешь, что сказал Господь?

И лишаешься своего вечного блага,

Твоим собственным грешным сердцем, введенным в заблуждение?

Неужели ты никогда не покончишь с глупостью,

Все еще свежее и новое должно ли оно возникнуть?

О, не обращай внимания на это, не обращай внимания на чувства,

Но следуй за Богом, будь кротким и мудрым:

Да, пользуйся оставшимися днями твоими,

Они стремительно спешат к цели.

Будьте ревностны в высоком служении Господу,

И изгони ложь из своей души.

Используй всю свою силу, весь свой пыл,

Бросай вызов своим собственным желаниям, пробудись!

Не бойся, когда море пенится,

И земля до основания ее содрогнулась.

Тогда рука матроса онемела,

Мастерство и мощь капитана снижаются.

Они весело плыли с развевающимися цветами,

И теперь мне снова стыдно возвращаться домой.

Океан - наше единственное убежище,

Песчаная отмель - наша единственная цель,

Мачты раскачиваются, как от ужаса,

И, дрожа, качается сосуд.

Безумный ветер резвится с волнами,

Теперь разглаживает их низко, теперь поднимает ресницы высоко.

Теперь они нападают, как львы,

И теперь, как змеи гладкие, они лгут:

И волна на волну постоянно давит,

Они шипят, они шепчут, негромко.

Увы! это что, сосуд раскололся?

Исчезли ли парус, мачта и руль?

Здесь - крики испуга, там - беззвучный плач.

Самый храбрый чувствует, что его мужество иссякает,

Что заменяет наше благоразумие или нашу мудрость?

Сама душа ничем не может помочь.

И каждый взывает к своему Богу,

Воспари, душа моя, к Нему стремись,

Кто сотворил чудо для Иордании,

Превозноси Его, о ангельский хор!

Помни Того, кто останавливает бурю,

Штормовые волны властвуют,

Кто оживляет безжизненное тело,

И наполняет пустую рамку душой.

Смотрите! еще раз появляется чудо,

Разгневанные волны сначала бушевали неистово,

Подобно тихим стадам отдыхающих овец,

Такая мягкая, такая неподвижная, такая нежно-нежная.

Солнце садится, и высоко в небесах,
Луна в золотом круге стоит.
В море блуждают звезды,
Как странники в неведомой стране.
Небесные огни в водах
Пылают ясно, как указано выше,
Как будто сами небеса опустились,
Чтобы скрепить завет любви.
Возможно, и море, и небо, океаны-близнецы,
Они проистекают из одного и того же источника благодати.
Между ними в моем сердце бушует третье море,
С песнями звучными, отчетливо исполняемыми.

II.

Грешный мир превратился в водянистую пустошь,
Без сухого места, на котором мог бы отдохнуть глаз,
Ни человека, ни зверя, ни птицы, на которых можно было бы посмотреть,
Могут ли все быть мертвы, одержимы безмолвным сном?
О, как я жажду увидеть холмы и долины,
Очутиться в бесплодных степях было блаженством.
Я оглядываюсь по сторонам, но меня ничто не встречает,
Ничего, кроме корабля, облаков, пучины волн,
Крокодил, который вырывается из глубин;
Поток пенится серой пеной; бурлящие воды кружатся,
Теперь, подобно своей добыче, на которую он наконец набрасывается,
Океан поглощает киль судна.
Волны бушуют —ликуй, о душа моя,
Скоро ты войдешь в святая святых Господа!

ИЗРАИЛЬ, ГОЛУБЬ.[30]

Я.

Твой непорочный голубь,
Твои ласки, Твоя любовь,
Это когда-то было, все благословенно,
В твоей груди ее гнездо—
Почему Ты оставляешь ее
Один в лесу?
И держатся особняком,
Когда ее потребность острее всего?
Пока везде
Угрожает ловушкой;
Вокруг нее стоят незнакомые люди,
И бороться день и ночь
Чтобы сбить ее с пути истинного,
Находясь в тишине, она,
Глубокой ночью,
Равняется на Тебя,
Ее единственная радость.
Разве Ты не слышишь,
Ее голос был нежным и чистым:
Неужели ты оставишь меня?
"Моя дорогая, моя Единственная!
И я знаю, что рядом с Тобой,
Искупитель, его нет!"

II.

Как долго будет жить Твой голубь
Так беспокойно бродят

В такой дикой пустыне,
Осмеянный и оскорбленный?
И сын служанки
Яростно наступал,
Дротик за дротиком.
Пронзил мое сердце насквозь,
Ужасные хищные птицы
Лежи мягко в моем гнездышке,
Пока я, без отдыха,
Уходи далеко-далеко.
И все же я жду
И размышляющий;
И считаю дни,
И считать годы;
Чудеса прекратились
Ни один пророк не появляется;
И желающие научиться
О Твоем возвращении.
И спрашиваю своих мудрецов:
"Приближается ли конец?"
Они печально отвечают:
" В тот день и в тот час
Но ему они известны.
И я знаю, что рядом с Тобой,
Искупитель, его нет!"
III.
И мои маленькие, воркующие дорогие,
Яркие и ясные,
Их тащили во сне

Бесконечными числами
О таких ужасных стервятниках
В холодный и знойный климат,
Далеко, очень далеко.
И эти хищные птицы
Попытайся сделать их неверными,
И заставить их сдаться
Ты, их единственная Надежда!
Обратить свою привязанность
От Тебя, О Совершенство!
Ты Друг тех, у кого нет друзей!
Твоя Красота бесконечна!
Ах, где же ты?
Моя Дорогая, Моя Единственная!
Мои враги близко,
Мой друг ушел.
Падаю в обморок от горя,
Я здесь совсем один.
И я знаю, что рядом с Тобой,
Искупитель, его нет!
IV.

О, поторопись, Любовь моя,
За Твою бедную, робкую голубку!
Они топчут меня своими ногами,
Они смеются, когда я скорблю;
Здесь нет друга, который мог бы поприветствовать меня,
Я совершенно одинок!
Мои враги в своей страсти,
И дикий неистовый гнев,

Используй меч и огонь,
И всевозможные пытки,
И не ведают сострадания
Они гоняют меня от земли к земле:
Здесь нет никого, кто мог бы подружиться со мной.
Звезды там, в вышине
Услышь мой тихий стон.
И я знаю, что рядом с Тобой,
Искупитель, его нет!

V.

Ты отверг меня?
Ты меня больше не любишь?
Неужели Ты все забыл
Твои прежние обещания?
О, разорви Твои небеса!
О, спускайся снова!
Мои враги могут увидеть
Что я, не зря,
Уповали на Тебя.
Как когда-то на Синае,
Спускайся, моя единственная Дорогая
В Твоем величии явись!
Сброшен со своего трона,
Сын служанки!
И силу придают
Моему слабеющему сердцу,
Здесь я печально блуждаю
В страну неизведанную.
Ибо я знаю, что рядом с Тобой,

Искупитель, его нет!

Благородный Га-Леви, поэт, милостью Божьей смиренно просим у тебя прощения за то, что так слабо отзываемся о тебе и твоём славном творчестве! Если бы у нас был дар говорить о тебе так, как ты того заслуживаешь. Наполни нас, сладостный певец Израиля, поэтическим чутьем, и наполни нас также своим религиозным рвением. Наполни нас такой любовью к Израилю и его делу, чтобы мы тоже могли, как ты, трудиться для нашего народа и нашего Бога.^[31]

- О! город мира, самый целомудренно прекрасный;

На дальнем западе, вот, я вздыхаю по тебе,

И в своей страстной любви я вспоминаю о себе

Об ушедших веках, о твоей разрушенной славе,

Твое исчезнувшее великолепие исчезнувшего дня.

О! будь у меня орлиные крылья, Я бы полетел к тебе,

И моими падающими слезами увлажни землю твою.

Я тоскую по тебе, хотя на самом деле твои короли

Прошли навсегда; что, хотя бы там, где когда-то восстали

Сладкие бальзамические деревья, змея вьет свое гнездо;

О! если бы я мог обнять твой прах, дерн

Были сладки, как мед, для моего заветного желания".

ГЛАВА. XIII. В ФИЛОСОФИИ.

АЛЕКСАНДРИЯ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СТОЛИЦА МИРА.—ОГРОМНЫЙ СТИМУЛ К ОБУЧЕНИЮ.— СЕПТУАГИНТА.—РАЗВИТИЕ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В АРИСТОТЕЛИЗМ.—ЭТО ЗАКРЕПИЛОСЬ В ЕВРЕЙСКОЙ ТЕОЛОГИИ.—ПРОТИВОСТОЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА АРИСТОТЕЛИЗМУ.— АВЕРРОЭС.—МОИСЕЙ МАЙМОНИД.—ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ БЕЗУСПЕШНОЕ.

Мы должны уделить немного места и времени обзору того места, которое мавры и евреи занимали в философии во время своего пребывания в Испании с восьмого по пятнадцатый век. Цель данной работы делает этот обзор необходимым. Не то, что мы увидим, какие замечательные продвинуться в этом отделе обучения, ни то, что мы должны показать яркий контраст между софистическими хитросплетениями из *cotemporaneous* схоластов и рационального исследования мавританских и еврейских философов, но что мы можем увидеть, что такое долг благодарности современной философии должен еврей и болотах, на занятие нить философских исследований, где греческий разведки были вынуждены покинуть его, и переносит ее

достаточно для современной философии, чтобы строить на нем, как надстроечные, в теориях и системах в день.

Чтобы полностью понять их место в философии, нам необходимо вернуться назад по нашим историческим следам примерно на 2000 лет назад и побывать в городе Александрия. Здесь Александр Македонский основал свою резиденцию правительства. Он стал интеллектуальной столицей мира. Туда завоеватель принес богатства и знания всего земного шара. В этот город стекались люди или их привозили в качестве пленников из самых отдаленных уголков известного мира, от Дуная до Нила и от Нила до Ганга. Впервые в мировой истории в одном городе можно было встретить людей, которые могли со знанием дела рассказывать о бореиных взрывах в странах за Черным морем и о лунных циклонах в восточных пустынях, о пирамидах и обелисках, сфинксах и иероглифах, о персидских, ассирийских и вавилонских чудесах, о халдейских астрономах, о висячих садах, акведуках, гидравлических машинах, туннелях под руслом реки или об ассирийском методе печати на пластичной глине. Впервые в мировой истории искатели знания могли послушать в Александрийском храме Серапиона ученые дискуссии между еврейскими монотеистами и персидскими дуалистами, греческими политеистами и египетскими мистиками, индийскими брахманистами и буддистами, а также между иониками и пифагорейцами, элеатами, атомистами и анаксагорейцами, сократами, платониками и аристотелианцами, стоиками, эпикурейцами и неоплатониками. Ни одна эпоха и ни один город не предоставляли лучших возможностей для интеллектуальных занятий. Ни один город до этого не мог указать на царей, более увлеченных продвижением образования, чем ее Птолемей, и вся древность не могла похвастаться библиотекой, равной ее библиотеке, или музеем, столь справедливо прославленным своими ботаническими садами, астрономическими обсерваториями, анатомическим колледжем и химической лабораторией.

Таким образом, был дан огромный стимул обучению, и это наложило свой отпечаток на мировую цивилизацию. Здесь Евклид написал теоремы, которые до сих пор изучают студенты колледжей. Здесь Архимед изучал математику под руководством Конона. Здесь Эратофонес сделал астрономию наукой. Здесь Птолемей написал свои "Синтаксисы". Здесь Ктесибий и Геро изобрели паровую машину. Здесь расцвела настоящая философия, и к тому же впервые в мировой истории. Люди Востока и до этого занимались спекулятивным мышлением, но достигнутые результаты показали, что восточный ум не приспособлен к абстрактным рассуждениям. Роскошные привычки, сладострастное окружение и тропический климат Востока больше тяготят к поэзии, музыке, любви и томлению, чем к психическим созерцаниям. Вызывающие благоговейный трепет явления природы, с которыми восточный человек сталкивается повсюду, естественно, приводят его к принятию в качестве *априорных* принципов того, что философы Запада делают предметом бесконечных и, по большей части, непостижимых и неудовлетворительных философских систем.

Именно по этой причине великие религии мира возникли на восточной почве, в то время как великие философские системы пустили корни в западных землях. Однако до этого периода даже Запад, со всеми его трудами, не постигал глубин истинной философии. Вся досократовская философия растрачивала свою энергию на тщетные попытки найти какой-либо принцип для объяснения природы, который для еврейского сознания был разрешен тысячи лет назад в первом стихе Библии. Один считал, что это *вода*; другой - *воздух*; а третий - *изначальная хаотическая материя*. Пифагорейцы провозгласили, что *число* является сущностью всех вещей, а элеаты верили, что они ближе к истине, отрицая всякое разделение в

пространстве и времени. Атомисты наделили каждый атом гравитацией и движением и объяснили таким образом происхождение всех физических существований и состояний. Сократ и Платон оба подошли гораздо ближе к решению проблемы; первый постулировал самопознание как отправную точку всей философии, а второй объединил все предыдущие системы в одну схему с *бесконечно мудрым, справедливым и могущественным духом* в качестве руководящего принципа, но только идеалистически. Дополнительный реалистический взгляд на вещи еще не был достигнут и не мог быть достигнут, поскольку это зависит от универсального, точного и научного знания, которого до великой эпохи александрийской учености, в которую все эпохи, страны и нации вносили свой опыт, наблюдения и знания, еще никогда не существовало. Аристотель, учитель Александра и друг Птолемея, таким образом, благодаря александрийскому влиянию нашел возможности для философских рассуждений, что неизбежно дало его системе почти неоценимое преимущество перед его предшественниками. От изучения частных вещей он перешел к познанию универсалий, продвигаясь к ним путем индукции. Этот индуктивный метод был основан на фактах его собственного опыта и наблюдений, а также тех, кого интеллектуальная метрополия послала в Грецию. Он стал первым и лучшим абсолютным эмпириком. Его система приобрела энциклопедический характер. Он стал отцом логики, естественной истории, эмпирической психологии и науки о правах. Философия аристотеля стала интеллектуальным краеугольным камнем, на котором покоился Музей, и сегодня, как мы сейчас увидим, благодаря еврейскому и мавританскому влиянию, является краеугольным камнем современной философии.

Еврейская община Александрии была очень большой. Когда Александр основал этот город и дал ему свое имя, он хотел обеспечить ему постоянный успех, и поэтому он приводил их туда тысячами. Птолемей привел еще 100 000 человек после осады Иерусалима, а Филадельф, его преемник, выкупил из рабства 198 000 евреев, "заплатив их египетским владельцам справедливый денежный эквивалент за каждого". Ожидания Александра оправдались; город, носящий его имя, лидировал в мире по коммерции и интеллекту. С энтузиазмом, почти граничащим с страстью, евреи посвятили себя философии, особенно философии Аристотеля. Они привили это к своей собственной теологии и философским рассуждениям, некоторые зашли даже так далеко, что поверили, что Аристотель, должно быть, сам был евреем.

Отныне аристотелевская философия является еврейской философией. Случайное принятие неоплатонического мистицизма, теософии и теургии не смогло уничтожить его.

В течение семи столетий в городе Александрия процветала ученость, ревностно поддерживаемая коренными египтянами, греками и евреями. Возникла новая сила — христианство. Оно сразу же распознано в философии аристотеля враждебного врага и начало свою работу по подавлению рационального исследования и свободной мысли. Остальное нам рассказывать не нужно. Мы знаем, что происходит, когда христианство учреждает инквизиторов веры вместо исследователей знания. Мы знаем, что происходит, когда христианство использует силу вместо аргументации. В тот день, когда прекрасная и юная Гипатия, возможно, самая совершенная женщина, которая когда-либо жила, популярный лектор платонической и аристотелевской философии в Музее, где ее лекционный зал был ежедневно переполнен богатством и интеллектом Александрии; в тот день, когда на эту благороднейшую из женщин напали фанатичные и кровожадные монахи епископа Кирилла, когда последователи "религии любви" стащили ее с колесницы, раздели догола на улице, затащили в церковь, где она была разрублена на куски — где ее плоть была покрыта кровью.

очищенный от костей панцирем, а остатки брошенные в огонь; этот день ознаменовал исчезновение александрийской учености — он ознаменовал исчезновение афинской учености. Наука, столь успешная, погибла от удушья, и толкователи аристотелевской философии были вынуждены замолчать, а их литература предана погребальному костру.

Но философия Аристотеля еще не умерла. Евреи все еще жили, а с ними и труды Аристотеля. Им удалось скрыть переводы и оригинальные копии его трудов от фанатичных поборников невежества. Они впитали это в свою систему мышления. Они использовали это в своих комментариях к своим Священным Писаниям. Они пропитали этим сами свои молитвы. Они стремились примирить еврейское богословие с утонченной языческой философией. Куда бы они ни направлялись, оно направлялось, и где им разрешалось учиться, там также изучалась философия Аристотеля. То, чего они так долго желали, наконец-то было им даровано. Они стали реставраторами философии в Европе. Процветание Мавритании и Испании предоставило им возможности для непрерывного изучения и развития философии аристотеля. Вскоре мавр разделил их энтузиазм. Халифы послали специальных гонцов, чтобы забрать все, что из аристотелевской философии ускользнуло от толпы "Святого Кирилла".^[32]

Многие из них, как евреи, так и мавры, посвятили себя этой философии и внедрились обширные системы, которые они разработали. Замечательный обаяниеВэнс, которого они достигли в науках, и в других отраслях знаний, позволило им увеличить на учение Аристотеля. Новые факты, новый опыт и новые наблюдения привели их к новым и продвинутым выводам. Какими бы великими ни были искушения углубиться в какой-либо анализ их философской системы, мы не должны им поддаваться; это не является целью данного обзора. Наша цель - показать, какое влияние оказали мавританские и еврейские знания на европейскую цивилизацию. Мы видели, как она повлияла на науки и литературу Европы, и ее влияние до сих пор заметно в современной философии.^[33] Со всех концов света люди, имеющие вкус к философии, находили свой путь к мавританским и еврейским мудрецам Испании. Сам Герберт, впоследствии папа Сильвестр II, отправился в Кордову и Севилью, чтобы послушать, как мавританские и еврейские философы излагают тайны мудрости и философии, и столь выдающийся пример вскоре вошел в моду среди европейских ученых. Словно желая разделить почести поровну, и мавры, и евреи одновременно послали на философскую арену представительного чемпиона, который их объединенными трудами не только разрушил схоластику, но и заложил прочный фундамент современной философии. Выдающимся философом мавров был великий Аверроэс (Ибн Рошд, 1149-1198), чье имя до сих пор занимает почетное место на страницах истории философии, и чья система, носящая его имя — аверроизм — до сих пор признана среди философских систем мира. Типичным еврейским философом был великий Моисей Маймонид (1135-1204), величайший еврейский философ, когда-либо созданный евреями, и один из величайших, которых мир видел по сей день, чья философская система, раскрытая в его "Мор Небухим" ("Руководство для озадаченных"), все еще остается поистине величественно бессмертной.

В течение нескольких столетий мавританская и еврейская философия восхищала таких людей, в которых изучение испанского языка пробудило стремление к более глубоким исследованиям и более возвышенным мыслям, чем те, которые до сих пор предлагала Европа. Даже многие схоласты разделяли этот энтузиазм. Но сам этот энтузиазм был смертельным ударом по схолистике. Однажды проникнутый мавританской и еврейской эмпирической философией и индуктивными рассуждениями, рациональный разум больше не мог следовать софистическим учениям, которые церковь считала божественной мудростью. Эта философия потрясла старую

веру до самых ее корней, породила новые предрасположенности и подготовила путь для грядущих перемен. Это отучило людей просто верить церковному "тому, что говорят", и научило их думать, и когда люди начали думать, схоластика прекратилась, и началась Реформация, а вместе с ней и современное мышление. Рациональный разум больше не будет верить, что легенды и чудеса могут решать такие вопросы, которые являются отправной точкой философской мысли. Они больше не стали бы терпеть нелепое учение — продукт невежества и дерзости, — что вера церкви есть абсолютная истина; что вера выше знания; что вещь может быть теологически истинной, даже если она философски ложна. Они больше не будут позорить себя, продолжая тратить время и пергамент на дискуссии и трактаты, подобные этим, которым схоласты нескольких столетий посвящали сотни томов: "Сколько хоров ангелов на небесах, как они восседают и на каком инструменте играют?" "До какой температуры поднимается жар в аду?" "В чем разница между "consubstantiatio" и "transubstantiatio"?" "Какие перья были у ангела Гавриила в крыльях? Что это была за ласточка, которая вызвала слепоту Товии? Мыл ли Пилат руки с мылом, прежде чем осудить Иисуса? Было ли это адажио или аллегро, которое Давид исполнил перед Саулом? Что это была за мазь, которую Мария принесла Господу? Составлял ли плащ, за который солдаты бросали жребий, все одеяние Искупителя? Достаточно ли велика долина Иосифат для мирового судного дня?" и так далее *до тошноты*. Возник раскол. Негодованию святого Фомы Аквинского, лидера доминиканцев, не было предела, когда он увидел, как христиане упиваются мавританской и еврейской философией. Францисканцы выступали против него и всех его попыток подавить их писания. Конфликт продолжался до 1512 года, когда Латеранский собор осудил "сторонников этих отвратительных доктрин считать еретиками и неверующими", а доминиканцы, вооруженные оружием инквизиции, не замедлили заставить замолчать авероизм в Европе.

Но, хотя она и была замолчана, она жила в еврейской философии, и, как бы ни были малы ее Талмуд и Библия, никакая сила на земле никогда не была достаточно сильна, чтобы заставить замолчать. Хотя об этом и умалчивали, с помощью евреев она распространилась по всей Европе, где с такой же легкостью вошла в "Opus Majus" Роджера Бэкона, как и в учебную программу Падуанского университета. Хотя и замалчиваемый, он пронизывал эпоху Возрождения. Хотя и замалчиваемый, он лег в основу системы Спинозы. Хотя ее замалчивали с помощью еврейских философов, которые с презрением высмеивали инквизицию, ее изучали повсюду, и везде она принимала те гигантские размеры, которым суждено было просветить интеллект Европы. Хотя она и была замолчана с помощью еврейской философии, она положила начало современной философии и современной цивилизации.

ГЛАВА. XIV. В ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ВЕЛИЧИЕ МАВРОВ И ЕВРЕЕВ, ВЫЗВАННОЕ ИХ МАТЕРИАЛЬНЫМ ПРОЦВЕТАНИЕМ—ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА—НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ Во ВСЕХ ОТРАСЛЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ—ДОБЫЧА ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ По СПЕЦИАЛЬНОСТИ -МАГНИТ. МЕХАНИЧЕСКИЙ ПРИБОР "КОМПАС МОРЯКА".

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТОРГОВЛИ ПРИВОДИТ К ОБЩЕМУ ПРОБУЖДЕНИЮ ЕВРОПЫ, КОТОРОЕ ЗАВЕРШАЕТ СРЕДНИЕ ВЕКА.

Слушайте! Снова раздается скорбный звон. С большей скоростью и в большем количестве люди спешат на площадь. Процессия священников, распевая победные гимны и проклинающие молитвы, направляется к аутодафе. Жертвы молят о смерти еще жалобнее, чем раньше. Слушайте! Снова, и с еще большей тревогой, агонизирующий голос цивилизации взывает к нам: Поторопитесь, печи разогреты! Костры приготовлены! Массивные ворота мрачных темниц инквизиции открыты. Орудия пыток готовы к жестокой работе смерти. Поторопитесь, мгновений мало, соберите все, что еще можно собрать о чудесных достижениях евреев и мавров, как можно быстрее; медлите, и пламя, и меч, и дыба, и изгнание навсегда предадут забвению все знания об этом!

Давайте прислушаемся к предупреждению и кратко изложим то, что еще предстоит рассказать. Вы уже догадались о том, что мы собираемся доказать: нетленные памятники, которые мавры и евреи воздвигли своему имени и славе в искусстве и науке, в литературе и философии, свидетельствуют не только об их огромном интеллектуальном богатстве, но и об обширных материальных владениях. Везде, где усердно поощряется ученость, существует богатство, а где богатство в изобилии, там, должно быть, раньше существовали сельское хозяйство, торговля и промышленность.

Так было в Мавританской Испании. Никогда ни до, ни после Испания не наслаждалась процветанием, равным тому, которым были благословлены ее земли, когда мавританское и еврейское мастерство, трудолюбие и предприимчивость превратили ее, в разительный контраст с остальной Европой, в житницу, промышленный и торговый центр мира. Мы еще не забыли, как, когда во вступительных главах этого тома мы перенеслись на восемь или десять веков назад в мировую историю и поспешили пересечь бурную Атлантику, чтобы узнать о состоянии Европы и ее народов, как зачарованные мы стояли, когда внезапно увидели чудеса и красоты Испании, едва ли сравнимые сегодня со всей Европой. И когда мы размышляли о нынешнем положении Испании, одной из беднейших европейских стран, с ее народом, вошедшим в поговорку, ленивым и невежественным, нам приходилось снова и снова убеждать себя, что именно Испания внезапно открыла нам эти неожиданные и до сих пор не имеющие себе равных доказательства трудолюбия, образованности и культурного вкуса. Мы также еще не забыли, когда, скользя по величественному Гвадалквивиру вдоль плодородных долин, и роскошных полей, и изящных рощ, и благоухающих парков, и сверкающих дворцов, и оживленных фабрик, и беспокойных рудников, мы покидали Испанию и посещали другие страны Европы, какими унылыми, жалкими и ужасающими были сцены, которые повсюду открывались нашему взору. Нигде почти нет городов. Ничего такого, что можно было бы, даже с большой натяжкой, назвать сельским хозяйством. Повсюду непроходимые пустыни, воюющие пустоши и смертоносные болота. Жалкие лачуги без окон, труб и полов давали приют человеку и животному под одной крышей. Повсюду мужчины с убогими бородами и женщины с нечесаными волосами, перепачканными грязью, и те и другие были одеты в одежды из незагорелой кожи, которые держали на теле до тех пор, пока они не выпадали кусками сами по себе, превращаясь в отвратительную массу паразитов, вонь и лохмотьев. Повсюду бобы, вика, корни, кора деревьев и конина служили в основном средствами поддержания жизни. Нигде даже следа или подобия промышленности. Повсюду слово "коммерция" является непонятным

термином. Таково было состояние остальной Европы, когда Испания купалась в лучах чудесного процветания благодаря мастерству и предприимчивости евреев и мавров.

С самого начала оба обратили свое внимание на сельское хозяйство. Плодородные долины и роскошные поля, поросшие виноградом холмы, плодоносящие сады, цветущие медовухи и душистые пастбища Палестины красноречиво свидетельствуют о еврейском мастерстве в сельском хозяйстве. Совет, который пророк Иеремия послал еврейским пленникам в Вавилоне: "Стройте дома и живите в них, и разводите сады, и ешьте плоды их ... и умножайтесь в плену вашем, а не уменьшайтесь. Стремитесь к благополучию города, в который вас привели в качестве пленников, и молитесь об этом Господу; ибо в благополучии его вы будете процветать и обретете мир".^[34] Этот превосходный совет евреи применяли к себе и верно следовали ему, где бы они ни жили в изгнании и где бы им ни разрешалось жить в мире и способствовать благосостоянию страны. Арабо-мавры были не менее преданы этому благородному занятию. Когда их война закончилась, они перековали свои мечи на орала, а копья - на секаторы. Их девизом было: "Тот, кто сажает и сеет и заставляяет землю приносить плоды для человека и скота, сотворил милостыню, которая зачтется ему на небесах". Эти две расы посвятили себя возделыванию Испании со своей наследственной любовью к этому занятию и умелым применением опыта, который они накопили в других землях, где они жили или где они установили свою власть. Благодаря им сельское хозяйство в Испании было доведено до уровня, который до изобретения машин не был превзойден в Европе. Уже в десятом веке доход от сельского хозяйства только Мавританской Испании составлял почти 6 000 000 долларов, что больше, чем весь доход всей остальной Европы того времени. Руины их благородных работ по орошению почвы, их великие договоры об орошении и посевах, улучшенных породах скота, прививках и садоводстве, а также их свод законов, регулирующих сельское хозяйство, которые все еще существуют, все еще свидетельствуют об их мастерстве и трудолюбии и позорят невежество и леность их испанских преемников. В Европу были завезены и успешно культивировались многие растения, которые после изгнания евреев и мавров и открытия Америки Испания утратила и которыми пренебрегали, такие как рис и сахарный тростник (*сухар*), как они его называли, шафран и тутовые деревья, имбирь, мирра, бананы и финики. Испанские названия многих растений указывают на их происхождение, а некоторые дошли даже до нас, например, абрикос из "*альбарик аке*", артишок из "*алька чофа*", хлопок из "*аль Годон*".^[35] Они подарили Хересу и Малаге их знаменитое вино, которое сохранило свою репутацию по сей день.

Они также усердно поощряли горнодобывающую промышленность. Испания была и остается страной, богатой металлами. Ее спрятанные сокровища уже были известны финикийцам, карфагенянам и римлянам и добывались ими с большой прибылью. Золото и серебро для храма Соломона поступало через Хирама из Тира из Фарсиса, который находился на юге Испании. Но наступили темные века, а с ними и всеобщая лень Европы. Когда мавры вторглись в Испанию, древние рудники по большей части были заброшены. Они возродили это производство, и с усердием, о котором лучше всего свидетельствует существование на сегодняшний день 5000 мавританских шахт, отличающихся от прежних тем, что они квадратные, а не круглые, только в одном районе (Хаэн) было найдено золото в больших количествах, и оно было одним из ведущих предметов их производства и экспорта. Они дали нам арабское слово "*карат*", которое мы до сих пор используем, говоря о качестве золота. Они открыли неисчерпаемую жилу ртути, которую они разрабатывали с большой прибылью и с таким мастерством, что она до сих пор образует крупнейшее месторождение в мире, добывая все еще половину используемой в

настоящее время ртути, и, будучи государственной монополией, только этот остаток мавританского и еврейского мастерства и промышленности все еще приносит годовой доход в размере 1 250 000 долларов. В дополнение к ним в большом количестве добывались свинец, медь, железо, квасцы, красная и желтая охра. Драгоценные камни также были в большом изобилии — берилл, рубин, золотой марказит, агаты, гранаты. Жемчуг находили на побережье недалеко от Барселоны. В горах непрерывно добывались строительные камни, мрамор и яшма всех цветов.

Обрабатывающая промышленность не отставала в своем успехе от горнодобывающей и сельскохозяйственной. Вместе с евреями в Европу пришли знания о культуре производства шелка, и с помощью мавританского мастерства производство шелка стало одной из ведущих отраслей промышленности и одним из самых прибыльных экспортных товаров. Вся Европа и большая часть Азии и Африки обращались к евреям и маврам Испании за их прекрасными тканями из шелка, хлопка и шерсти, за всеми чудесами ткацкого станка и искусными и тонкими узорами филигранной работы из золота и серебра. Мусульманское ковроткачество достигло того совершенства, которое сохранилось до наших дней.

Они делали стекло из кремнистой глины и использовали его для изготовления сосудов, а также для глазурования тех прекрасных плиток, которыми до сих пор славится Валенсия, называемых *azulejos*, которые они использовали для отделки полов и обшивки панелей. Лучшую кожу выделывали евреи и арабо-мавры в Кордове, и поэтому испанская кожа до сих пор называется *Кордовской*, что дало английским сапожникам название "Кордвейнеры". Все еще знаменитая "сафьяновая" кожа — секрет ее изготовления был перенесен в Марокко после их изгнания из Испании — и по сей день свидетельствует о мавританском и еврейском мастерстве в этой отрасли промышленности. "Толедский клинок", знаменитый в прошлом и знаменитый до сих пор, изобретение и обильное и прибыльное производство хлопчатобумажной и льняной бумаги, это благословенное благо цивилизации, которое единственное сделало возможным и полезным печатный станок, внедрение пороха и артиллерии, магнита и компаса моряка, механических и научных устройств и инструментов, - все это и многое другое до сих пор красноречиво говорит о мавританской и еврейской промышленности в Испании, и, что еще красноречивее, они рассказывают историю испанской неблагодарности. [36]

Такое усердие и успехи в сельском хозяйстве и промышленности неизбежно делали торговлю очень активной и прибыльной. Порты кишели торговыми судами. Евреи и мавры Испании содержали торговый флот из тысяч кораблей. У них были свои фабрики, склады и консулы во всех промышленных центрах. Их экспорт был очень велик.

Евреи, вынужденные скитаться по белу свету, приобрели самые совершенные географические знания, которыегодились им и сейчас. Именно благодаря им в Европе стало известно о существовании мыса Доброй Надежды. Именно благодаря Аверроэсу внимание Колумба было привлечено к его теме поиска короткого пути в Индию. Их торговля открыла волну открытий с помощью мореплавания. Мавританская и еврейская промышленность искала иностранные рынкии тоже нашла их - от Азорских островов до внутренних районов Китая, от Балтийского моря до побережья Мозамбика и, в конечном счете, от королевства Гранада до нового света. Гранада, особенно по словам историка, стала общим городом всех народов. Репутация его граждан в плане надежности была такова, что на их голое слово полагались больше, чем на

письменный контракт, к которому католический епископ добавляет: "Мавританская честность - это все, что необходимо, чтобы стать хорошим христианином".[37]

Положение мавров и евреев Испании в промышленности можно, следовательно, кратко резюмировать следующим образом: возникло невиданное ранее процветающее состояние торговли, и с тех пор в южной части Европы ему не было равных. Все дальше и дальше эта торговля продвигала свои интересы, и все более оживленными становились отрасли промышленности дома, и все больше и больше росло их богатство. Постепенно остальная Европа пробудилась от своей летаргии. Мавританский и еврейский труд вдохнул жизнь и амбиции в его жителей. Италия, Португалия, Франция и Англия начали конкурировать. Потребовались новые рынки. Последовали новые открытия, и с наступлением всеобщей активности и процветания, а также с образованием, которому это способствовало, рассеялся туман невежества, средневековые исчезли, и на мировой арене появилась современная история. Столь великолепными были результаты мавританской и еврейской промышленности. О том, как Европа вознаградила их за все их труды, пусть расскажут следующие главы.

ГЛАВА. XV. ИНКВИЗИЦИЯ.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС ЕВРЕЕВ И МАВРОВ СМЕНИЛСЯ ФИЗИЧЕСКИМ УПАДКОМ—ЭТОТ УПАДОК СТАЛ ПРИЧИНОЙ ИХ ПАДЕНИЯ—ИСПАНЕЦ СНОВА ПРАВИТ ИСПАНИЕЙ—УСТАНОВЛЕНА ИНКВИЗИЦИЯ—ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ ЭТОГО, ЕВРЕИ СТАНОВЯТСЯ "НОВЫМИ ХРИСТИАНАМИ"—ХРИСТИАНСТВО ЕВРЕЯМ НЕ ПОМОЖЕТ—ТОМАС ДЕ ТОРКВЕМАДА—ПЫТКИ ИНКВИЗИЦИИ—ПУБЛИЧНОЕ СОЖЖЕНИЕ.

Физический упадок следует за умственным развитием. Нация, посвятившая себя обучению, - это не та нация, которая поклоняется военной жизни или занятиям войной. Когда мусульмане приступили к предприятию по приобретению обширных территориальных владений, было мало наций, если таковые вообще были, которые могли устоять перед ними; когда они были нацелены на интеллектуальные приобретения, в Европе не было столь бедной армии, которая не смогла бы их свергнуть. Военные и патриотические доблести мавров-арабов постепенно угасали. Их первоначальная простота была заменена экстравагантностью восточной роскоши, а их ранняя приверженность мусульманской вере сильно пострадала от их философских и научных изысканий.[38] Междоусобные войны между собой ускорили их упадок. Все быстрее и быстрее их некогда непобедимая власть ускользала из их рук. Все быстрее и быстрее продвигались вперед испанские хозяева. Арабо-мавр и испанский христианин встретились, наконец, на равнинах Лас-Навас (1213), и великое поражение, которое потерпела здесь мусульманская армия, ознаменовало начало рокового часа. Город за городом, провинция за провинцией, они были вынуждены сдаваться. Наконец, все было потеряно, за исключением Гранады, которая в одиночку представляла мусульманское владычество на полуострове. И какое-то время казалось, что этот благородный город, Альгамбра, гордость мавров, не только

будет представлять мусульманские владения и остановит победоносное наступление испанских войск, но и вернет себе все, что было потеряно.

Но древняя доблесть пробудилась слишком поздно. Фердинанд Арагонский женился на Изабелле Кастильской. Две самые могущественные короны и армии объединились, и вместе они двинулись на город Гранаду.

Гранада капитулировала. Второго января 1492 года последний и злополучный король мавров Боабдил (Абу Абдиллах) встретил Фердинанда и его спутников у входа в Альгамбру и, вручая ключи от города, произнес громким голосом с печальным акцентом:

"Мы принадлежим тебе, о могущественный и возвышенный царь; это ключи от этого рая. Мы отдаем в твои руки этот город и королевство, ибо такова воля Аллаха, и мы верим, что ты воспользуешься своим триумфом с великодушием и милосердием".

"Мы верим, что ты воспользуешься своим триумфом с великодушием и милосердием". Было ли у Боабдила предчувствие того, как позорно победитель воспользуется своим триумфом? Действительно ли он ожидал, что на его призыв к великодушию и милосердию будет дан положительный ответ? Если так, бедный Боабдил, тщетна твоя надежда, глупо твое доверие. Тот час, когда христианский *крест* заменил мусульманский *полумесяц* на башне Альгамбры, тот час, когда христианство снова единолично правило на полуострове, ознаменовал кульминацию в истории жестокостей и человеческих страданий. Этот час, хотя и самый светлый в правлении Фердинанда и Изабеллы, был самым роковым для Испании, самым жалким для Европы, самым неудачным для цивилизации и самым пагубным для евреев.

В течение всех этих неудачных лет борьбы за господство между мусульманским и христианским воинствами евреи не были забыты. Какой бы печальной ни была участь мавров, участь евреев была невыразимо более несчастной. Мавры были завоеваны солдатами, евреи - монахами. Мавры сражались против вооруженных сил Испании, евреи были бесчеловечно истреблены "ополчением Христа". Мавры страдали от мук войны, а евреи корчились в агонии под пытками инквизиции.

Инквизиция! Кто может произнести это отвратительное слово без содрогания! Кто может думать об этом кроважном учреждении без вздоха облегчения оттого, что оно больше не существует! Какой еврей может думать об этом с сухими глазами, не вознося своего сердца к Богу в благодарности за то, что этого смердящего кровью трибунала больше нет!

Инквизиция! Кто знает ее значение лучше, чем евреи? Какой народ принес на ее кровавые алтари большую жертву, чем они? Кто описал это лучше, чем еврей, *Самуэль Уск*, еврейский поэт, чья лира умолкла и чья жизнь была вырвана из его тела пытками из-за того самого института, который он так красноречиво и правдиво описывает? "Из Рима, - говорит он, - в нашу среду пришло чудовище, самое чудовищное, самое свирепое и самое мерзкое. Сам его вид вселяет ужас в каждую душу. Когда он поднимает свой пронзительный, шипящий, клокочущий голос, вся Европа содрогается. Его тело сделано из смеси самой твердой стали и самого

смертоносного яда. По силе, способности к убийству, размерам и скорости он превосходит самого свирепого из львов, самую ядовитую из змей, самого высокого из слонов и самого быстрого из орлов. Сам его голос убивает быстрее, чем укус василиска. Из его глаз исходит огонь, челюсти выдыхают пламя. Он питается только человеческими телами. Куда бы оно ни пришло, и хотя солнце светит в своей полуденной яркости, сразу же наступит самая густая тьма. В его присутствии каждая травинка, каждый цветок и распускающееся дерево - все вянет и погибает. Где бы он ни проходил, его зловоние превращает плодородные долины, роскошные поля и веселые луга в бесплодные пустыни и воюющие пустоши. Это называется *Инквизиция*.

Он родился в начале тринадцатого века. Фанатизм был его матерью; его отцом был святой Доминик, который также был отцом Доминиканского ордена, и поэтому инквизиция и доминиканские монахи были кровными братьями, и они были "par nobile fratrum", благородной парой братьев. Крестным отцом этого был папа Иннокентий III. Я полностью сочувствую всем гуманитариям прошлого и настоящего в их усилиях отучить людей от пагубной веры в существование Ада, но я не могу согласиться с их утверждениями о том, что Ада никогда не существовало. Ад действительно существовал, не на глубине 10 000 лье под землей, а на самой ее поверхности. Ад существовал везде, где жила инквизиция. И дьяволы там тоже были, и звали их "Доминиканские монахи". Это свирепое дитя-зверь пришло в этот мир с миссией: выявлять, наказывать и подавлять ересь, Свободомыслие и все религиозные верования, кроме Церкви Святого Петра. Под присмотром доминиканцев и обучением он рос и процветал и быстро научился неустанно выполнять свою миссию. Его сердце было убито, совесть подавлена. Его никогда не учили значению слов "жалость" и сострадание.

Едва оно достигло полного расцвета, когда начало свою кровавую карьеру, длившуюся 600 лет проклятой жизни, с жесточайшего правления террора в южных провинциях Франции, где ощущались присутствие и сила еретиков *альбигойцев* и где мавританская и еврейская цивилизация из-за Пиренеев дала о себе знать. Царство террора прекратилось с истреблением почти всего населения.

Наконец он добрался до Испании, и в этой стране его карьера приобрела столь печальную известность, что его свирепые деяния, записанные в анналах истории кровавыми и огненными буквами, не затмеваются совокупной жестокостью всего человечества. Здесь жили и процветали тысячи и тысячи евреев. Когда ведется священная война против неверных мавров, уйдут ли неверные евреи невредимыми? Когда Пресвятая Дева увенчает их рвение к вере, даруя им победу за победой над маврами, не разгневается ли она, если евреи спасутся бегством? Когда мавры окажутся на острие меча, разве евреи не будут преданы огню?

Жестокости инквизиции были не первыми, которым подверглись евреи. Вторая серия их страданий в Испании началась в тот день, когда христианские войска разгромили мавританскую армию на поле боя. Терпимость, которую мавры могли позволить себе предложить евреям, Религия Христа предложить не могла. В Арагоне и Кастилии не было редкостью наблюдать, как фанатичное население, подстрекаемое не менее фанатичным духовенством, яростно нападало на этот несчастный народ, не виновный ни в каком другом преступлении, кроме как в содействии процветанию Испании и приверженности унаследованной вере, — врывалось в их дома, оскверняло их самые сокровенные святилища и тысячами предавало их неизбирательной резне, независимо от пола или возраста. Ненависть к евреям на протяжении многих веков была верным показателем благочестия христиан. Против

них были приняты жестокие законы. Им было запрещено свободно общаться с христианами, заниматься ремеслами, для которых они лучше всего подходили в силу своего высокого интеллекта и бережливости. Их проживание было ограничено определенными предписанными пределами городов, в которых они проживали. Они подвергались постоянному общественному презрению, будучи вынужденными носить особую одежду, на которую был нашит их позорный знак. Даже при казни их клеймили, долгое время их вешали между двумя собаками, причем головой вниз.

Им был дан выбор избежать этих страданий и деградации, приняв "религию любви ко всем людям". Тысячи и тысячи евреев воспользовались этой единственной альтернативой и стали притворными новообращенными, или "новыми христианами", как их называли. Позже они сильно пожалели об этом изменении, но сейчас это казалось им почти оправданным шагом. Предыдущие главы познакомили нас с характером испанских евреев, с их высокими интеллектуальными достижениями, с их возвышенным поведением, с их высоким социальным и политическим, промышленным и коммерческим положением. Подумайте о том, что их сейчас попросили пожертвовать всеми этими преимуществами, потому что железные руки и железное сердце грубой силы священников так хотели этого. Чувствовать то, что они, должно быть, чувствовали, когда их попросили обменять свои элегантные особняки на жалкие лачуги гетто; сбросить свои шелковые одежды и изящные, красивые и дорогостоящие украшения и облачиться в постыдный габардин; бросить бразды правления мировой торговлей, которые они держали в своих руках, а вместо этого взвалить на спину рюкзак и скитаться от дома к дому, становясь объектом насмешек и позора, глумлений и жестокого обращения. Думайте так, как они, должно быть, чувствовали и о чем думали, и вы будете менее сурово относиться к их притворной смене веры.

Какое-то время все казалось светлым. "Обращенные" были особенно почитаемы. Их назначали даже на высокие церковные и муниципальные должности; их сыновья и дочери выходили замуж за представителей знатных и даже королевских семей.

Однако несколько капель крещенской воды не изменили характера евреев. Их процветание было таким же большим, как и прежде, и, в отличие от доверчивых и суеверных испанцев, они не видели никаких причин, по которым они должны расточать свои мирские блага Церкви. Они предпочитали сами "заботиться" о себе и сами "молиться" за свою душу. В этом было их преступление. Их выдающиеся навыки и трудолюбие, огромные богатства, которые обеспечивали эти качества, и их высокое положение в общине вызывали зависть и алчность священнослужителей. Таким образом, возникло обвинение в том, что новообращенные вернулись к своей старой вере.

Обвинение не было необоснованным. Верность Церкви была верностью по принуждению, и это никогда не было ничем иным, кроме замаскированной внешней верности. Сердце, душа, совесть, разум продолжали быть еврейскими, и так же пылко, как когда-либо прежде. Это "скандальное зрелище отступников, возвращающихся погрязнуть в древней трясине иудаизма", было предлогом, с помощью которого доминиканцы забили тревогу. И инквизиция пришла, чтобы вылечить их от скольжения назад.

Кастилия, королевство Изабеллы, до тех пор отказывалась принимать инквизицию. Одно время было рекомендовано ее введение, и все население подняло восстание. Сама Изабелла задрожала при одном упоминании об этом. Но в недобрый час *Томас де Торквемада*, "приговоренный к позорному бессмертию за главную роль, которую он исполнил в трагедии "Инквизиция"", стал ее духовником. Этот человек — если я могу называть его "человеком", — это самое мерзкое пятно на истории религии, Испании, цивилизации, был воплощенным дьяволом. Само его имя до сих пор олицетворяет превосходную степень маниакального фанатизма. Он усердно трудился, чтобы вселить в чистый разум благородной Изабеллы такой же дьявольский фанатизм, как и у него самого. И все же ее отвращала мысль о введении чудовищного института резни в ее владениях. Торквемада взвалил тяжесть всей церкви на ее совесть, и все же она отказалась. Злодей еще не был сбит с толку. Он повлиял на ее мужа, хитрого и жадного Фердинанда Арагонского, чтобы тот отстаивал свое дело. Муж одержал верх.

2 января 1481 года инквизиция начала свою деятельность в городе Севилья, во главе с Томасом де Торквемадой в качестве генерального инквизитора Кастилии и Арагона. Несколько лет спустя она проникла во все известные города Испании и повсюду почти полностью ограничивалась евреями. О его суровости и дикой оперативности лучше всего можно судить по ужасающему факту, что в течение восемнадцати лет служения Торквемады в среднем более 6000 осужденных человек ежегодно страдали от этого жестокого трибунала путем сожжения, или осуждения на пожизненное рабство, или бесконечных пыток, что составляло в среднем почти семнадцать человек в день, а общее число наказанных за время его существования в Испании с 1481 по 1808 год составило 340 000 человек.[\[39\]](#)

Все это для защиты интересов религии. Все это из-за проступков настолько тривиальных, что наша кровь вскипает от негодования при одной мысли о чудовищной жестокости. Было достаточно сжечь "новообращенного" как рецидивиста—еретика по простому обвинению в преступлениях, подобных этим: в том, что в еврейскую субботу он носил лучшую одежду или более чистое белье, чем в другие дни недели; что в еврейскую субботу в его доме не разводили огонь; что он ел мясо животных, забитых евреями; что он воздерживался от употребления свинины; что он дал своему ребенку еврейское имя — и все же закон запрещал ему, под суровым наказанием, давать христианское имя - что в День Искупления он попросил прощение; что он возложил руки в благословении на голову своего ребенка без крестного знамения и множества других, столь же безобидных. Большинство обвинений даже не доказывали рецидива, их соблюдение было, по большей части, либо чисто случайным, либо результатом ранней привычки, либо, что чаще всего имело место, чистой выдумкой. Лучшего шанса отомстить еврею не существовало. Простого обвинения, даже анонимного, было достаточно. Для обвиняемого не было защиты от злого умысла; не было встречи с обвинителем, который, возможно, был его злейшим врагом; не было суда; не было перекрестного допроса; не было правосудия. Его арестовали и препроводили в тайные камеры инквизиции, где, отрезанный от мира, он оставался, иногда месяцами, в полном неведении о характере выдвинутых против него обвинений. Оказавшись там, к нему вполне могут быть применены знаменитые слова Данте: "*Ласкайте огни особой войны*". "Оставьте всякую надежду, вы, кто входит сюда".

Наконец-то его вызовут к инквизиторам и попросят признаться. И хорошо для него, если он признает себя виновным. Это правда, он будет осужден, но он избежал пыток, которые почти невозможно вынести, и которые вскоре вынудят к признанию, правдивому или

неправдивому, или которые, даже если они будут перенесены, не смогут спасти его, поскольку он, тем не менее, будет осужден в силу позиции обвинителя.

Я избавлю вас от рассказа о пытках, о страданиях, перенесенных в самых глубоких подвалах инквизиции, где крики жертв не могли долететь ни до чьего уха, кроме ушей мучителей. Трудно осознать, что эти прихвостни с железным сердцем и железными руками, которые так жадно, страстно, с не знающей пощады жаждой крови, с никогда не устающим рвением посвятили всю свою жизнь жестокостям, подобным тем, с которыми мы сталкиваемся здесь, могли бы быть людьми, не говоря уже о служителях Христа. Я пощажу вас и избавлю себя от рассказа об этих страданиях. Я не буду говорить о пытках дыбой и веревкой, огнем и водой, о том, как у жертв вывихивались суставы, как ломалась каждая кость в их теле, как тело поджаривалось на медленном огне. Я не могу говорить об этих пытках. Я могу только отсылать вас к *"Истории инквизиции"* дона Хуана Антонио Льоренто, записи которого являются подлинными, поскольку он сам был секретарем инквизиции; или к *"Церковной истории"* Мосхайма, или к *"Фердинанду и Изабелле"* Прескотта, том I, глава VII. Претерпеть все эти пытки и остаться в живых считалось положительным доказательством сатанинской жизни и самым веским основанием для сожжения. Почти все признают себя виновными в том, в чем их обвиняли, и даже в большем, после короткого опыта с дыбой. И признание привело к публичному сожжению.

Это была последняя сцена кровавой трагедии, столь ошибочно названной "Auto De Fe" ("Акт веры"). Это был торжественный день для города, в котором это происходило. Самые гордые вельможи страны сопровождали церковных приспешников. Семья ройяредко пропускала эту помпезную церемонию и нередко подбрасывала хворост в пылающий костер собственными руками. Военный эскорт вел несчастных жертв, одетых в грубые желтые одежды под названием "сан-бенитос", украшенные алым крестом, отвратительными фигурами дьяволов и языками пламени. И они представляли собой ужасный вид: истощенные, израненные, искалеченные, ошеломленные светом и свежим воздухом, которых им не хватало месяцами.

Погребальный костер разожжен. Языки пламени взмываются вверх. Жертвы корчатся в агонии.

Lo! поднимается свирепый ветер. На мгновение он сдувает пламя с тел. Говорит одна из жертв. Это Антонио Джозеф, знаменитый еврейский писатель и драматург-классик Португалии, исполнение его драматических произведений вызывает слезы даже по сей день. Так говорит почтенный мудрец:

"Я признаю, что принадлежу к вере, которую вы сами признаете Божественным происхождением. Бог возлюбил эту религию, и Он, по моему убеждению, все еще привязан к ней, в то время как вы думаете, что Он перестал быть таковым; и поскольку ваша вера отличается от моей, вы осуждаете тех, кто придерживается мнения, что Бог продолжает любить то, что Он любил раньше. Вы требуете, чтобы мы стали христианами, и все же вы сами далеки от того, чтобы быть христианами. Будьте, по крайней мере, мужчинами и ведите себя по отношению к нам так разумно, как если бы у вас вообще не было религии, которая руководила бы вами, и никакого откровения для вашего просветления". *"Оссейтаро барбаро"* ("подстриги ему бороду"), - кричат зрители, и тут же один из палачей при посредничестве длинной щетки смазывает свою почтенную бороду смолой и скипидаром и поджигает ее. Еще один крик: *"Шма, Исраэль, Адонай Элахену, Адонай Эхад"* ("Услышь, о Вечный Израиль, наш Бог Един"), и пламя

сделало свое дело под восторженные аплодисменты зрителей и благочестивые восклицания: "Да будут навеки благословенны доброта и милосердие Святой Инквизиции. Благословенна Святая Троица, сестра Девы Марии". Ни слезинки среди зрителей. Отец, мать, муж, жена, ребенок, родственники, друзья - все являются очевидцами этого кровавого жертвоприношения, и все же от них не исходит ни вздоха сожаления, и они не смеют отсутствовать, и они не смеют воздержаться от аплодисментов, которые навлекли бы на них подозрение и обрекли их на подобную участь. Конфискация имущества осужденных положила конец скорбной трагедии.

Таковы были милосердие и великодушие, о которых умолял Боабдиль, последний из мавританских королей. Хвала Богу, ныне и присно, который освободил нас от милосердия и щедрости Церкви.

Антонио Джозеф да Силва.

Auf dem Platze St. Domingo,
Vor der grossen Klosterkirche,
Harrt gespannt die wueste Menge,
Auf die Scheiterhaufen blickend.
Aus den Fenstern lugen Frauen
In den hellsten Festgewaendern,
Und es blitzen die Juwelen,
Um den Gottestag zu ehren.
Gilt es doch Antonio heute,
De sie ihren Plautus heissen,
Gilt es doch dem fruehern Liebbling
Letzte Ehre zu erweisen.
Der beschuldigt eines Rueckfalls
In den alten Vaterglauben
Ihn will nun das Volk verlaeugnen,
Ihn im Flammentode schauen.

Er, der sie mit seinem Spiele
Oft geruehret und ergoetzet,
Heute wollen die Gemeinen,
An ihm selber sich ergoetzen.
Хоръх! schon toent die duestre Glocke,
Welche grauenvoll verkuendet,
Dass die Stunde war gekommen
Fuer den unbeugsamen Suender.
Alles gafft jetzt nach der Strasse,
Welche zu dem Platze fuehret
Und mit Schaekern und mit Spaessen
Sucht man sich die Zeit zu kuerzen.
Schau! da kommen sie die Schwarzen,
Die den Koenig stolz umgeben,
Schau! da kommen auch die Frevler,
Welche heute man verbrennet.
Demuthsvoll ist ihre Haltung,
Und mit flehentlichen Mienen
Suchen sie wohl noch Erbarmen,
Ob sich nicht noch Mitleid finde?
Nur Antonio schreitet sicher
Und gefasst zur Richtestaette,
Ob er auch im Buesserkleide
Und sein Antlitz abgehaermet.
Nochmals wiederholt der Koenig
Zarte Worte an den Dichter,
Dass er noch in letzter Stunde
Seiner Seele Heil gewinne.
"Loes dich los von jenen Schaaren,

Die gekreuzigt den Erloeser,
Loes dich los von den Verstockten,
Deren Weg nur fuehrt zur Hoelle!"
"Wenn" entgegnet sanft Antonio,
"Wenn in Gottes Plan gelegen
Seines Sohnes Kreuzesleiden,
Um die Menschen zu erloesen.
Warum hasset ihr dann Jene,
Die den Gottesplan vollzogen?
Warum hasset ihr dann Jene,
Die gethan was Gott gewollt?"
Wohlgeneigt vernimmt der Koenig,
Wie der Dichter ihm erwidert,
Und es schien sein Herz zu ruehren,
Als er auf Antonio blickte.
"Deine Rede lass ich gelten
Und vergeben sei den Moerdern,
Doch, nun glaub' auch an den Meister,
Wolle dich uns zugesellen."
Aber unser Dichter wuerdigt
Nun den Koenig keiner Rede,
Da sich seine Seele ruestet,
Vor den Herrn der Welt zu treten.
Wuethend riss man von den Fingern
Ihm die Haut und dann die Naegel,
Still erduldet er die Qualen,
Laesst die Henker still gewaehren.
Eh' den Holzstoss er bestiegen,
Wendet er sich zu dem Volke,

Seinen Glauben zu verkuenden,
Zu lobsingen seinem Gotte.
"Ew'ger Hort, dein Thun ist grade;
Recht sind alle deine Wege,
Dir allein will ich vertrauen,
Meine Seele dir empfehlen,
Du, vollkommen, ohne Zweiten,
Warst noch eh' die Welt erstanden,
Und in alle Ewigkeiten
Wird regieren nur dein Name!
Hoert mein letztes Wort, ihr Tauben,
Hor' es, Israel, mein theures;
Unser Gott, er ist der Ew'ge,
Unser Gott ist ewig, einzig!"
Wie empor die Flammen zuengeln,
Wie empor sie knisternd flackern,
Abzuwehren mit dem Tuche,
Sucht Antonio die Flammen.
Da taucht einer jener Henker,
In das Pechfass einen Besen,
Kreist ihn um den Bart Antonios
Fuer die gluehend muth'ge Rede.
Wie der Schrei die Luft durchzittert!
Wie jetzt selbst das Volk erbebet!
Schauer malet jedes Antlitz,
Dem noch eigen eine Seele.
Wer sind jene beiden Frauen,
Die verzweiflungsvoll sich kruemmen
Ach, es ist Antonios Gattin!

Ach, es ist Antonios Mutter!
Die man teuflisch hat gezwungen,
Diesem Schauspiel beizuwohnen,
Ob vielleicht ihr Sinn sich aendre
Vor dem Zorngerichte Gottes?
Jetzt sieht man auch Maenner weinen,
Und beim Fortgeh'n sprach ein Alter:
"Wahrlich, der gleicht jenen Helden,
Die fuer ihren Glauben starben.
Ob man sie an's Kreuz geschlagen,
Oder ob man sie vergiftet,
Dieser Mann steht neben Jenen,
Die man feiert und verhimmelt."
Jener Bau der Glaubensrichter
Ist verschwunden von dem Boden
Lissabons und ein Theater
Hat die Staette sich erkoren.
Hoheitsvoll blickt auf Domingo
Dieser heitre Musentempel,
Der den Lorbeer ewig wahret
Allen, die gedient dem Schoenen!

ГЛАВА XVI. ИЗГНАНИЕ ЕВРЕЕВ.

ТОРКВЕМАДА ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ О НЕМЕДЛЕННОМ ИЗГНАНИИ ВСЕХ НЕОБРАЩЕННЫХ ЕВРЕЕВ.—РОКОВОЙ ЭДИКТ.—ИСПАНЦЫ ПРОНИКЛИСЬ ЖАЛОСТЬЮ.—ДОН ИСААК АБАРБАНЕЛЬ УМОЛЯЕТ КОРОЛЕВУ.—КОРОЛЕВА КОЛЕБЛЕТСЯ.—ТОРКВЕМАДА, ДЬЯВОЛ, СНОВА ПОБЕЖДАЕТ.—НЕСЧАСТНЫЕ ЕВРЕИ ИЩУТ У МЕРТВЫХ ЖАЛОСТИ, В КОТОРОЙ ОТКАЗЫВАЮТ ЖИВЫЕ.—ОТЪЕЗД.

Со слезами на глазах и обливающимся кровью сердцем мы видели, как изображалась скорбная и трагическая судьба евреев и мавров в Испании. Мы были невольными свидетелями страданий и жестокости, которым, как мы знали, никогда не было равных, и мы думали, что их никогда нельзя превзойти. Мы думали, что стали свидетелями апогея маниакального фанатизма. Мы подумали, что Томас де Торквемада вполне мог бы сейчас почивать под лаврами позорного бессмертия, которое он завоевал для себя, и отныне сосредоточить свое неистовое рвение на религиозных усилиях, менее жестоких и безжалостных. Мы думали, что теперь, когда Испания полностью победила мавров, унизила евреев, успешно научила "новообращенных" евреев самой "жгучей" любви к христианской вере посредством безжалостного трибунала инквизиции, теперь, когда жадность, фанатизм, порочность и амбиции были удовлетворены, мы думали, что Фердинанд и Изабелла останутся в своей безжалостной карьере, останутся достаточно надолго, чтобы взглянуть на ужасные бедствия, которые они причинили королевству и невинным людям, и поспешат вернуться к жизни. чтобы исправить их привычки и исправить их великие ошибки.

Для нас было естественно так думать. Опыт человечества показывает, что реакция, сопровождаемая раскаянием, всегда следует по пятам за безудержной яростью; что великодушие и милосердие, какими бы яростными ни были свирепые штормы, толкнувшие их на дикую жестокость, будут искать и вновь обретут свое невозмутимое спокойствие. Именно поэтому мы пребываем в ужасе, наблюдая очередную зверскую бесчеловечность Торквемады. По правде говоря, он не человек, а дьявол, ибо к нему неприменимы принципы, которыми руководствуются человеческие существа. Для него не существует реакции и раскаяния, великодушия и милосердия. Там, где самые жестокие из жестоких трепещут при одной мысли, он действует спортивно и хладнокровно. Там, где другие опускают свое смердящее кровью оружие в уверенности, что они достигли, наконец, вершины преступления, он бессердечно продвигается вперед, как по простым ступенькам к грядущим гораздо большим жестокостям. Он знал, почему теперь опасался покушения. Он знал, почему теперь обеспечил себе эскорт из пятидесяти всадников и двухсот пехотинцев. Он собирался совершить преступление, которое должно было отбросить в тень все, что он совершал до сих пор.

Судьба мавров была решена. Инквизиция проредила ряды "обращенных" евреев. Необращенные евреи, они, которые предпочли унижение крещению; они, которые предпочли поселиться в своем жалком жилище униженных изгоев на предписанных окраинах городов, чтобы притворяться приверженцами веры, которую их сердца ненавидели; они, которые с необычайной покорностью пожертвовали всем, что честно заработали честным трудом, и надели одежду позора, и следовали унижительному призванию, навязанному им жестокими

законами, и повсюду кротко терпели неспровоцированные насмешки, оскорбления, бесчинства, нападения, с ними нужно разобраться сейчас. Торквемада принял решение, и для него это решение было равносильно исполнению, что в Испании солнце не должно светить никому, кроме чистых католиков, что атмосфера Испании больше не должна быть осквернена присутствием евреев; что никто, кроме "благочестивых" христиан, не должен ступать на ее святую землю. Он решил навсегда изгнать евреев. Они уже давно забивали колеса его триумфальной машины. Он знал, что между "обращенными" и необращенными евреями существовало тайное общение. Он знал, что новообращенные евреи снова впали в иудаизм главным образом из-за их религиозного влияния. Он знал, что они обеспечивали духовно и физически обнищавшие и заклеянные семьи тех представителей своей расы, кого инквизиция сожгла и чье имущество конфисковала. Он знал, что, несмотря на строгие меры и доминиканских шпионов, обращенные и необращенные евреи встречались в подземных пещерах, вместе советовались, поклонялись и утешали друг друга. Наконец-то он нашел лекарство. Он знал средство, которое навсегда устранит закупорку. Он советовал немедленно изгнать всех необращенных евреев.

В 1492 году, в год, когда Колумб открыл новый свет, в год, когда еврейский моряк из команды Колумба впервые ступил на девственную землю западного полушария,^[40] странная случайность, в том же году Испания открывает обширные владения, которым суждено стать страной свободных, благословенным убежищем для политически, расово и религиозно преследуемых; в том же году, в 1492 году, она открывает двери своего дома только для того, чтобы безжалостно, жестоко изгнать сотни тысяч безобидных, трудолюбивых, интеллигентных людей. , закрывает за ними ворота и держит их на засове почти четыреста лет.

30 марта 1492 года испанские монархи подписали в Гранаде указ об изгнании евреев из Испании. Торквемада одержал победу. Он победил угрызения совести короля, королевы и вельмож. Эдикт, составленный и защищаемый им, был принят, и верное исполнение его он взял на себя. Герольды провозгласили на углах улиц каждой деревни, поселка и города Испании, что все необращенные евреи, независимо от пола, возраста или состояния, должны покинуть королевство до истечения четырех месяцев и никогда не возвращаться в него, ни под каким предлогом, под страхом смертной казни, что все, кто останется в королевстве по истечении четырех месяцев, будут преданы смерти, а также все подобные христианские подданные, которые приютят, помогут или позаботятся о нуждах любого еврея, по истечении срока, установленного для его отъезда; что евреи распоряжаются в королевстве всем, что у них есть. тем временем они распоряжаются своим имуществом, насколько это возможно, но им запрещено, под страхом смертной казни, иметь при себе золото или серебро на момент их отъезда.

Несчастные евреи! Это была напрасная надежда, когда, видя небо, злое от сожжения ваших братьев на *кемадерос* (местах сожжения еретиков), вы думали, что чаша ваших страданий наконец-то переполнилась. Это была напрасная надежда, когда, думая о неоценимых услугах, которые вы оказали Испании, вы думали, что ее народ не сможет обрушить еще большие бедствия на ваши невинные головы. Несчастные евреи! Вы не думали о Торквемаде, дьяволе, когда с любовью лелеяли эти надежды.

Когда указ зачитывали на углах улиц и на перекрестках, слова, выражающие смертный приговор, вселяли ужас в сердца осужденных:

"Так в сердца людей проникли слова оратора.

Мгновение они стояли молча в безмолвном изумлении, а затем встали

Все громче и мучительнее раздается вопль скорби". * *

— *"Евангелина" Лонгфелло.*

Сводящая с ума мысль. Обезумев, они метались туда-сюда. Крики ужаса и отчаяния пронзили воздух. Сьерра-Морена на юге и Пиренеи на Севере вторили душераздирающим воплям раненых.

Куда им бежать? Какая страна осмелится предложить им гостеприимные берега, когда величайшая держава Европы вышвыривает их беспомощными, беззащитными, с клеймом позора на челе?

Сводящая с ума мысль отправиться в изгнание из страны своего рождения, из своих милых домашних очагов, где они привыкли сидеть и рассказывать о своем долге, гордом и славном прошлом; уехать из Испании, сама земля которой казалась им святой в их глазах; покинуть Испанию, которая была их родиной 1500 и более лет, задолго до того, как раса их нынешних преследователей услышала об этом или еще была цивилизованной; оставить позади все, что близко и дорого человеческому сердцу; дом их гордых достижений; землю, на которой были могилы их собственных родственников. и друзей, и их прославленных предков, чьи имена пролили яркий свет, озаривший тьму их веков и все века с тех пор; покинуть Испанию, само имя которой было восторгом для их душ; покинуть ее, чтобы никогда больше не возвращаться; оставить дом, имущество, друзей и отправиться в самую пасть смерти — вперед, доминиканские изверги; убейте их немедленно. Если они должны умереть, пусть испустят последний вздох на земле, которой, после Палестины, они поклонялись больше всего, но не выгоняйте их погибать на чужбину.

Нет, сегодня мы не можем постичь весь ужас этого указа. Представьте, не дай Бог—сама мысль заставляет нас содрогнуться—представьте, что указ внезапно выдаются, которые 300.000 евреев из Соединенных Штатов—таким было количество евреев из Испании—должны быть изгнаны из этой страны после истечения четырех месяцев, чтобы никогда не вернуться снова,; представить такое бедствие постигнет нас здесь, где наше прошлое-это еще не сто лет, а где воспоминания и ассоциации из прошлого не настолько глубоки, как и те, Испании; представьте, что мы сказали идти вперед, фирменная позор, чтобы справиться с этим, и беспомощно defencelessly, и безнадежно с чужим враждебным миром; сказала, чтобы оставить позади все, что честным трудом обрел для нас, представьте себе, что у нас было собрать на морском побережье в течение одного дня, должны быть упакованы в корабли, как и так много скота, жен отрывали от мужей, младенцам от матерей, братьев от сестер, а затем уносили тысячи из нас должен быть ввергнут в глубокий пеной, тысячи людей гибнут от нужды и выдержки и жестокости, тысячи должны быть высажены на необитаемых островов, чтобы его оставили в добычу для диких зверей и голода, тысячи опустился на чужих берегов, только чтобы встретиться с еще большей жестокостью, чем были до сих пор нанесли. Представьте себе, если

сможете, такие ужасные несчастья, как эти, происходящие с нами сегодня, не дай Бог!— и даже тогда вы едва ли осознаете всю пагубность этого указа.

Печальная участь, ожидавшая евреев, тронула сердца даже испанцев. Их делегация, включавшая самых могущественных вельмож королевства, явилась к монархам и умоляла их отменить ужасный указ. Фердинанд и Изабелла остались глухи к своим едоговорам. Великий дон Исаак Абарбанель, последний из ярких представителей еврейства в Испании, высокопоставленный офицер на службе королевы Изабеллы, бросился к ее ногам и разразился душераздирающими рыданиями:

"Попроси нашу жизнь, и она твоя; попроси все наше имущество, оно твое, но если мы должны остаться в живых, тогда, Прославленная королева, не изгоняй нас с земли Испании, которая нам дороже нашей жизни".

На мгновение ее негибкая воля дрогнула, еще мгновение, и траур 300 000 человек мог бы смениться ликованием, и гибель Испании была бы предотвращена, и история Европы сегодня могла бы иметь иное прочтение. Но этому другому моменту так и не суждено было наступить. Торквемада, слушавший в соседней комнате слезную мольбу Абарбанеля и уступчивые слова королевы, ворвался в королевское присутствие, почти обезумев от ярости, и, указывая на распятие, закричал:

"Вот Тот, кого Иуда Искарот продал за тридцать сребреников! Продай его сейчас же за более высокую цену и отчитайся о своей сделке перед Богом!"

Дьявол снова победил. Королева стоит перед ним на коленях, умоляя простить ее за минутную слабость.

По мере того как приближалось время отъезда, все царство погружалось во мрак. Евреи, одетые в глубочайший траур, беспокойно бродили по улицам. В их домах больше не было мира. Их источник слез иссяк. Их слов становилось все меньше, и они становились все более и более болезненными. Когда дети с любовью обвивали ручонками шею родителей, когда тоскующие мужья смотрели на своих поникших жен и в скорбном молчании спрашивали друг друга: "Через месяц, через две недели, через неделю, завтра, где будет отец?" Где будет мать? Какая судьба ожидает мужа, и какое несчастье обрушится на жену? Какая жестокость подчинит брата, и на какую позорную жизнь будет продана сестра? Когда они размышляли над подобными вопросами, а когда нет? безумие овладело ими, и они бросились к местам захоронений, и там, среди мертвых, они искали жалости, сострадания и утешения, которых живые не могли дать; там, на кладбищах, они задерживались среди могил своих дорогих усопших, иногда по три-четыре дня подряд, не выпивая ни кусочка пищи, ни капли воды. И когда они устремили свой взор на величественные пальмы, которые затеняли их самих, и на могилы их умерших, с болью в сердце они задержались внизу:

"Да будет благословенна каждая пальма, осеняющая эти равнины

Чем рассеянная раса Израиля;

Ибо, пустив корни, оно там и остается

В уединенной благодати;

Он не может покинуть место своего рождения,

Он не будет жить на другой земле.

Но мы должны блуждать вяло

В других землях умереть;

И там, где покоится прах наших отцов,

Наши собственные, возможно, никогда не лгут.

— *"Еврейские мелодии" Байрона.*

Между тем испанское духовенство не бездействовало. В синагогах, на площадях, на открытых улицах они проповедовали Любовь и Кротость Искупителя и с помощью аргументов и грязных оскорблений призывали евреев принять несколько капель крещенской воды и остаться на своей обожаемой родной земле. Евреи с угрюмым безразличием слушали эти разглагольствования. Страдания, которые они перенесли за свою веру, более чем когда-либо убедили их в абсурдности этой религии, которая могла творить такие жестокости. Обращение, которому подверглись "обращенные" евреи со стороны своих "христианских" братьев, конечно, не было таким, которое могло бы внушить им горячее желание сменить веру. Лучше изгнание, разлука с любимым домом и еще более любимой семьей, лучше смерть, чем принятие веры, которая разжирела на крови и процветала на жестокости. "Давайте оставаться твердыми, - кричали они, подбадривая друг друга, - сильными в нашей вере перед нашим Богом, непреклонными перед нашими врагами. Мы будем жить, если нам суждено жить, если нам суждено умереть, мы умрем. И все же, живыми или умирающими, давайте не будем осквернять наш завет; пусть наши сердца никогда не отчаиваются, давайте никогда не оставим, даже в самый темный час, живого Бога Израиля". Благородные сыны и дочери Израиля. Вы, святые духи наших ушедших предков из Испании, наши сердца наполняются благородной гордостью, когда мы рассказываем о вашей героической преданности нашей данной Богом вере. Напрасно мы листаем исторические записи, чтобы найти параллель с вашим непоколебимым уважением к убеждениям. Время не может уменьшить блеск ваших самоотверженных поступков во имя правды Израиля. Четыреста лет безмолвно канули в нескончаемый океан Времени, а евреи и язычники, верующие и неверующие, все, кто поклоняется святыне политической, расовой и религиозной свободы, называют вас только для того, чтобы благословить вас, и сами вдохновляются на добродетель самым дыханием ваших святых имен и героических поступков.

Наконец настал день их отъезда, 2 августа 1492 года, 9-й день *Ав. Тиша б'Аб*, 5252. Время истекло 31 июля, но они умоляли о двух днях отсрочки, чтобы это, их великое бедствие, могло обрушиться на *Тиша баб*, 9 *ава*, ежегодный день поста, самый пагубный день в истории Израиля.

Именно в тот день (586 г. до н.э.) *Небукаднезар* превратил Храм Соломона в руины и увел детей Израиля из Палестины в качестве пленников в Вавилон.

Именно в тот день (70 г. н.э.) *Тит* разрушил Второй Храм, навсегда положил конец политической власти и национальной жизни Израиля и изгнал детей Израиля с их родной земли, священной земли Палестины.

Именно в тот день (135 г. н.э.) была решена судьба *революции* Баркочбы, и последняя надежда Израиля на политическую независимость исчезла, причем исчезла навсегда.

И это было ранним утром того же рокового дня *Тиша Баб, 5252, 2 августа 1492 г.*, когда евреи Испании отправились в свои синагоги, чтобы в последний раз совершить там богослужение, сесть на землю с пылью и пеплом на головах, опоясавшись мешковиной, и печальным тоном, в соответствии со старым установившимся в Израиле обычаем, прочитать "*Плач*" Иеремии о разрушении Храма, о падении Иерусалима и об изгнании детей Израиля в Вавилон. Они читали "*Плач*" раньше, они читали их год за годом дрожащими губами, с пылким и глубоким акцентом, но они никогда раньше не понимали их значения. В то утро разбитое сердце заговорило. И о, какие вопли скорби, какие рыдания раскаяния, какие страстные порывы, когда они повторяли стихи:

"Как одиноко сидит город, который был полон людей. Как она стала вдовой! она, которая была великой среди народов. Она горько плачет по ночам, и слезы текут у нее по щекам, среди всех ее друзей нет никого, кто мог бы ее утешить. Иуда ушел в плен из-за скорби, она живет среди народов, она не находит покоя. Ее противники могущественны, ее враги процветают, все, кто почитал ее, презирают ее. Для вас это ничего не значит, все вы, проходящие мимо? Взгляните и посмотрите, есть ли какая-нибудь скорбь, подобная моей скорби, которая постигла меня. Сион простирает свои руки, и некому утешить ее. Они зывали к ним: Отойдите, вы нечисты, не прикасайтесь, когда они бежали и скитались, они говорили среди народов: они больше не будут там жить. Они преследуют нас по пятам, так что мы не можем выйти на наши улицы, наш конец близок, наши дни сочтены, ибо наш конец настал".

И они вышли из дома Божьего, старые и молодые, больные и беспомощные, девственницы и юноши, жених и невеста, мужчины, женщины, дети, с обливающимися кровью сердцами, с нетвердыми шагами, с изможденными, опустошенными лицами, со сгорбленными фигурами и сломленным духом, когда они в последний раз посмотрели отсутствующим взглядом на свои опустевшие дома, на безрадостные сцены детства и юности.

Они пошли дальше, ошеломленные, но лишены дара речи. Но над ними хор духов-мучеников, тех, кто в тот день погиб ради своей веры, при осаде Навуходоносора, они в тот день испустили дух ради Израиля, при осаде Тита, тех, кто в тот день умер со смертью надежды Израиля, при осаде Юлия Севера, над изгнанниками из Испании, эти духи-мученики пели скорбными голосами:

"О! плачьте о тех, кто плакал у Вавилонского ручья,

Чьи святыни опустошены, чья земля - мечта;

Оплакивай арфу разбитого панциря Иуды;

Скорбите — там, где обитал их Бог, обитают безбожники!

И когда Израиль умает свои кровотокающие ноги?

И когда песни Сиона снова покажутся сладостными?

И мелодия Иуды еще раз возрадуется
Сердца, которые трепетали от его небесного голоса?
Племена блуждающих ног и усталой груди,
Как же вам убежать и обрести покой?
У дикой голубки есть свое гнездо, у лисы - своя пещера,
Человечество, их страна—Израиль, кроме могилы".
"Еврейские мелодии" Байрона.

TORQUEMADA.

Dunkle duistere Gestalten
Harren muerrisch vor dem Thore:
"Heut erfolgt der Juden Auszug,
Heut ist der Termin verflossen!"
Boshaft wollen sie sich weiden
An dem Auszug der Verstoss'nen,
Und sie grinsen selbstzufrieden
Ob des Schicksals der Verstockten.
Einer ist's zumal, dess Grinsen
Teufelsbosheit von sich lodert,
Seine Blicke Schlangenblicke,
Sein Gebiss von Gift geschwollen;
Seine Worte Feuerschluende,
Sein Verlangen Tod und Moder,
Die Vernichtung seine Tritte,
Die Verwuestung sein Gefolge.

Wie sie zischeln die Gestalten,
Muerrisch harrend vor dem Thore.
"Nur Geduld, Dominikaner!"
Ruft jetzt jener Hoellenbote.
"Wie mein Name Torquemada,
Will ich weiter dafuer sorgen,
Dass die jetzt das Land verlassen,
Nicht entgehen sicherm Tode.
Fast war schon ihr Wunsch erfuellet,
Zu verbleiben unserm Boden,
Jener juedische Minister
Hatte Gold, viel Gold geboten.
Doch ich eilte zur Alhambra
Und das Crucifix erhoben,
Sprach ich zu dem Koenigspaare
Die entscheidend wucht'chen Worte:
Judas hat fuer dreissig Muenzen
Treuelos den Herrn geopfert,
Und ihr wollet ihn verkaufen,
Arg geblendet von dem Golde?
Nun, so nehmt ihn und verkaufet
Euren Heiland, wie ihr wollet;
Hier ist er, o nehmt ihn gierig,
Wenn's euch duerstet nach dem Golde!
Diese Rede hat entschieden
Und ihr werdet heut die Horde
Aus dem Lande ziehen sehen,
Bald erscheinen sie am Thore."—
Wie die drei Dominikaner

Harrt die Menge vor dem Thore.
Die in wilder Schadenfreude
Ob der Judensoehne spottet.
Torquemada naht der Masse
Und mit argen, list'gen Worten
Weiset er auf all' die Schaetze,
Die den Ausgewies'nen folgen.
Schelmisch weiss er sie zu hetzen
Gegen die verfehmtten Opfer,
Und ertheilet mild den Ablass
Auf das Pluendern auf das Morden.
Welches Jubeln, welches Wimmern,
Welches Pfeifen welches Trommeln
Dringt jetzt aus der Stadt herueber
Zu der Menge vor dem Thore!
Aber welcher Schauer fast uns
Bei dem Anblick dieses Volkes!
Sind es Schatten, sind es Geister,
Die an uns vorueberkommen?
Starren Blickes, gramvoll keuchend,
Ihren Ruecken tief gebogen,
Leichensteine ihre Lasten,
Moosbewachsen und geborsten.
Ach, es sind die einz'gen Schaetze,
Die den Elenden jetzt folgen,
Zum Gedaechnniss ihrer Ahnen,
Die da ruh'n in spanischem Boden.
Taeglich vor dem schweren Auszug
Weilten sie bei ihren Todten,

Weinten auf den theuren Graebnern,
Ehe sie von dannen zogen.
Und sie zogen, wie die Lehrer
Gottergeben es geboten,
Dass nicht die Verzweiflung nahe,
Unter Pfeifen, unter Trommeln.
Ob auch viele wimmernd klagten,
Sang man doch zum Lobe Gottes
Und den tiefen Schmerz erdrueckend
Riefen sie das Sch'ma Israel!
Fast erschrocken von dem Anblick
Stand die Menge vor dem Thore,
Mitleid fuellte alle Herzen,
Und es schwand die Lust, zu morden.
Kaum gewahrte Torquemada
Judas wildgehetzte Sprossen,
Schaeumt er auf im Rachegeifer,
Und er grollt im finstern Zorne:
"Koennt' ich baden in dem Blute
Der von Gott so lang Verworf'nen,
Sollt' ich auch darin ertrinken,
Nichts verglich ich solcher Wonne!"
Также расет Торквемада
Und er sinket wie ein Todter
In den Arm der Ordensbrueder,
Die ein jaeher Schreck getroffen.
Judas Schaaren zieh'n vorueber
Unter Pfeifen unter Trommeln,
Allen Jammer uebertoenet:

"Jubelt Voelker, unserm Gotte!"

Aus dem Fieberwahn erwachet

Torquemada und er tobet:

"Seht ihr dort nicht die Gesellen,

Wie sie spannen ihren Bogen?

Wie sie nach dem Herzen zielen!

Helft! sie wollen mich erdrosseln,

Helft! sie wollen mich vergiften!

Ist das Einhorn nicht am Orte?[\[41\]](#)"

"Herr des Himmels, sei uns gnaedig!"

Rufen die Inquisitoren,

"Unser Fuehrer ist von Sinnen,

Sein Verstand ist ihm genommen!"

Aus der Ferne immer leiser

Hoert man pfeifen, hoert man trommeln,

Jubeltoene dringen aufwaerts:

"Jauchzet Voelker, unserm Gotte!"

ГЛАВА XVII. РАССЕЯНИЕ ЕВРЕЕВ.

ИЗГНАННИКОВ ПЕРЕВОЗЯТ НА КОРАБЛЯХ—ДУШЕРАЗДИРАЮЩИЕ СЦЕНЫ НА БОРТУ КОРАБЛЯ-
ВЫСАЖИВАЮТ НА БЕРЕГ ПУСТЫННЫХ ОСТРОВОВ УМИРАТЬ ОТ ГОЛОДА—УМИРАЮЩИМ ОТ
ГОЛОДА ЕВРЕЯМ ДАЮТ ВЫБОР МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И ХРИСТИАНСТВОМ—МИЛОСЕРДНАЯ
ИТАЛИЯ—КОВАРНАЯ ПОРТУГАЛИЯ—ОТМЕНЕН ЭДИКТ ТОРКВЕМАДЫ—ИЗГНАНИЕ ЕВРЕЕВ ИЗ
ПОРТУГАЛИИ—УСЛОВИЕ—БРАЧНЫЙ КОНТРАКТ КОРОЛЯ—ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ИЗГНАНИЕ.

"У дикой голубки есть свое гнездо, у лисы - своя пещера,

У человечества своя страна—Израиль, но могила".

Так скорбно завершается последняя глава. Это печальные слова, полные тоски и отчаяния, но какими бы печальными, унылыми и безнадежными ни были, сколько бы горя, тоски и отчаяния они ни передавали, они постигли евреев Испании, и они совершенно терпят неудачу, когда их просят описать страдания и невзгоды, которые встретили несчастных изгнанников, повсюду, в их бесплодных поисках тихого места, где они могли бы жить или умереть в мире. В гаванях стояли наготове корабли, готовые перевезти почти всех изгнанных 300 000 евреев туда, где это больше всего устраивало капитанов. На эти корабли изгнанников буквально набивали, теснили друг к другу без учета пола или возраста, часто мать отрывали от ребенка, мужа от жены, брата от сестры, друзей от подруг, и разлука на берегу означала разлуку навсегда.

У меня не хватает слов и сердца, чтобы описать душераздирающие крики родителей о ребенке и ребенка о родителе; мужа о жене и жены о муже; или о плаче и причитаниях, когда Испания, земля их рождения, дом их комфорта, роскоши и благословений, медленно исчезала из виду и, наконец, скрылась за горизонтом.

И теперь начинается глава в истории страданий Израиля, настолько ужасная, настолько отвратительная, что перо и язык отказываются останавливаться на ней в деталях. Перед этими страданиями все, что было перенесено до сих пор, меркло перед ничтожеством. И снова именно алчность и ненасытность навлекают на них эти страдания. Обладание золотом принесло им прежние страдания, и теперь именно его нехватка приводит к их нынешним страданиям. Ты, жалкое золото! Союзник ты или враг, ты всегда был причиной невыразимых страданий Израиля! Из-за тебя им пришлось купить жизнь, и из-за тебя им пришлось претерпеть смерть! Эдикт о высылке запрещал евреям под страхом смертной казни иметь при себе деньги при отъезде. И евреи подчинились этому указу. Какое им дело до денег, если они не могли наслаждаться ими в своей любимой Испании? Какое им дело до удовольствий или даже до жизни, когда ее предстояло прожить в далеких и враждебных землях? Но пиратские капитаны и их бессердечные команды были убеждены, что у евреев должны быть большие суммы денег, зашитые в одежду или спрятанные при себе. Едва они вышли в открытое море, как мужчинам, женщинам и детям приказали выйти на палубу, приказали публично раздеться, невзирая на невинность юности и скромность пола. Многие девственницы и многие юноши, многие мужья и многие жены осмеливались сопротивляться, не потому, что у них были спрятаны деньги, а просто ради стыда, и бушующие волны погружали их в вечный сон за их сопротивление. Разочарованные в своих поисках, они жаждали золота еще больше. Тело за телом они разрывали на глазах у несчастных изгнанников, полагая, что, должно быть, проглотили свое золото и драгоценные украшения. И, разочаровавшись в этом, последовала

сцена, более отвратительная и подлую, чем та, над которой никогда не светило солнце. Когда моряки, наконец, насытили свои зверские похоти невинными и беспомощными, теряющими сознание от ужаса и пыток, и когда все еще выжившие жертвы были принесены, чтобы очистить корабли от всех следов крови их друзей и родственников, их схватили и сбросили в океан без угрызений совести и так беззаботно, как будто великий Бог создал евреев только для того, чтобы утолять звериные аппетиты бесчеловечных моряков и служить пищей для морских рыб.

И все это во славу христианства! Все это в соответствии с учением Церкви! Небеса! Кто может назвать преступления, которые были совершены во имя Твое? Какие моря человеческой крови были пролиты во имя Христа, Милосердия и Любви, Мира и Доброй Воли! Церковь закаляла сердца против всякого чувства жалости и милосердия. Чувство раскаяния в совершении преступлений против евреев считалось преступлением, а не самим преступлением. Слезу сочувствия, выжатую при виде страданий евреев, учили считать оскорблением, которое должно быть искуплено унижительной епитимьей. Учили, что любой может сознательно убить еврея, где бы у него ни была возможность. Вкус крови, однажды удовлетворенный, породил в людях каннибальский аппетит, и чем больше он был удовлетворен, тем сильнее становилась их жажда крови. Их рвение было не совсем бескорыстным; каждый еврей, обвиненный в ереси или убитый, аннулировался — так учила Церковь, давая обвинителю сто дней до его будущего наказания в чистилище.

Другой капитан был несколько более милосерден; пришлось ли ему искупать часть своей мягкосердечности унижительной епитимьей, церковная история умолчала. Он высадив всех своих изгнанников на пустынном побережье, оставив слабых и страждущих безжалостной добычей диких зверей и на голодную смерть. Один из этих несчастных покинутых изгнанников, который выжил, рассказывает нам, как он видел, как его жена погибла у него на глазах, как он сам упал в обморок от изнеможения, а проснувшись, увидел двух своих детей мертвыми рядом с собой. Неделями корни и трава служили им пищей. Каждый день приносил новые страдания и свежие могилы. Это были дни, о которых говорит Шекспир:

"Каждое новое утро —

Новые вдовы воют; новые сироты плачут; новые печали

Ударь небеса по лицу".

Матери, не в силах выносить тоску своих детей, убивали их насмерть, а затем сводили счеты с жизнью. Целые семьи заключали себя в любовные объятия и, обнимаясь таким образом, собственноручно заканчивали свою жизнь. Когда на них набросились дикие звери, изгнанники бросились в море и стояли, дрожа, в воде часами, пока звери не отступили. Устало они брели вперед, пока, наконец, не увидели радостное зрелище человеческих поселений. Измученные, они лежали вдоль побережья, измученные страданиями и болезнями, наполовину обезумевшие от голода. К берегу спустились священники, и, держа в одной руке распятие, а в другой провизию, несчастным евреям был предоставлен выбор между Христом и голодной смертью. Плоть оказалась сильнее духа. Они просили хлеба и с жадностью набрасывались на него после того, как несколько капель крещенской воды очистили их душу от самых скверных пятен неверия. "Таким образом, - говорит благочестивый кастильский историк, - таким образом, бедствия этих бедных слепых созданий оказались в конце концов превосходным средством, которым воспользовался Бог, чтобы открыть им глаза, так что, отрекшись от своих древних

ересей, они стали верными последователями креста". Сколько сотен дней наказания в чистилище было отменено за это благочестивое высказывание кастильца, история снова забыла зафиксировать.

Другой корабль с грузом был выброшен варварским капитаном на африканское побережье, где африканские дикари набросились на него и предались ужасающим жестокостям. Мужчины и юноши, которых они продавали в рабство, беззащитные женщины были жестоко изнасилованы; дети, прижатые к груди своих матерей, старики, больные и немощные были искалечены, замучены и убиты тысячами.

Еще одно судно с грузом прибыло в гавань Генуи. Наглядную картину их страданий дает генуэзский историк, очевидец этих сцен, которые он описывает следующим образом:

"Никто, - говорит он, - не мог равнодушно смотреть на страдания еврейских изгнанников. Очень многие погибли от голода, особенно те, кто был в нежном возрасте. Матери, у которых едва хватало сил, чтобы прокормить себя, несли своих умирающих от голода младенцев на руках и умирали вместе с ними. Многие стали жертвами холода, другие - сильной жажды, в то время как непривычные страдания, связанные сморским путешествием, усугубили их болезни. Я не буду распространяться о жестокости и алчности, которым они часто подвергались со стороны капитанов кораблей, перевозивших их из Испании. Некоторых убили, чтобы удовлетворить их алчность, других вынудили продать своих детей, чтобы оплатить проезд. Они толпами прибыли в Геную, но им не разрешили задерживаться там надолго по причине древнего закона, запрещавшего еврейскому путешественнику оставаться там дольше трех дней. Однако им было разрешено переоборудовать свои суда и набраться сил на несколько дней после утомительного плавания. Их можно было бы принять за призраков, такими изможденными они были, такими мертвенно-бледными на вид и с такими запавшими глазами; они ничем не отличались от мертвых, за исключением силы движений, которую, действительно, они едва сохранили. Многие падали в обморок и умирали на молу, который, будучи полностью окружен морем, был единственным пристанищем, предоставленным несчастным эмигрантам. Инфекция, вызванная таким количеством мертвых и умирающих людей, была замечена не сразу; но когда наступила зима, начали появляться язвы, и болезнь, которая долгое время скрывалась в городе, на следующий год переросла в чуму".[42]

Более удачливыми оказались изгнанники, высадившиеся на берегах Неаполя. Ее король, *Фердинанд I*, был благоразумным государем, выдающимся ученым, и, в отличие от других правителей Европы, ему удалось поставить свою власть выше власти Церкви, а свое сердце - свободным от бесчеловечности и фанатизма духовенства. Он открыл свое королевство для евреев, сделал великого Абарбанеля, ранее состоявшего на службе у Изабеллы Кастильской, одним из своих чиновников в кабинете министров и лично защищал евреев от нападения духовенства и населения, которые считали присутствие евреев ответственным за чуму, которая тогда свирепствовала, как и везде в Европе, в Неаполе.

Столь же удачливыми были и те, кто высадился на побережье, где господствовали турки. Султан *Баязет* радушно принял их, гуманно обеспечил и направил их интеллект и трудолюбие в полезное русло. "Неужели они называют этого Фердинанда Испанского благоразумным

принцем, - спрашивает султан, - который может таким образом разорить свое королевство и обогатить наше?"

Почти 150 000 душ отправились по суше в Португалию, король которой, *Иоанн II.*, пренебрег угрызениями совести настолько, что позволил своей жадности восторжествовать над своей верой. Он предоставил им проезд через свои владения по пути в Африку и разрешение на восьмимесячное пребывание в своих владениях в обмен на налог в размере восьми долларов с человека, огромную сумму, которую он взимал с коренных португальских евреев. Фердинанд и Изабелла угрожали, а Торквемада подстрекал португальское духовенство, но *Иоанн II.* у него было более миллиона долларов, чтобы успокоить свою совесть и при необходимости развязать войну, и, ожидая этого, он немедленно заставил работать тех еврейских изгнанников, которые были производителями оружия и шахтерами. Но его милосердие длилось недолго. Вскоре наступила самая страшная эпоха страданий изгнанников. Когда до бездомных изгнанников дошла весть о чудовищных преступлениях, совершенных над их братьями на пути к побережью Африки бесчеловечными капитанами и бессердечными командами, не видевшими перед собой ничего, кроме жестокой смерти, уходили они или оставались, они предпочли встретить смерть в Португалии, чем подвергать себя бесчеловечности, зверским похотям и пыткам варваров-пиратов и африканских дикарей, и, апатично ожидая смерти и молясь о ней, они остались после того, как истекло время, отпущенное на их пребывание. К их несчастью, в Португалии вспыхнула чума, свирепствовавшая со смертельной яростью. Немедленно возникла церковь, возложившая ответственность за распространение чумы на евреев, и привела население в безжалостную ярость из-за распространения чумы и нарушения контракта со стороны евреев. Кредо короля пробудилось одновременно с пробуждением его жадности. Он издал эдикт, который отбросил в тень даже веру Торквемады. Всех еврейских детей младше четырнадцати лет вырывали из рук родителей, тащили в церковь, крестили; тех, кому не исполнилось трех лет, отдавали христианам для получения христианского образования или, другими словами, растили как рабов; тех, кому было от трех до десяти лет, сажали на борт корабля и отправляли на недавно открытый, нездоровый остров Сент-Томас, называемый "*Ильхас пердидас*", "острова гибели", который был колонизирован португальскими осужденными преступниками, чтобы они жили там как могли. Тех, кому было от десяти до четырнадцати лет, продавали в рабство. Тогда, действительно, чаша их страданий была полна до краев. Это была суровая истина, которую высказал Ленау, когда сказал:

"Die Kirche weiss die Schmerzen zu verwalten

Das Herz bis in die Wurzel aufzuspalten."

Евреи в полной мере испытали на себе непревзойденное мастерство Церкви в причинении боли. Матери бросались к ногам тиранов и жалобно умоляли взять их с младенцами; их бессердечно отшвыривали в сторону. Сотни матерей, обезумевших от отчаяния, бежали за кораблями, унося кумиров своего сердца, и погибали в волнах. Безмятежная стойкость, с которой изгнанники переносили так много и таких тяжелых бедствий, наконец уступила место самым диким пароксизмам отчаяния. Пронзительные крики боли наполнили землю. Бездетные и с разбитым сердцем, они теперь пытались покинуть страну, но им сказали, что они утратили свое право, и им был предоставлен выбор между крещением и рабством. Тысячи людей, вытерпев все, что им пришлось пережить, покинув свою любимую Испанию, все свое богатство и легкость, приняли крещение сейчас, в надежде воссоединиться со своими детьми. Тысячи

были проданы в рабство, но перед продажей они подверглись пыткам, жестокости, безобразиям, слишком отвратительным, слишком душераздирающим, чтобы их здесь описывать.

Ужас охватил коренных португальских евреев, когда они беспомощно взирали на жестокость, которой подвергались их испанские братья. Они знали, что им самим больше не удастся избежать гнева Церкви, и они подумывали о бегстве, и хорошо бы им тогда удалось спастись. Пока они занимались тайными приготовлениями, Иоанн II умер в 1495 году. В тот самый день, когда корабли, груженные еврейскими детьми-изгнанниками, отплыли к острову осужденных преступников, он заболел странной, мучительной болезнью, и с тех пор она не покидала его.

Его собственный многообещающий сын и преемник сошел в могилу раньше него. На трон взошел его двоюродный брат *Мануэль*. Он был копией своего предшественника, добросердечным, популяризатором знаний, стремящимся продвигать интересы своей страны открытиями за рубежом и торговлей внутри страны. Он немедленно лишил гражданских прав евреев-изгнанников, проданных в рабство, пообещал вернуть осужденных детей и издал эдикт, в котором предписывал доброе отношение к евреям и запрещал выдвигать против них обвинения. В своей великой радости коренные португальские евреи направили к нему посольство, добровольно предложив ему большие суммы денег в знак своей благодарности. Король поблагодарил их, заверил в своей доброй воле, но отказался получать плату за человеческую доброту.

Но судьба снова распорядилась так, что женщине суждено было сыграть позорную роль в трагической истории евреев. Был предложен брак между Мануэлем из Португалии и дочерью Фердинанда и Изабеллы из Испании. Мануэль обрадовался этому предложению. Он уже видел себя в ближайшем будущем королем Объединенной Испании и Португалии и всего Нового Света. Но сатана вмешался, обмакнул перо в желчь и, написав брачный контракт, потребовал в качестве одного из условий немедленного изгнания из Португалии всех евреев, как местных, так и изгнанников.

Король колебался. Фанатичная дочь фанатичных родителей настаивала, аргументы делали ее еще более яростной. Торквемада вполне мог гордиться своим учеником — обладателем обширных империй и самой могущественной короны Европы, подвергшимся искушению, и искушитель побежден. Он купил свое право на принцессу Испании, пожертвовав тысячами жизней и уничтожив самые основы процветания своей страны.

30 ноября 1497 года был подписан брачный контракт, а 20 числа следующего месяца появился указ об изгнании евреев из Португалии. Сцены траура, стенаний и душераздирающих криков, которые раздавались в Испании, отозвались эхом в Португалии, только более болезненным, из-за ужасного знания, которое они с тех пор приобрели, значения слова "Изгнание".

Вскоре Мануэль пожалел о том, что отпустил своих самых трудолюбивых, самых умных и самых процветающих граждан. Но брачный контракт держал его крепко, и испанская королева не спускала с него глаз, а Торквемада - с обоих. Перспектива огромной империи и испанской короны все еще ослепляла его взор. Он разработал стратегию. Он думал, что сможет заставить родителей принять христианство и остаться, если ему однажды удастся заполучить всех их детей в свою власть и в христианскую веру. Он отдал секретный приказ о повторении чудовищного преступления, заключавшегося в том, что всех детей моложе четырнадцати лет

вырывали из объятий их матерей и отцов, рассеивали по королевству для крещения и воспитания как христиан. Тайна стала известна. В Португалии снова раздались вопли раненых. Обезумевшие матери бросали своих детей в глубокие колодцы или реки. Было известно, что матери отнимали своих младенцев от груди и разрывали их на части, вместо того чтобы отдать христианам. Они предпочли бы видеть тела своих детей в могиле и их освобожденный дух на Небесах, чем заставлять их принимать веру, в которую сатана послал своих друзей для их воспитания. Несмотря на все сопротивление родителей, приказ короля был выполнен. Многие приняли крещение, но недостаточно, чтобы угодить королю, и, чтобы отомстить им за то, что они воспротивились его желаниям, он отменил свой эдикт, схватил всех, кто еще не бежал, и продал их в рабство.

Но Израиль еще не был оставлен. Италия, которая теперь стала центром европейской учености и стала очень процветающей благодаря коммерческому и промышленному рвению испанских евреев, которым она предложила убежище, а также Турция радушно встретили португальских беглецов. То, что отвергали Испания и Португалия, они умели ценить. Даже некоторые из пап, Климент VII и Павел III. (Я рад отдать им должное за это), одобряли их пребывание в Италии. Они научились ценить услуги евреев. Процветающие еврейские общины Италии и Турции выкупили своих братьев и позволили им поселиться в Анконе, Пезаро, Ливорно, Неаполе, Венеции, Ферраре и других местах, и благословение Божье почilo на любом городе, в котором евреям было разрешено поселиться.

Многие португальские евреи поселились и стали процветающими в Индии, на юге Франции и в Гамбурге. Другие поселились в Нидерландах и стали особенно процветающими в Голландии. Из Голландии большое количество потомков португальских и испанских изгнанников проникло в Англию благодаря заступничеству *Менассе бен Израэля* при Оливере Кромвеле, а из Англии, из Индии и из Италии они проникли в Соединенные Штаты, в страну, где тирания больше не известна, а преследования жестко пресечены. Здесь живут христиане и евреи бок о бок, мирно, с любовью, помогая друг другу, объединяясь друг с другом в благословенном деле, ради которого религия существует на земле, и в распространении великих принципов политической и религиозной свободы. Здесь, где христианин протягивает руку дружбы еврею, а сердце еврея бьется так же преданно американскому, как и сердце христианина, они торжественно клянутся:

"Мы клянемся быть нацией истинных братьев,

Никогда не расставаться ни в опасности, ни в смерти",

—*"Рассказ" Шиллера*

Изабель ла Католика.

In den Raeumen der Alhambra
Wandelt Spaniens fromme Herrin
Isabella, die geruehmt wird
Als "katholische Regentin".
Wandelt durch die Zauberhallen,
Die ein Maerchenglanz umspielet,
Und befriedigt laechelnd laesst sie
Auf den Thron sich langsam nieder.
Denkt voll Selbstgefuehl des Seufzers
Jenes letzten Maurenherschers:
"A Dios Granada!" rief er,
"Ach, ich muss mich von dir wenden!"
Denket jenes alten Stammes,
Dem Vernichtung sie geschworen,
Jenes hartverstockten Stammes,
Den einst Gott in Lieb' erkoren.
Was sich zaehlte zu den Ketzern
Musste ihr Gebiet verlassen,
Die "katholische Regentin"
Laesst nur Einen Glauben walten.
Froelich schaut sie auf die Staette,
Wo Columbus einst gestanden,
Der ihr neues Land entdeckte,
Ihre Herrschaft zu entfalten.
Da erscheint vor ihr die Tochter,
Gleichfalls Isabel geheissen,

Die den Gatten den geliebten.
Still beklagt im Trauerkleide.
"Sei willkommen mir zur Stunde!"
Sprach die Mutter froher Weise,
"Eines Fuersten Liebeswerben
Hab ich heut dir mitzutheilen.
Portugals beruehmter Koenig
Legt sein Reichsland dir zu Fuessen,
Fuer ihn Spricht sein Ritterwesen,
Fuer ihn sprechen wicht'ge Gruende."
Tief erschrocken hoert die Wittwe
Ihrer Mutter kurze Rede,
Deren Gruende, so betont,
Stets im Rathschluss mussten gelten.
Isabella, unbeweglich,
Faehrt im gleichen Tone weiter:
"Manoel muss mir geloben,
Alle Juden zu vertreiben.
Portugal und Spanien seien
Eines Sinnes, Eines Glaubens,
Toleranz ist unvertraeglich
Mit dem Einen, wahren Glauben."
Diese Worte machen Eindruck
Auf die glaeubig fromme Wittwe,
Und zur Ehre Gottes will sie
Manoel in Lieb sich widmen.
Voller Eifer richtet selbst sie
An den Werber zarte Zeilen:
"Soll ich dein Gebiet betreten,

Must die Juden du vertreiben."

Manoel, der kluge Koenig,

Der mit Milde sonst regieret—

Isabellas Worte zuenden,

Keine Zeit will er verlieren.

Seine Liebe macht ihn grausam,

Unbesonnen folgt er Weibern,

Ja, noch ueberbieten will er

Sie, wenn's geht, an Grausamkeiten.

Den Befehl erlaesst er schleunig.

Dass bis zu bestimmtem Tage

Die Bekenner des "Allein'gen"

Alle sein Gebiet verlassen.

Alle Kinder die der Jahre vierzehn

Noch nicht zaehlen, soll man geben

Frommen Christen zur Erziehung,

Dass sie fromme Christen werden.

Vor dem Jammerschrei der Muetter

Sucht sich Manoel zu retten,

Blickend auf das zarte Bildniss,

Gleichend einem holden Engel.

Isabella laesst vergessen

All das Leid, das er veruebet,

Und mit Liebesgluthen eilt er,

Seine Gattin heimzufuehren.

Schon das Hochzeitsfest ist truebe,

Ploetzlich starb der Kronprinz Spaniens,

Und mit Trauer im Gemuethe

Zieh'n nach Evora die Gatten.

Manoel, dir drohet mehr noch:

Eh' ein kurzes Jahr entschwindet

Wirst du deine heissgeliebte

Isabel als Leiche finden.

Tief bewegt steht vor der Bahre

Portugals beruehmter Koenig,

Ihn erschreckt das Schrei'n des Kindes,

Das ihm Isabel geschenkt.

Ob er jetzt wohl hoert das Schreien

Jener Muetter, angsterfuehlet?

Das Geschrei der armen Kinder,

Denen man geraubt die Muetter?!

Tiefgebeugt steht vor der Bahre

Isabella, "die Katholische",

Bruetend, sinnend, bleichen Blickes,

Findet sie jetzt keine Worte.

Aus dem Trauerkreise zieht sie

Nach Granada mit dem Kinde,

Das in ihrem herben Schmerze

Ihr als einziger Trost geblieben.

In den Raeumen der Alhambra

Wandelt Spaniens fromme Herrin

Isabella, die geruehmt wird

Als "katholische Regentin".

Wandelt durch die Zauberhallen,

Die ein Maerchenglanz umspielet,

Und mit kummervollem Herzen

Laesst sie auf den Thron sich nieder.

Denket da des schweren Leides,

Dass sie Schlag auf Schlag betroffen.

Und es loesen sich die Seufzer.

Weinend sitzt sie auf dem Throne.

Einz'ger Sohn, des Thrones Erbe,

Musst' so frueh ich dich verlieren,

Isabella, liebste Tochter,

Musst' so frueh ich dich verlieren!

Ach, Maria, meine Tochter,

Musst' so frueh ich dich verlieren,

Einsam wandelt Katharina,

Die vom Manne sich geschieden.

Meine Leiden mehrt Johanna,

Aermstes meiner guten Kinder.

Ihres Gatten treulos Treiben

Hat ihr den Verstand verwirret".

Также сеуфзет Изабелла,

Seufzet auf dem stolzen Throne,

Da erscheint vor ihr ein Diener,

Doch er zoegert mit dem Worte.

Boeses ahnend ruft die Koenigin:

"Welches Unglueck wirst du melden?

Sprich nur, ohne mich zu schonen,

Haertres kann mich nicht mehr treffen".

"Don Miguel, das herz'ge Soehnchen,

Den in Ihrer grossen Liebe

Ihre Majestaet als Kronprinz nannten,

Eben ist er sanft verschieden".

Lautlos hoert es Isabella,

Die fuer Gott nur stets gehandelt—

Und mit frommer Duldermiene

Schleicht sie wankend aus dem Saale.

ГЛАВА XVIII. ПОСЛЕДСТВИЯ ВЫСЫЛКИ.

КРАТКИЙ ОБЗОР.—ПРОКЛЯТИЕ БОЖЬЕ ПОСЕТИЛО ИСПАНИЮ.—ЦЕРКОВЬ — ЛЖЕПРОРОК.—С ИЗГНАНИЕМ ЕВРЕЕВ И МАВРОВ ПРОЦВЕТАНИЕ ИСПАНИИ ПРЕКРАЩАЕТСЯ.—ИСПАНЦЫ ИСПЫТЫВАЮТ НЕКОТОРЫЕ ИЗ СТРАДАНИЙ, КОТОРЫЕ ПЕРЕЖИЛИ ЕВРЕИ И МАВРЫ.—ИСПАНИЯ ВОЗМЕЩАЕТ УЩЕРБ.—МАВРЫ ПРОИГРАЛИ.—ЕВРЕИ ЖИВУТ.

Еще несколько слов, и наша задача выполнена. Еще несколько слов, и мы в последний раз попрощаемся с несчастной Испанией, когда-то такой солнечной, такой процветающей, такой интеллектуальной и такой справедливой. Еще несколько слов, и наше замечательное судно, верное и могучее, расправит свои нетерпеливые крылья и понесет нас прямо через пенящиеся глубины, и мы снова приземлимся на благословенную небесами и поцелованную свободой девственную землю Колумбии. Как мы и предсказывали, так и случилось. Наше путешествие в прошлое, в чужие земли и среди чужих народов оказалось прибыльным, и столь же запоминающимся, сколь и прибыльным. События и сцены, прекрасные и отвратительные, радостные и слезливые, освежающие душу и отвратительные, сменяли друг друга в быстрой последовательности. Было многое, что, несмотря на самые достоверные исторические источники, казалось сказочным, невероятным, невозможным. Были описаны мужчины и женщины, а также состояния общества и цивилизации, в которых они жили и играли свои роли, которые поразили нас своим несравненным великолепием, своей изумительной интеллектуальностью, с которой едва ли можно сравниться даже сейчас, и заставили нас предположить, что мы имеем дело не с фактами, а с воображением какой-то богатой фантазии. И были рассказаны события и достижения, которые вселили ужас в саму нашу душу и заставили сердце восстать против разума, когда его попросили поверить в них как в реальные события, а не как в какое-то удручающее, отвратительное и запятнанное кровью художественное произведение. И все же все, что было сказано, и все, что было описано, и все, что было пересказано, было историей, и настоящей историей, странной и невероятной, чудесной и аномальной, какой бы она ни казалась.

Больше всего наше внимание привлекли две человеческие расы - евреи и мавры. Когда мы впервые встретились с евреями в юго-западном уголке Европы, мы обнаружили, что это процветающая многочисленная община, любимая и ценимая своими соседями-язычниками, усердно занимающаяся превращением Испании в зернохранилище и садовый уголок Европы, и вносящая значительный вклад своей высокой моралью и интеллектом, своим мастерством и трудолюбием в процветание нации.

С приходом христианства к власти в Испании в шестом веке произошла печальная перемена. Это положило начало мартирологии евреев в Европе. Тысячи были убиты, тысячи потащили к купели для крещения, тысячи были вынуждены взять посох изгнания. Но ненадолго. Избавитель явился с Аравийского полуострова и поспешил им на помощь. Этот арабский народ, ловкий в обращении с оружием, искусный в дрессировке лошадей, способный переносить большую усталость и лишения и, как подобает семитской расе, интеллектуальный и проницательный, до конца VI века жил мирной кочевой жизнью. Внезапно их пробудил от религиозной и политической бездеятельности их великий лидер Мухаммед, пророк. Он зажег в их сердцах огонь энтузиазма и повел их вперед, чтобы утвердить по всему миру Его веру и его владычество. Азия покорилась, Африка покорилась. Ранний рассвет восьмого века застал их там, где Африканский континент смело выступает навстречу континенту Европы, бросая задумчивые взгляды через Геркулесов пролив на прекрасные земли Андалусии. Изгнанные евреи и христиане, подстрекаемые к восстанию религиозной и политической тиранией Испании, вступили в сговор с мусульманскими захватчиками, и врата Испании были открыты для народов Аравии, а Европы - для веры Мухаммеда. Изгнанные евреи возвращались в свою страну, а крещеные - к своей заветной вере, ибо арабо-мавры терпимо относились как к еврейскому народу, так и к его вере. Мавританские и еврейские навыки, трудолюбие и интеллект объединились, и объединившись, они стали — и сохраняли это различие на протяжении многих веков — самым процветающим и наиболее интеллектуальным народом Европы, в то время как остальная Европа была погружена в смертельное оцепенение, умственно околдована, очарована промышленностью, политически поработощена, морально деградировала и религиозно скована коррумпированным священничеством, невежеством и суевериями.

Восемь веков еврей и мавр трудились бок о бок, и в течение всех этих столетий евреи, за некоторыми исключениями, были политически терпимыми и религиозно свободными, достигли огромного богатства и коммерческого значения, занимали почетно высокие политические посты и занимали социальное и интеллектуальное положение, равного которому не было в Европе ни до, ни после.

Но могущество мусульман начало ослабевать, и с его ослаблением произошли ужасные перемены в судьбе еврейского народа. С упадком мавритании в испанцах пробудилось страстное стремление к провинциям, из которых их изгнали арабские захватчики, а вместе с этим выросло и самое фанатичное рвение к изгнанию со своих территорий всех верований, кроме христианства.

Завязалась отчаянная борьба. Провинция за провинцией мавры были вынуждены уступать безжалостному врагу. Наконец все было потеряно. Мусульманская власть в Испании была сокрушена. Маврам и евреям был предоставлен выбор между крещением и изгнанием. Сотни тысяч из них сделали вид, что верны Церкви Христа, и остались. Сотни тысяч из них, верные своей вере, с разбитым сердцем расстались с землей, которая была им дороже их собственной

жизни. Оставшихся крещеных евреев и мавров вскоре заподозрили в возвращении к их старой вере, и инквизиция привела и сожгла их тысячами, что проредило ряды евреев-изгнанников. Гораздо большее число людей погибло от жестокости, незащищенности, голода, болезней в поисках тихого места, где они могли бы жить или умереть в мире. Везде, где остальным из них разрешалось селиться, они приносили благословения[43], подтверждая обещание Бога: "Благословляющие тебя будут благословлены".[44]

И таким же образом была подтверждена другая половина этого обещания: "Проклинающие тебя будут прокляты". Проклятие Божье тяжким грузом нависло над Испанией с тех пор, как она осмелилась наложить руку на помазанника Божьего, с тех пор, как она жестоко убила, сожгла и сослала самых бережливых, самых трудолюбивых, самых интеллектуальных людей, которые когда-либо ступали по ее земле, и сделала ее славой Европы и гордостью мира. Лишь на короткое время ее процветание продлилось после изгнания людей, которые создали это процветание. Новый Свет, открытие которого стало возможным благодаря евреям и маврам, принес метрополии огромные богатства, ускорившие гибель Испании. Это опьянило испанцев, и когда наступило отрезвление, эффект был ужасным. Если бы у них были умелые, трудолюбивые и умные евреи и мавры, способные направить огромные сокровища, которые вливались в Испанию с каждым судном, в полезные русла, Испания сохранила бы свое лидирующее положение в торговом мире, а Италия, Франция и Нидерланды, новые дома евреев, никогда бы не отобрали их у нее, и Испания не была бы сегодня тем, что она есть. Но вместо этого они потекли в казну жадной и ненасытной Церкви, и чем богаче становилась Церковь, тем ужаснее становилась ее тирания и тем сильнее становился соблазн для мирян войти в нее. Монастыри и церкви множились с такой огромной скоростью, что в начале семнадцатого века испанский историк насчитывал свыше 9000 монастырей, помимо женских, 32 000 доминиканских и францисканских монахов, 14 000 капелланов в Севильской епархии и 18 000 в епархии Калаорры.

Государство было полностью в его власти. Даже Карл V и Филипп II, государи, равных которым не было ни в одной другой стране в течение столь же длительного периода, с радостью подчинились власти Церкви и считали это благословенной привилегией. Карл V очень хвастался тем, что он всегда предпочитал свою веру своей стране, и доказал свое хвастовство, хладнокровно убив в Нидерландах более 50 000 мирных, трудолюбивых, добрых граждан-христиан за их религиозные убеждения. Каннибальский аппетит Церкви пришлось утолить, когда запас еврейских и мавританских жертв был исчерпан, христианам, ищущим истины и знаний, пришлось занять свои места *naquetaderos* в пыточных застенках инквизиции. Даже при последнем издыхании он приказал своему сыну Филиппу никогда не оказывать благосклонности еретикам, убивать их всех, поддерживать инквизицию как лучшее средство для утверждения истинной веры. Филипп II доказал, что он достоин своего отца. Он вписал свои заслуги перед Церковью в исторические записи огненными и кровавыми буквами.

С поразительной быстротой некогда непобедимая мощь Испании начала исчезать, слабея с каждым столетием, и сегодня население, составлявшее более 30 000 000 человек до изгнания евреев и мавров, сократилось примерно до половины от этого числа, в то время как соседние страны увеличились в численности и процветании. "Столь быстрым было падение Испании", - говорит Бакл в своей "Истории цивилизации Англии", том. II, глава II. Я", что самая могущественная монархия, существовавшая в мире, была доведена до низшей точки унижения, безнаказанно подвергалась оскорблениям со стороны иностранных государств, неоднократно

доводилась до банкротства, была лишена своих самых прекрасных владений, подвергалась общественному порицанию, стала темой, на которую любили разглагольствовать школьники и моралисты, уважая неопределенность человеческих дел. Воистину, она испила до дна чашу собственного позора. Слава покинула ее, она была повержена и унижена. Владычица мира ушла; ее могущество ушло, и возврата больше не было".

Церковь доказала, что является лжепророком. "Однажды очистите благословенную Испанию, - проповедовал он своим доверчивым последователям, - от присутствия проклятых евреев и мавров, и вы сами и ваши семьи окажетесь под непосредственной защитой Небес. Земля принесет больше плодов. Начнется новая эра, в Испании будет спокойно. Люди будут жить в безопасности и в мире и изобилии собирать плоды своего труда".

Таково было пророчество, но горько было его исполнение. С изгнанием евреев и мавров большие группы трудолюбивых и опытных земледельцев и искусных механиков были внезапно отозваны, и некому было занять их место. Выращивание риса, хлопка и сахара, а также производство шелка и бумаги были уничтожены одним ударом, и большая их часть была уничтожена навсегда, поскольку испанские христиане, все еще опьяненные своим военным, финансовым и социальным величием, считали подобные занятия ниже своего достоинства. Сражаться за короля и входить в Церковь было почетно, но все остальное было подлым и грязным. Целые районы опустели и по сей день никогда не заселялись повторно. Разбойники вскоре заняли места, которые раньше так благотельно занимали честные труженики. Менее чем за пятьдесят лет 16 000 ткацких станков Севильи, дававших работу 130 000 человек, сократились до менее чем 300, а ее население - до четверти от прежней численности. Шахты простаивали до тех пор, пока иностранцы не сжалились над некоторыми из них. Остальные простаивают до сих пор. Немногим более ста лет назад испанское правительство, преисполненное решимости обзавестись военно-морским флотом, сочло необходимым послать в Англию за корабельными плотниками; и они были вынуждены обратиться в тот же квартал за людьми, которые могли бы делать веревки и парусину, поскольку мастерство местных жителей было неравноценно таким трудолюбивым достижениям; и в начале восемнадцатого века они были вынуждены импортировать рабочих из Голландии, чтобы обучить испанцев искусству выделки шерсти, искусству, которым они особенно славились в своем славном прошлом.

Последствия этого промышленного и сельскохозяйственного застоя не могли не сказаться. Начался голод. Вельможи громко роптали против государства за изгнание евреев и мавров. Жители Мадрида падали на улицах от голода и погибали там, где падали, — так умирали от голода еврейские изгнанники — воцарилась анархия. Мирные граждане организовывались в банды и отправлялись на поиски хлеба, взламывали частные дома, грабили и убивали жителей среди бела дня — так были убиты еврейские изгнанники. Воистину, исполнилось Божье пророчество: "И Я благословлю благословляющих тебя, и прокляну проклинающих тебя, в тебе благословятся племена земные".[45]

Интеллектуальный упадок Испании неуклонно сопровождался ее политическим и промышленным упадком. Она больше не является центром европейской учености. Ее интеллект больше не проливает светлых лучей по всему миру. Мавры и евреи покинули ее провинции, и

тьма покрывает ее земли, ночные тени снова удушливо нависают над ее народом. Ее бедность сделала ее невежественной, ее невежество сделало ее крайне фанатичной, и ее фанатизм по сей день является врагом всякого социального и интеллектуального прогресса. В течение двух с лишним столетий исследования, способные стимулировать мышление, были категорически запрещены. По мере того, как ее братские страны развивались интеллектуально, она отказывалась, и по мере того, как они сбрасывали с себя церковные оковы, она радостно подчинялась тому, чтобы они затягивались вокруг нее еще туже. До восемнадцатого века в Мадриде не было ни одной публичной библиотеки, и сегодня количество томов во всех испанских библиотеках не достигает 500 000. Библиотека Кордовы в десятом веке, до открытия печатного станка, насчитывала более 600 000 томов. Государственная библиотека Парижа и библиотека Лондона насчитывают соответственно более 1 500 000 и более 2 000 000 томов. Еще в 1771 году Университет Саламанки, самое древнее и известное учебное заведение Испании, публично отказался разрешить преподавание открытий Ньютона, сославшись на то, что его система не соответствовала богооткровенной религии. Бакл приводит цитаты из испанских источников, послание, которое проиллюстрирует бездны невежества, в которые погрузился испанский интеллект. Около века назад несколько смелых людей предложили очистить улицы Мадрида. Предложение было встречено с бурным негодованием. Правительство обратилось с вопросом к медицинским работникам. Они сообщили об этом неблагоприятно. Они не сомневались, что грязь должна остаться. Убрать его было новым экспериментом, а результат новых экспериментов невозможно было предвидеть. Поскольку их отцы жили в этом мире, почему бы им не поступить так же? Их отцы были мудрыми людьми, и, должно быть, у них были веские причины для такого поведения. Грязь останется. И она осталась. И это сделало Испанию, увы, слишком частые жертвы чумы и холеры, и мы теперь уже не интересно, что год назад, когда холера свирепствовала в Испании, народ встал против врачей за то, что попросил прибегать к лекарствам и чистоты, а не для мощей и святой водой.

Интеллектуально Испания продолжает спать, видит сны, не получая никаких впечатлений от остального мира и не влияя на него. "Вот она лежит, - говорит историк, - на дальней оконечности континента, огромная и оцепенелая масса, единственное оставшееся ныне воплощение чувств и знаний средневековья. И что является худшим симптомом из всех, она довольна своим положением. Хотя она самая отсталая страна в Европе, она считает себя превыше всего. Она гордится всем, чего ей следовало бы стыдиться. Она гордится древностью своих взглядов; гордится своей ортодоксальностью; гордится силой своей веры; гордится своей безмерной и детской доверчивостью; гордится своим нежеланием изменять ни свое вероисповедание, ни свои обычаи; гордится своей ненавистью к еретикам и гордится неусыпной бдительностью, с которой она пресекала их попытки добиться полного и законного устройства на ее земле".

Но с тех пор, как Бакл написала эти убедительные строки, она изменилась. Она вспомнила евреев около пяти лет назад, после 400 лет изгнания. Наконец-то у нее открылись глаза, и теперь она стремится исправить свои обиды по отношению к людям, от которых она больше всего пострадала. И процветание последует за возвращением евреев. Испания снова будет благословлена; это может занять время, сначала нужно сокрушить церковную тиранию и искоренить невежество и суеверия, но они будут сокрушены и искоренены. Ее гавани в Атлантике и Средиземном море снова будут управлять торговлей в обоих полушариях. Ее города снова будут кишеть людьми. Ее города снова будут процветать, ее мануфактуры снова станут искусными, продукты ее плодородной почвы снова будут радовать сердца человечества. Ее неисчерпаемые рудники, богатые всеми драгоценными и полезными металлами, ее мраморные

карьеру и залежи угля снова приведут колесо промышленности в оживленное движение. Она снова будет благословлена. Она должна быть снова благословлена, ибо таково слово Божье. Она протянула руку дружбы Его помазанному народу, и те, кто благословит их, будут благословлены.

Мавров, Испания больше не может вспомнить. Арабо-мавров, какими они были в Испании, больше не существует. Их потомки бродят как погруженные во мрак бедуины по тем регионам Африки, которые их предки когда-то озаряли светом науки. Исчезла большая часть их литературы. Красивые акценты классического арабского языка больше не слышны. Тьма, глубокая тьма теперь правит Аравийским полуостровом. История о том, что их предки в Испании сделали нашу цивилизацию своей должницей, сегодня действительно читается как сказка.

Но евреи живы и выполняют славную миссию, ради которой они были рассеяны по всему миру. Люди, избранные Вечным Иеговой в качестве Его священников, не могут умереть. Народ, который видел, как приливные волны Вавилона, Персии, Греции, Египта, Рима перекачиваются через него и вместо того, чтобы поглотить его, дожил до того, чтобы увидеть, как они захлестывают его; народ, который выжил после тысячисражений, после подвигов героического мужества, с которыми Рим, и Афины, и Спарта, и Карфаген никогда не сравнятся, пережив их всех; народ, который все еще жив после восемнадцати веков преследований и все еще един, хотя и разбросан по всему миру, и хотя его не удерживают вместе узы какого-либо отечества, ему никогда не суждено было стать единым целым. уничтожен любой Церковью или любой расой людей. Еврей старше обоих и переживет их обоих. Время и смерть не властны над ним. Эмерсон говорил правду:

"Это тот, кто, поверженный врагами,

Безвредно вскочил, освеженный ударами:

Он в плен был продан,

Но его не удержали бы никакие тюремные решетки;

Хотя они замуровали его в скале,

Горные цепи, которые он может разблокировать;

Брошен львам на съедение,

Припавший к земле лев целовал его ноги;

Привязанный к столбу, не охваченный пламенем,

Но над ним воздвигнут свод в честь него".

Таков еврей. Он так же нерушим, как его религия, и так же вечен, как его Бог.

ПРОЩАЙ, ИСПАНИЯ.

Schoenes Land der Jugend Traeume!

Habe endlich dich durchzogen,

Ueberall nur Freude findend,

Herzlich war ich aufgenommen.

Schoen bist du und lachend woelbt sich

Ueber dir der blaue Himmel,

Dich umrauschen Meereswellen

Und dir ragen Bergesgipfel.

Auf den Feldern blueht der Weinstock,

Feigenbaeume decken Huetten,

Purpurn glaenzen die Granaten,

Und der Oelbaum strotzt in Fuelle.

Allzeit duften dir die Rosen

Und die Myrthen in dem Garten,

Gleich Orangen und Citronen

Bilden Waelder dir die Palmen.

Schoenes Land, das frohen Menschen

Steigert den Gesang zum Jauchzen,

Land des Weines und der Taenze

Und der anmuthsvollen Frauen.

Land der Dichter und der Ritter,

Und der muntren Volkessitten,

Land fuer Hohes sich begeisternd,

Und gefuehrt vom Edelsinne.
Einst, ja einst, da sangen mit euch,
Judas Soehne, euch zum Ruhme,
Waren eng mit euch vereinet,
Gleicher Sinn hat euch verbunden.
Sie auch stellten manchen Denker,
Der noch heut' im Volke lebet,
Und ihr habt von eurem Namen
Vieles ihnen zu verdanken.
Sie auch stellten manchen Dichter,
Der in urer schoenen Sprachen
Liedere sang in allen Toenen,
Wie sie nur Iberien athmet.
Trefflich waret ihr gebildet,
Die Natur hat euch geschmuecket.
Doch, es waren boese Maechte,
Die euch falsche Wege fuehrten.
Jene boesen Maechte sind es,
Die euch das Verderben brachten,
Despotismus war die eine,
Fanatismus war die andre.
Schon in diesen wen'gen Blaettern
Hoert ihr eine Welt von Jammer.
Rastlos jagten schwarze Wolken,
Euren Himmel zu umnachten.
Doch es nahen nach den Stuermen
Endlich jene lichten Zeichen,
Die die neue Zeit verkuenden,
Alte Schaeden auszugleichen!

Ja, sie nahen, jene Geister,
Fuer die Wahrheit sich zu muehen;
Ja, sie nahen, jene Maenner,
Die fuer Menschenrecht ergluehen.
D'rum sei alles Leid vergessen,
Bruedern ziemt es, zu vergeben,
Ob der grossen Geisteswerke
Wollen freudig wir vergeben.
Ob der grossen Geisteswerke,
Die wir danken euren Gassen,
Unserer Geschichte Glanzpunkt,
Seit wir Judas Land verlassen.
Moege eure Kraft sich sammeln,
Wohlstand eure Wege schmuecken,
Wissenschaft und Kunst erstarken,
Frieden euer Land begluecken.

ПРИМЕЧАНИЕ.— Немецкие стихи в конце глав [XV.](#), [XVI.](#), [XVII.](#), [XVIII.](#) являются отрывками из "Иберии" доктора М. Левинса.

Стихотворные подборки на страницах [133](#), [134](#), [135](#) взяты из произведений Габироля. Ха Леви является автором первой подборки, а Моисей бен Эзра - второй подборки на странице [136](#).

СНОСКИ:

[1] Обратитесь к "Истории крещения младенцев" Уолла.

[2] Полный отчет об учении Церкви в Темные века о страданиях в аду см. в книге Леки "История европейской морали", глава iv.

[3] "Церковная история Мосхайма".

[4] Подробное описание "Великой Мескиты" см. в книге Конде "История арабов в Испании", том. I, глава XXXIV, и "Завоевание Испании" Коппи, книга X, глава V; о "Вере и поклонении" см. Конде и "Магомет" Ирвинга, приложение к тому I.

[5] Коран, часть ВТОРОЙ суры.

[6] Талмуд Бабли в *Соте* 13а говорит о подобном сверхъестественном свете при рождении Моисея.

[7] Притчи, i:21.

[8] Ездра, ix:9.

[9] Суббота Бабли из Талмуда, 11 а.

[10] Исход ххv: 31-36.

[11] Люсиль, Часть II, Песнь I., ст. 20.

[12] Суббота Бабли Талмуда 23б.

[13] Талмуд Бабли Шаббат 119b.

[14] Пс. ххiii. 4.

[15] Талмуд Бабли, Песахим 87 г. до н. э.

[16] Римлянам хv:28.

[17] "Confessar la region cristian y bantizarse, o ser decalvados, azotados, lanzados del reino y confiscados sus bienes." Вестготский кодекс xii, тит. iii.

[18] "Рационализм Лекки в Европе", (страницы 270-271), том 2, глава 6, а также следующее из "Фердинанда и Изабеллы" Прескотта (стр. 192), том 1:

"При Вестготской империи евреи чрезвычайно размножились в стране, и им было позволено приобрести значительную власть и богатство. Но как только их арианские хозяева приняли ортодоксальную веру, они начали свидетельствовать о своем рвении, обрушивая на евреев самую безжалостную бурю преследований. Только один из их законов приговорил всю расу к рабству; и Монтескье без особого преувеличения замечает, что в готском кодексе можно проследить все принципы современной инквизиции, монахи пятнадцатого века лишь копировали, применительно к израильтянам, епископов седьмого".

[19] Совет Безье, 1246 год н.э.; Совет Альби, 1254 год: Парижский факультет, 1301 год.

[20] Подробнее см. "Geschichte der Juden" Греца, тома 5 и 6; "Geschichte des Judenthums" Йоста, тома 2 и 3, главы ххiv-ххvii; "Интеллектуальное развитие Европы" Дрейперса, том 2, глава iv.

[21] For full information consult "History of Medicine," by J. F. Payne; "Geschichte der Arabischen Aerzte und Naturforscher," by Wustenfeld.

[22] В Германии и Англии только в пятнадцатом веке, и отсюда их отсталость до тех пор.

[23] Копия этого арабского произведения хранится в Бодлианской библиотеке в Оксфорде, с датой транскрипции, соответствующей 1342 году.

[24] "Жизнь Шеридана" Т. Мура, том. 2, глава iv.

[25] Иногда, не без удивления, мы сталкиваемся с идеями, которые, как мы льстим себе, возникли в наше время. Таким образом, в их школах преподавались наши современные доктрины эволюции. Фактически, они продвинулись в них гораздо дальше, чем мы склонны, распространив их даже на неорганические и минеральные вещества. Фундаментальным принципом алхимии был естественный процесс развития металлических тел. "Когда обычные люди, - говорит Аль—Хазини, писавший в двенадцатом веке, - слышат от натурфилософов, что золото - это тело, достигшее совершенства зрелости, достигшее цели полноты, они твердо верят, что это нечто, что постепенно достигло этого совершенства, пройдя через формы всех других металлических тел, так что его золотой природой изначально был свинец, затем оно стало оловом, затем медью, затем серебром и, наконец, достигло развития золота; не зная, что натурфилософы имеют в виду, говоря это, лишь нечто подобное тому, что они имеют в виду, когда говорят о человеке и приписывают ему божественную природу". ему присущи завершенность и равновесие в природе и телосложении, а не то, что человек когда-то был быком, потом превратился в осла, потом в лошадь, а потом в обезьяну и, наконец, стал человеком".

— *"Конфликт между религией и наукой" Дрейпера, глава IV.*

[26] "Фердинанд и Изабелла" Прескотта, книга I, глава 8, "История Испании" Конде, II, глава 88.

[27] "История поэзии Прованса" Фориэля, глава xiii.

[28] "Завоевание Испании" Коппи, книга x.

[29] Этот и следующие отрывки взяты из переводов мисс Эммы Лазарус в "Песнях семита".

[30] Перевод проф. Э. Левенталю.

[31] Перевод миссис Магнус.

Приведенные выше поэтические переводы по большей части взяты из "Песен семита" мисс Эммы Лазарус.

[32] Теперь Кирилл носит титул "Святой"; когда мы впервые встретились с ним, подстрекавшим своих монахов убить ученую Ипатию, он был всего лишь епископом Кириллом. Этот благородный и гуманный поступок вместе с его похвальным рвением к ограничению науки и рациональных исследований принес ему почетное звание "Святого"

[33] As a careful study of Eisler's "Vorlesungen Ueber Juedische Philosophie des Mittelalters," and Renan's "Averroes et Averroisme," and Joel's "Verhالنiss Albert des Grosse zu Moses Maimonides," and "Spinoza's Theolgo-Politischer Traktat auf Seine Quellen's Geprueft," and Haarbruecker's translation of Schahrastani's "Religions Partheien Philosophen-Schulen," will readily prove.

[34] Иеремия xxix: 5-8

[35] "Христиане и мавры Испании" К. М. Йонга, глава х.

[36] Подробнее см. "Завоевание Испании" Копи, том II, глава VIII, и "Фердинанд и Изабелла" Прескотта, том I, глава VIII.

Евреи были самыми искусными врачами, самыми способными финансистами и одними из самых глубоких философов; в то время как в развитии естественных наук они уступали лишь маврам. Они также были главными переводчиками арабских знаний в западную Европу. Но их самая важная услуга, которая нас сейчас особенно интересует, заключалась в поддержании коммерческой деятельности. На протяжении веков они были ее единственными представителями. Путешествуя из страны в страну, пока они не стали близко знакомы как с нуждами, так и с продукцией каждой из них, практикуя ростовщичество в больших масштабах и с непревзойденным мастерством, поддерживая постоянную и тайную переписку и организуя систему обмена, которая в то время не имела аналогов в Европе, евреи преуспели в том, что стали абсолютно незаменимыми для христианской общины, накопили огромное богатство и приобрели огромное влияние посреди своих страданий. Когда итальянские республики пришли к власти, они вскоре стали центрами, куда стекались евреи; и при торговых правительствах Ливорно, Венеции, Пизы и Генуи была предоставлена степень терпимости, которая действительно была далека от совершенства, но, наконец, стала неизмеримо большей, чем где бы то ни было. (Из книги Леки "Рационализм в Европе", часть II, глава VI.).

Из порта Барселоны испанские халифы вели огромную торговлю, и они вместе со своими помощниками — еврейскими купцами — переняли или создали множество коммерческих изобретений, которые с чисто научной точки зрения они передали торговым сообществам Европы. Таким образом, искусство ведения бухгалтерского учета путем двойной записи было перенесено в Верхнюю Италию. Были приняты различные виды страхования, хотя духовенство оказывало им яростное сопротивление. Они выступали против страхования от пожара и морского страхования на том основании, что это было искушением Провидения. Страхование жизни рассматривалось как акт вмешательства в последствия Божьей воли. Дома для ссужания денег под проценты, то есть банковские учреждения, подвергались резкому осуждению, и особенно было возмущено взимание высоких процентов, что клеймилось как ростовщичество — чувство, существующее в некоторых отсталых сообществах до наших дней. Были приняты переводные векселя в нынешней форме, учреждена государственная нотариальная контора и были поданы протесты по нарушенным обязательствам. Действительно, можно сказать, без особого преувеличения, что таким образом было внедрено коммерческое оборудование, используемое сейчас. ("Конфликт между религией и наукой" Дрейпера, глава XI, стр. 317-318)

"Изоляция, в которой евреи были вынуждены жить, и продолжавшиеся долгое время запреты на приобретение недвижимости направили их спекуляции в сторону торговли и мануфактур, в которых они вскоре добились неоспоримого превосходства.... Нет ничего более любопытного для изучения, чем торговое состояние этой нации, у которой не было ни собственной территории, ни портов, ни армий, и которая, постоянно лавируя по беспокойному морю при встречных ветрах, наконец прибыла в порт с богатыми грузами и огромными богатствами. Евреи торговали, потому что им редко разрешалось заниматься каким-либо другим безопасным делом. В то время как многочисленность сборных пунктов и тирания феодалов делали невозможной любую торговлю, за исключением торговли мелких торговцев с рынков больших и невеликих городов, евреи, более смелые, более мобильные, мечтали о более масштабных

операциях и молча трудились, чтобы связать воедино континенты, объединить королевства. Они избегали больших дорог и замков, тщательно скрывая свое истинное богатство и свои тайные сделки под маской бедности. Они преодолевали огромные расстояния в поисках редких продуктов из отдаленных стран и доставляли их в пределах досягаемости состоятельных потребителей. Скитаясь и путешествуя из страны в страну, они приобрели точное представление о потребностях во всех местах; они знали, где покупать и где продавать. Несколько образцов и записной книжки было достаточно для их самых важных операций. Они переписывались друг с другом на основании обязательств, которые их интересы обязывали их соблюдать, принимая во внимание врагов всех мастей, которыми они были окружены. Торговля потеряла след гениальных изобретений, которые были результатом их усилий; но именно их влиянию она обязана быстрым прогрессом, который история показывает нам блестящим явлением посреди ужасов феодальной тьмы. Незаметно евреи поглощали все деньги, поскольку это была та собственность, которую они могли приобрести и безопасно хранить.... На протяжении более чем пятисот лет именно в истории этой нации мы должны изучать прогресс торговли и более или менее смелые попытки, благодаря которым она возвысилась до уровня политической власти.... Евреи были хранителями лучших известных тканей, и они торговали ими с огромной прибылью: они распространили использование и в то же время увеличили спрос на них в замках и аббатствах. Они также занимались торговлей ювелирными изделиями и золотыми и серебряными слитками. Феодализм мешал этим прибыльным занятиям меньше, чем можно было бы предположить: лорды ставили им строгие условия, но у них хватало здравого смысла относиться к ним с уважением. Кроме того, в разгар всеобщего террора, который постоянно царил на всех дорогах и среди всех путешественников, евреи, вооруженные охранными грамотами, беспрепятственно путешествовали по всей Европе и в десятом и одиннадцатом веках распоряжались, как суверены, всей торговлей Франции. В то время они уже значительно упростили коммерческие процедуры, и их переписка сделала бы честь самым способным торговцам наших великих городов.

Появление торговцев Ломбардии, Тосканы и других частей Италии завершило работу евреев и дало энергичный импульс торговле средневековья. Последние с того времени торговали всем подряд и пускали в оборот недвижимое и движимое имущество, такое как лошади, земли и дома. Историк Ригорд заходит так далеко, что утверждает, что евреи были в то время настоящими владельцами половины королевства.... Также утверждается, что именно в это время появились первые переводные векселя, изобретение которых одни относят примерно к седьмому веку, а другие - только к середине двенадцатого. Это вопрос, который еще не прояснен и который не имеет такого большого значения, как некоторые предполагали. Дата такого открытия, даже если бы ее можно было достоверно установить, представляла бы интерес просто из любопытства; но, похоже, ей суждено навсегда остаться под сомнением. Считается, и не без оснований, что этим изобретением мы скорее обязаны итальянским торговцам, чем еврейским брокерам того времени, поскольку у последних не было возможности так быстро, как у других, посвятить себя торговле между разными местами, что, вероятно, и навело на эту идею. Само название обменных писем, которое было изначально итальянским, по-видимому, указывает на их истинное авторство; и первый город, где они были использованы, Лион, в то время столица Италии, является еще одним указанием. Вероятно, что лангобарды и евреи сыграли равную роль в их изобретении и с самого начала предвидели важные последствия их использования.^[36a] Позже эти изобретатели вступили в борьбу, и история итальянских республик средневековья полна споров, возникавших между ними по поводу привилегий,

которыми одни хотели пользоваться в ущерб другим. Мы видим, как евреи становятся интендантами, управляющими, прокураторами, банкирами и даже брачными агентами, в зависимости от того, были ли они более или менее насильственно вытеснены со всех обычных коммерческих должностей буллами пап или завистью конкурентов. Таким образом, все способствовало тому, что они оказались в порочном круге, вырваться из которого они могли только путем ростовщичества и денежных переговоров. Когда зависть вынуждает их покинуть город, интересы жителей призывают их вернуться; их капитал стал настолько необходим промышленным городам, что игнорируются приказы властей, чтобы помешать евреям перенести его в другое место. Более того, вскоре даже в деревнях появляются дома для раздачи денег взаймы; и тосканские евреи руководят из центрального пункта множеством филиалов своих заведений во Флоренции и Пизе. Их богатство и великолепие превосходили воображение и возбуждали против них фанатичных противников. Мы знаем историю знаменитого Бернардена де Фельтре, который в своем энтузиазме дошел до того, что проповедовал крестовый поход против них, и который при каждом удобном случае проявлял себя их самым непримиримым врагом. Он повсюду преследовал их как ростовщиков, жаждущих крови народа, и, чтобы разорить их учреждения, задумал противостоять им путем создания тех домов ссуд под залог, которые называются *monts-de-piete*. Поначалу в них все было бесплатно, и выдаваемые суммы были беспроцентными. Более того, их успех был ошеломляющим, и в большинстве городов Италии были свои *монастыри Пьете*, которые в один прекрасный день превзошли по ростовщическим поборам самые смелые операции евреев.... Однако эти *монастыри* не могли заменить еврейских заведений, и это обстоятельство доказывает, с какой проницательностью последние действительно угадывали потребности денежного обращения. Хотя *мон-де-Пьете* давал деньги взаймы почти без процентов, формальности, которые необходимо было выполнить, чтобы иметь право на их помощь, неизбежные задержки в их управлении, необходимость доказать законное владение заложенными предметами и, прежде всего, обязательство вкладчиков называть свои имена, вскоре отпугнули заемщиков, которые могли получить средства в любое время, тайно и без формальностей, у еврейских банкиров. Богатые и бедные, сеньоры и вельможи спешили к ним, и их авторитет в Ливорно во времена Медичи был так велик, что поговорка вошла в поговорку: "*Лучше победить великого герцога, чем еврея*". Папа Сикст Пятый снова открыл для них все источники богатства, которые закрыли его предшественники; их имущество было даже освобождено от всякой пошлины, *сакра монте делла пьета* перестала конкурировать с ними, когда стоявшие у власти христиане превзошли злоупотребления своих соперников. После десяти лет своего существования *мон-де-пьете* превратился в то, чем он является сегодня, - открытые ямы под ступенями несчастья, а не убежища для его избежания.... Таким образом, все, по-видимому, подтверждает веру в то, что евреи оказывают заметное влияние на ход политической экономики в Европе, поддерживая в разгар феодальной анархии коммерческие традиции, которым суждено было стать совершенными в атмосфере пятнадцатого века. Именно преследованиям, жертвами которых они стали, мы обязаны первыми попытками кредита и системой обращения. Возможно, только они, сосредоточив внимание на торговле золотом и серебром - внимание, которое предрассудки их современников не позволяли им уделять чему-либо другому, - подготовили почву для великой денежной революции, которую открытие рудников в Америке и учреждение европейских банков должны были совершить в мире. Таким образом, светлый след будущего сияет и сохраняется даже среди самых мрачных событий.

[37] "История арабов Испании" Конде, том III, глава XXVI.

[38] "Завоевание Испании" Коппи, том 1, глава V, стр. 441-442.

[39] Существует римско-католическое периодическое издание под названием *La Bandera Catholica* (Католическое знамя), которое издается в Барселоне, Испания; и 29 июля 1883 года в нем была опубликована статья, которая заставила человека почти подумать, что он живет в шестнадцатом, а не в девятнадцатом веке. Автор статьи полагает, что горящий костер - это дело ближайшего будущего. Он говорит: "Слава Богу, наконец-то мы повернулись к тем временам, когда еретические доктрины преследовались так, как им и положено быть, и когда те, кто их распространял, были наказаны образцово."

Вскоре должно состояться учреждение Святого Трибунала инквизиции. Его правление будет более славным и плодотворным по результатам, чем в прошлом, и число тех, кто будет призван пострадать при нем, превысит число прошлых лет. Наше католическое сердце переполняется верой и энтузиазмом, и огромная радость, которую мы испытываем, начиная пожинать плоды нашей нынешней кампании, превосходит всякое воображение. Каким радостным днем это будет для нас, когда мы увидим, как масоны, спиритуалисты, свободомыслящие и антиклерикалы корчатся в пламени инквизиции!"

Мы также читаем в другой статье той же римско-католической газеты, что за время существования инквизиции, с 1481 по 1808 год, только в Испании было сожжено заживо 35 534 мужчины и женщины и 93 533 осужденных к другим наказаниям за то, что они расходились во мнениях с Римской церковью.

[40] Первый еврей прибыл в Америку вместе с Христофором Колумбом. Его звали Луи де Паррес. Он был одним из 120 спутников Колумба и единственным, кто понимал шемитские языки. Он и Родриго де Херес были первыми белыми людьми, которых Колумб высадил на берег. (See "*Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen von Prof Sophus Ruge.*")

[41] намекает на тот факт, что Торквемада постоянно боялся покушения и что он всегда носил с собой рог единорога, веря, что это спасет его.

[42] Прескотт: "Фердинанд и Изабелла", Том I, глава xvii.

[43] Ср. "Рационализм в Европе" Лекки, том i, глава vi.

[44] Бытие xii: 3.

[45] Gen. xii:3.
